4
П-30

Е.Ф. ПЕТРИЩЕВА

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО •НАУКА•

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.Ф. ПЕТРИЩЕВА

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Дорогой Люсе на добрую память
Е. Петр

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

4
П-30

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУ... ...О ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
77961

В книге рассматривается лексика, обладающая в самом языке потенциальными стилистическими возможностями. Исследуются причины расхождений в ее квалификации разными словарями. На основе изучения природы стилистических свойств этой лексики и условий, влияющих на их проявление в речи, разрабатываются приемы стилистического анализа слов. Выделяются основные типы и виды этой лексики, выявляются общие закономерности их связей и соотношений.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Т. Г. ВИНОКУР

П $\frac{4602010000-010}{042(02)}$ 353—84—I

© Издательство «Наука», 1984 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Лексика современного русского литературного языка изучена со стилистической точки зрения лучше других языковых средств. Стилистическая характеристика слов входит в задачу не только толковых словарей советского времени [1], но и словарей синонимов [2], некоторых двуязычных словарей [3] и т. д. Стилистической дифференциации лексики уделяют особое внимание авторы лексикологических работ [4]. Преимущественно материалом лексики и фразеологии оперируют исследователи в лингвистических работах, посвященных проблемам стилистики. Это объясняется как большей изученностью (со стилистической точки зрения) этих средств языка, так и тем, что они наиболее дифференцированы в стилистическом отношении. Следует отметить, что такой подход отражает мнение, как представляется справедливое, что сущность стилистической маркированности на всех языковых ярусах одна и та же [5]. Разницу между лексикой, фра-

[1] Толковый словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1935—1940 (далее СУ); Словарь русского языка/Сост. С. И. Ожегов. 9-е изд. М., 1972 (далее СО); Словарь русского языка АН СССР. Т. I—IV. М., 1957—1961 (далее СА4); Словарь русского литературного языка АН СССР. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965 (далее СА17).

[2] Особенно интересен в этом отношении Словарь синонимов русского языка АН СССР. Т. I—II. Л., 1970—1971 (далее СС).

[3] См., например: Русско-французский словарь/Под ред. Л. В. Щербы. М., 1936.

[4] Видимо, поэтому еще недавно было широко распространено мнение, что изучение стилистических потенций средств языка — задача не стилистики, а лексикологии, синтаксиса, морфологии и т. п., хотя пристрастие лексикологов к стилистическим признакам слов объясняется тем, что лексические средства, в отличие от синтаксических, морфологических и т. д. не имеют формальных признаков, которые могли бы лечь в основу их классификации. В последнее время, однако, получила распространение иная точка зрения. «Если читатель спросит меня, каков конкретный предмет науки, называемой стилистикой (лингвостилистикой), я, не претендуя на исчерпывающую формулировку, отвечу так: это, во-первых, особые языковые средства, способные во взаимодействии с нейтральными языковыми средствами нести дополнительную эстетическую информацию, и, во-вторых, типологическое описание текстов»,— говорит, например, И. Р. Гальперин (*Гальперин И. Р.* Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1980, с. 5).

[5] М. В. Панов отмечает даже зависимость произносительной стилистики от стилистики лексической. «Произносительные стили,— говорит он,— связаны со стилистическими соотношениями в лексике; в известном отношении они производны от лексических стилей» (*Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики).— В кн.: Развитие современного русского языка. М.: Наука, 1964, с. 13). Поэтому исследование произносительной стилистики М. В. Панов предваряет рассмотрением стилистических отношений в лексике.

зеологией, синтаксисом и т. п. в стилистическом плане можно представить как чисто количественную: одни виды стилистических средств больше обеспечены лексическими единицами и меньше (вплоть до нуля), допустим, синтаксическими, другие, напротив, больше синтаксическими и меньше лексическими и т. д.

2. Тем не менее проблема стилистического расслоения лексики и закономерностей связей и соотношений (в том числе количественных) различных ее типов, видов и разновидностей далеко не исчерпана. Об этом говорит и несогласованность стилистических помет к значительной части слов в разных словарях, что уже неоднократно отмечалось нашими лингвистами, и разногласия по поводу выделения тех или иных разновидностей стилистически маркированных (их называют также стилистическими, стилевыми, стилистически окрашенными) средств, иерархии этих средств и материального состава некоторых из них.

1) Как правило, в современном русском литературном языке выделяют средства функциональные и средства экспрессивные. Однако некоторые авторы этих средств не различают. Так, М. В. Панов считает, что существует только две противопоставленные друг другу и нейтральным словам группы лексики: лексика разговорная (*вечерком, взасос, висюлька, вихрастый, взмоститься, глазастый, ехидничать, забияка, загвоздка* и т. п.), и лексика высокая (к ней он относит слова, которые в словарях «дифференцируются на риторические, торжественные, высокие, патетические, книжные» — *вершитель, вещий, взлет, взывать, вкусить, воин, возмездие и т. п.*). И разговорная, и высокая лексика делится, по мнению М. В. Панова, по степени яркости окраски, причем «в разговорном стиле ... расслоение, разграничение между слоями едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей окраске (в зависимости от контекста)» [6].

По существу не различает этих средств и О. С. Ахманова. По её мнению, «вопрос о стилистической дифференциации слов выступает как вопрос о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются вследствие их предпочтительного или даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения» [7]. Поэтому она полагает, что одни эмоционально-оценочно-экспрессивные средства организуются вокруг одного стилевого центра — книжного, другие («всевозможные стилевые оттенки, обычно весьма нечетко и недостаточно дифференцированно обозначаемые как «фамильярные», «презрительные», неодобрительные» и т. п.») вокруг второго — разговорного [8].

---

[6] *Панов М. В.* Указ. соч., с. 7, 12—13.

[7] *Ахманова О. С.* О стилистической дифференциации слов.— Сборник статей по языкознанию. Проф. МГУ акад. В. В. Виноградову. М., 1958, с. 31.

[8] Там же, с. 37.

2) Лингвисты, различающие функциональные и экспрессивные средства, безоговорочно относят первые к средствам стилистическим. По поводу же экспрессивных средств мнения разделились: с точки зрения многих авторов они не входят в состав стилистических средств [9].

3) К функционально-стилистическим средствам обычно относят элементы книжные и разговорные, противопоставляя их друг другу и элементам, нейтральным в функционально-стилистическом отношении. Но некоторые лингвисты характеризуют книжные и разговорные элементы как экспрессивные, делая исключение лишь для терминологии [10].

4) Очевидны расхождения в понимании состава книжных средств. Значительное число слов, которые СУ относит к книжным, СА4 дает без всяких помет. Так, из группы слов: *абстрагироваться, абсурдный, авантюристический, автократ, автоматизм, авторитарный, ассоциироваться, аффектация, адепт, вследствие, весьма, гелертер, гетерогенный, декаданс, декорум, крайне, понуждать, чрезвычайно, утрировать*, получивших в СУ помету *книжн.*, СА4 признает книжными только *автократ, авторитарный, адепт, гелертер, гетерогенный, декаданс, декорум.*

Разновидностями книжных средств принято считать средства официально-канцелярские, газетно-публицистические, специальные (научно-технические). Отмечается, что в основном это лексика и фразеология, поскольку в области синтаксиса, морфологии и т. п. число специфических официально-канцелярских, газетно-публицистических, научно-технических элементов незначительно [11]. При этом особо важная роль отводится терминологии. Но некоторые авторы исключают научно-техническую, общественно-политическую, официально-канцелярскую и т. п. терминологию из ряда стилистических средств.

---

[9] Ср., например: «От понятий «стилистическая окраска» и «дополнительные оттенки» следует отличать понятие оценочно-выразительной характеристики (экспрессии) языкового элемента» (*Пиотровский Р. Г.* Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1960, с. 23).

[10] *Вейхман Г. А.* О стилистической классификации современного английского языка.— НДВШ. Филол. науки, 1958, № 4, с. 104.

[11] Следует отметить отсутствие единого мнения о количестве специфически газетно-публицистических единиц лексики и фразеологии. А. К. Панфилов отмечает их многочисленность. К публицистической лексике он относит слова *агитбригада, агитационно-массовый, агрессия, администрирование, активизация, активизировать, активист, актуальный, аллилуйщик, аполитизм, аполитичный, боевитость, безыдейный, застрельщик, новатор* и т. п. (см. *Панфилов А. К.* Лекции по стилистике русского языка. М., 1968, с. 82). Г. Я. Солганик, напротив, считает, что незначительный процент слов и устойчивых сочетаний с пометами «публицистическое», «газетное», «журнальное» в СУ (0,003) и то, что в последующих толковых словарях такие слова либо приведены без помет (т. е. расцениваются как нейтральные), либо вообще отсутствуют, свидетельствует, что сколько-нибудь устойчивого набора «газетизмов» не существует (*Солганик Г. Я.* Системный анализ газетной лексики. Автореф. докт. дис. М., 1976).

5) Нет единства в понимании состава разговорных средств. В качестве примера элементов, которые характеризуются как разговорные, можно указать: слова типа *вперед* ‘в будущем’, *вытянуться* ‘вырасти’, *нынче*, *покуда*, *к примеру*, *сперва*, *ужасно* ‘очень’ и т. п.; звательную форму от существительных 1-го склонения (*мам*, *пап* и т. п.); склонение буквенных и звуковых аббревиатур (*закажи книгу в ФЭБЭОНе*, *клеил бээфом*); аналитические прилагательные вне сочетания с существительными (*в Англию авиа пожалуйста*; *у вас конверты авиа есть*?); имена сущ. ж. р. с суф. *-ка* типа *зажигалка*, *продленка*, *манка*; эллиптические конструкции типа *Два до Филей*; *Купи мне на платье или хоть на юбку*; построения *Что правда то правда*; *Ай да Ваня*, *ах мошенник* и т. п.[12] К словам, которые «составляют специфическую особенность разговорной лексики», иногда относят к «так называемые бытовизмы, т. е. слова, характерные для разговоров на бытовую тематику... типа *чайник*, *кастрюля*, *солонка*, *плита*, *сковородка*, *вилка*, *ложка*, *блюдце*, *тарелка*, *чашка*, *умывальник*, *расческа*, *гребешок*, *заколка*, *шпилька*, *веник*, *щетка*, *тряпка* и т. п.»[13] В одном ряду с указанными фактами некоторые авторы рассматривают и «отклонения от кодифицированной нормы, которые получили закрепление в языковом узусе и обладают в связи с этим свойством воспроизводимости в речи массы говорящих индивидуумов», например, синтаксические структуры типа: *А чай с вареньем, где варенье брать? — Она в английской газете мать работает* и т. п.[14]

6) Разные мнения высказываются и об экспрессивных элементах. Исследователи (как те, кто признает, так и те, кто не признает эти элементы одним из видов стилистических средств) единогласно относят к ним только эмоционально-оценочные средства. Однако состав эмоционально-оценочных средств вызывает споры: если одни относят к ним лишь слова типа *глупыш*, *грязнуля*, *зубодер*, *низкопоклонник*, *писака*, *профан*, *сборище* и т. п., то другие — и междометия *ах*, *увы* и т. п., и слова типа *любовь*, *ненависть* и т. д. (см., например, ниже мнение об этих словах Ю. М. Скребнева).

Особенно разноречивы высказывания о лексике, получающей в словарях пометы *ритор.*, *торж.*, *высок.* (*возвестить*, *воин*, *горнило*, *година*, *грядущий*, *доблестный*, *незабвенный*, *соратник* и т. п.) и *фам.* (*глазеть*, *голубчик*, *испариться* ‘незаметно исчезнуть’, *растянуться* ‘лечь во всю длину’, *слоняться*, *чертовски* и т. п.). В СУ пометы *ритор. и торж.* стоят в том же ряду «стилистических помет, указывающих на выразительные оттенки (экс-

[12] Примеры из кн.: *Земская Е. А.* Русская разговорная речь (Проспект). М., 1968; *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

[13] *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979, с. 31.

[14] *Лаптева О. А.* О структурных компонентах разговорной речи.— РЯНШ, 1965, № 5, с. 15 и сл.

прессию) слов», что и *бран., ирон., неодобрит., шутл., презрит., пренебр., укор.*, а помета *фам.* — в ряду помет, указывающих разновидности устной речи, вместе с пометами *простореч., детск., вульг., арго, школьн., обл.* СО считает высокую лексику разновидностью книжной, а от пометы *фам.* отказывается, не видя оснований для выделения фамильярной лексики ни в качестве разряда, существующего параллельно с разговорной лексикой (как в СУ), ни в качестве разновидности разговорной лексики. Некоторые же авторы включают как возвышенную, так и фамильярную лексику в разряд экспрессивных средств, причем одни из них рассматривают эти виды лексики как особые разновидности экспрессивной лексики, тогда как другие — как разновидности эмоционально-оценочной лексики [15].

Отдельные лингвисты включают в разряд экспрессивных также слова, обозначающие признак гиперболически (*злой*, противопоставляя его *недобрый*, *великий — большой*, *крохотный —маленький* и т. п.), слова, не утратившие образности, «свежие» слова (т. е. малоупотребительные) [16]. Иногда, как отмечено, к экспрессивным средствам относят книжные и разговорные. Д. Н. Шмелев выделяет в составе экспрессивных средств средства, которые характеризуют самого говорящего с языковой точки зрения, например, сигнализируют о его социальной или профессиональной принадлежности (характерологические средства) [17].

7) Разноречивы и высказывания о закономерностях соотношения функционально-стилистических и экспрессивных признаков слова. Часть авторов придерживаются мнения, что это признаки пересекающиеся. Принято считать, что книжные элементы чаще имеют одну только функциональную окраску, тогда как разговорные преимущественно экспрессивны [18]. При этом одни лингвисты считают, что функционально-стилистической характеристике слов соответствует твердо определенная экспрессивно-эмоциональная окраска (так, высокие слова всегда имеют книжную окраску и всегда мелиоративны), другие же оспаривают эту точку зрения.

Вместе с тем широко распространено мнение, что экспрессивные средства представляют собой разновидность книжных (стилистически высоких) и разговорных (стилистически сниженных) средств языка (см., например, деление сниженной лексики в указанной ниже статье И. С. Ильинской).

---

[15] См., например, критику Р. Г. Пиотровским системы стилистических помет СУ: *Пиотровский Р. Г.* О некоторых стилистических категориях.— ВЯ, 1954, № 1, с. 62.

[16] См., например: *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1955, с. 60.

[17] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, с. 257.

[18] *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литры на иностр. яз., 1958, с. 53

8) Нет единства мнений и относительно того, принадлежат ли к стилистическим средствам языковые элементы, которые в словарях квалифицируются как просторечные. Ответ на этот вопрос, как правило, зависит от того, как понимается отношение просторечия к литературному языку.

Как известно, одни авторы (например, составители СУ, А. В. Калинин [19]) считают, что и элементы типа *жрать*, *дрыхнуть*, *выпендриваться* и т. п., имеющие окраску грубоватости, грубости, вульгарности, и элементы типа *давеча*, *намедни*, *прóцент*, *с ей* и т. п. стоят за пределами литературного языка, другие (например, И. С. Ильинская [20]) полагают, что как те, так и другие элементы входят в литературный язык, третьи (Ю. С. Сорокин [21], А. Н. Гвоздев и др.), — что элементы первого типа являются фактом литературного языка, элементы второго — фактом внелитературным. Споры о том, входит или не входит просторечие в литературный язык, прекратились после опубликования статьи Ф. П. Филина «О структуре современного русского литературного языка» (ВЯ, 1973, № 2). В этой и в последующих работах Ф. П. Филин показал принципиальную разницу между элементами типа *выпендриваться*, *карга*, *каюк*, с одной стороны, и *прóцент*, *выборá*, *крайний* ‘последний (в очереди)’, с другой. Первые — это «языковые средства (слова, обороты, синтаксические конструкции, грамматические формы, особенности произношения), употребляемые всеми образованными людьми для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли (своего рода «низкий стиль» нашего времени)», вторые — «элементы речи лиц, не вполне овладевших литературным языком или вовсе малограмотных. К внелитературному просторечию относятся языковые явления всех уровней, которые образованный человек не может употребить ни при каких обстоятельствах, разве что только нарочито, подражая малограмотному или передразнивая его»[22]. Элементы первого типа Ф. П. Филин называет литературным просторечием, элементы второго — внелитературным просторечием. Удачность такого терминологического разграничения определяется тем, что как в том, так и в другом наименовании сохранено слово *просторечие*, имеющее давние и прочные традиции применения и к непринужденной разговорной речи представителей образованных слоев общества, и к речи простого народа [23]. Нет сомнения, что именно нарушение

[19] См.: *Калинин А. В.* Лексика русского языка. 2-е изд. М., 1971, с. 159.

[20] См.: *Ильинская И. С.* Из наблюдений над лексикой Пушкина (элементы современного просторечия у Пушкина).— Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. Т. II. М.; Л., 1950.

[21] См.: *Сорокин Ю. С.* «Просторечие» как термин стилистики.— Докл. и сообщ. филол. Ин-та ЛГУ, вып. 1, 1949.

[22] *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в литературном языке.— Филол. науки, 1979, № 2, с. 20 и 22.

[23] Ср.: Имея поминутно нужду в деньгах, приятель мой печатал свои сочинения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения.., что называл он в своем энергическом *просторечии* — подслушивать у кабака,

этой традиции явилось причиной того, что мысль Ю. С. Сорокина о нормативной неоднородности слов, традиционно квалифицируемых как просторечные, не только не была принята, но даже не всеми его критиками понята [24].

Все, кто считает просторечные элементы (экспрессивные и неэкспрессивные или только экспрессивные) фактом литературного языка, относят их к его стилистически сниженным средствам. См., например, приведенную выше характеристику литературного просторечия Ф. П. Филиным. Ср.: «Просторечные слова и формы слов (*облапошить*, *редактора́*) составляют как бы сниженный стилистический ярус литературного языка» [25]. Разницу между этими элементами и элементами разговорными исследователи видят в степени их сниженности. Так, И. С. Ильинская отмечает, что слова типа *склизко*, *оттудова*, *авось*, *небось*, которые она характеризует как «слова жанрово-стилистической окрашенности», в отличие от разговорных той же окрашенности (*натирка*, *мойка*, *лежка*, *толковать* и т. п.) снижены «по своей стилистической окраске по отношению к общенейтральной лексике не только в письменном языке, но и в разговорном» [26]. Но если одни из сторонников отмеченной точки зрения различают элементы разговорные и элементы просторечные, то другие (например, Ю. С. Сорокин) не считают разницу в степени интенсивности окраски достаточным основанием для разграничения тех и других элементов.

Напротив, признавая просторечие (все или только неэкспрессивные элементы) фактом внелитературным, лингвисты обычно считают, что оно уже в силу своей внелитературности не может принадлежать к стилистическим средствам литературного языка. У Ф. П. Филина эта точка зрения проявляется в противопоставлении: «Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком» [27]. Ср.: «В силу того, что просторечные слова и

что говорят об нас холопья (Пушкин. Отрывок); В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному *просторечию*, сначала презренному (*Он же.* О поэтическом слоге).

Просторечие по существу не одно слово, а два омонима, так как в одном случае оно соотносится с сочетанием *простая речь*, а в другом — с сочетанием *речь простых*.

[24] Ю. С. Сорокин применяет термин *просторечие* к лексике экспрессивно окрашенной, причем распространяет его и на слова, традиционно характеризуемые как разговорные; для слов же и форм, которые широко распространены в различных группах населения городов и не относятся к литературному языку, он считает более удобным и точным термин «городское койнэ» (*Сорокин Ю. С.* Указ. соч.).

[25] *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1971, с. 24.

[26] *Ильинская И. С.* Указ. соч., с. 82.

[27] *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2, с. 7

формы характеризуются именно нарушением или отклонением от норм литературного языка, они остаются за пределами его стилистической системы» [28]. Отмечается, что «в отличие от стилей, при использовании которых говорящий стремится к некоторому языковому идеалу, просторечие используется несознательно, как единственная возможность, находящаяся в распоряжении малограмотных людей, не имеющих представления о культуре речи» [29].

Однако часть лингвистов, признавая просторечные средства внелитературными, тем не менее относит их к стилистическим средствам. Так, в СО и помета *прост.*, и помета *обл.* стоят в ряду помет, указывающих на стилистическую характеристику слова. А. В. Калинин считает, что просторечные слова как экспрессивные, так и неэкспрессивные составляют стилистический пласт лексики. Авторы сборника «Литературная норма и просторечие» (М.: Наука, 1977), признав необходимость различать литературное и внелитературное просторечие, считают как первое, так и второе «функционально-стилистическим ответвлением национального языка» (с. 58, автор Т. С. Коготкова), «определенной стилистической категорией» (с. 147, автор Н. Г. Михайловская), высказываются в пользу функционально-стилистического подхода к ним (с. 246, автор С. И. Виноградов).

9) Следует также отметить стилистическую классификацию лексики Ю. М. Скребневым. Указанные выше группы стилистически маркированных слов он классифицирует «на едином основании социального престижа слова» [30]. Одну группу противопоставленных друг другу и нейтральным словам стилистически окрашенных слов составляют, по его мнению, слова повышенной эстетической ценности, другую — слова пониженной эстетической ценности. В соответствии с этим нейтральную лексику он характеризует как лексику с нулевой степенью эстетической ценности. Каждая из групп стилистически окрашенных слов делится им по степени эстетической ценности. К словам минимально повышенной эстетической ценности он относит книжно-литературные слова типа *деятельный, важнейший, присущий, отличие, завершение, трудоспособность, преобладать; повсеместно* и т. п. К словам средней степени повышенной стилистической ценности — слова с окраской высокопарности — торжественности, архаичности, принадлежности к высоким интеллектуальным и эстетическим сферам (в том числе канцеляризмы и терминологию): *братоубийственный, низвержение, воспрянуть, нижепоименованный, глобальный, тотальный, коммуникабельный,*

---

[28] *Митрофанов Г. Ф.* К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке.— Труды Томского гос. ун-та им. В. В Куйбышева, 1960, т. 138, с. 87.

[29] *Акуленко В. В.* К определению функционального стиля.— Вестн. Харьковского ун-та, 1965, № 12, Сер. филол., вып. 2, с. 13.

[30] *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. (Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец.) Горький, 1975, с. 97.

ваятель, *монументальность*, *импрессионист* и т. п. К лексике максимальной степени эстетической ценности — поэтическую лексику (*ланиты*, *рамена*, *длань*, *младость*, *златой*), традиционно трафаретную (*тишь*, *синь*, *гладь*, *отзвенеть*, *приволье*, *сизокрылый*) и некоторые авторские новообразования (*стозвонный* — Есенин, *взорлить* — Маяковский). К лексике минимально сниженной эстетической ценности Ю. М. Скребнев относит слова разговорные: *штучка*, *сгущенка*, *газировочка*, *промокашка*, *язвенник*, *декрет* (декретный отпуск), *диплом* (дипломная работа). К группе слов более сниженной эстетической ценности — арготизмы, например, слова *припухать*, *рубать*, *раздавить*, *шарахнуть*, *железно* и т. п., соответствующие по значению словам *спать*, *есть*, *выпить*, *обязательно* и т. п. К максимально сниженным — «слова, отвергаемые самой системой морально-этических воззрений языкового коллектива — слова непристойные, само лексическое значение которых делает их неупоминаемыми, или чересчур грубые по своим коннотациям арготизмы».

3. Отмеченные разногласия в известной мере связаны с терминологической неупорядоченностью: одни и те же явления часто имеют в нашей лингвостилистике разные наименования, и, наоборот, в одни и те же термины вкладывается разное содержание (впрочем многозначность терминов нередко выявляется только в результате исследования соответствующих явлений). В частности, как отмечено, элементы, обладающие теми или иными особенностями объективно, вне зависимости от контекстов, называют у нас *стилистическими*, *стилевыми*, *стилистически окрашенными*, *стилистически маркированными* (*стилистически отмеченными*) *средствами*. При этом наиболее распространенный из указанных терминов — *стилистические средства* — неоднозначен: им обозначают также способы и приемы создания того или иного стилистического эффекта. Неоднозначностью этого термина чаще всего и объясняется то, что одни авторы относят, а другие не относят просторечие к стилистическим средствам (однако в отдельных случаях, как можно предполагать, отнесение просторечия к стилистическим средствам основывается на показаниях интуиции). С. И. Ожегов, например, хотя и относит помету *прост.* к пометам, указывающим на стилистическую характеристику слова, не является сторонником мнения о принадлежности внелитературных элементов к нейтральным в стилистическом отношении средствам литературного языка. Ср. его объяснения к помете *прост.*: «*прост.*, т. е. просторечное; означает, что слово свойственно массовой городской разговорной речи... и используется в литературном языке как стилистическое средство для придания речи шутливого, пренебрежительного, иронического, грубоватого и т. п. оттенка» (см. СО, «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», § 16).

Во избежание недоразумений и взаимного непонимания лучше применять термин, внутренняя форма которого исключает двойное толкование — *стилистически маркированные* (или

стилистически отмеченные) *средства.* Что касается термина *стилистически окрашенные средства*, то в настоящей книге он используется для обозначения одного из трех принципиально разнородных (как показало исследование) групп стилистически маркированных средств.

Многозначен термин *экспрессия.* Обычно его используют по отношению к той окраске или тем окраскам языковых единиц (вызываемому ими стилистическому впечатлению), которые противопоставляются так называемым функционально-стилистическим свойствам слов, оборотов и т. п. Но иногда его применяют к любым окраскам [31]. Этим и объясняется то, что некоторые авторы относят книжную и разговорную лексику к экспрессивным средствам. В данной работе термин *экспрессия* применяется только к одному типу окрасок и противопоставляется в этом отношении терминам *функциональная окраска* и *социальная окраска* (подробнее об этом ниже).

Другие случаи терминологической неупорядоченности отмечаются в соответствующих разделах книги.

Однако основная причина разногласий в понимании состава стилистически маркированных средств и их дифференциации — это то, что все еще остается неопределенным само понятие стилистической маркированности, а другие проблемы, связанные с этими средствами, не имеют однозначного решения.

Такое положение объясняется, конечно, в первую очередь сложностью самого языкового материала. Однако немаловажную роль играет и сам подход к этим проблемам, и прежде всего то, что тесно связанные между собой вопросы решаются у нас изолированно, решение одного не всегда согласуется с решением других.

Кроме того, создалась парадоксальная ситуация. Стилисты и лексикологи в своих исследованиях исходят из тех характеристик слов и фразеологических выражений, которые предлагаются в словарях. Интересно отметить, что, по сложившемуся в последнее время мнению, «функционально-стилистическая дифференциация лексики современного русского литературного языка может быть исследована в известной мере на основе материала, который содержится в толковых словарях» [32]. Стремле-

[31] Так, придавать термину *экспрессия* «обобщающий, относительно функциональности и эмоциональности смысл» предлагает Т. Г. Винокур (*Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980, с. 57). Еще шире понимает экспрессивность К. А. Долинин. По его определению, это «такое свойство языкового знака, в силу которого он воспринимается деавтоматизированно, непосредственно воздействует на воображение адресата и (или) на его эмоциональную сферу» (*Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978, с. 120).

[32] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977, с. 124. Ср.: *Денисов П. Н., Костомаров В. Г.* Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи. По данным Словаря русского языка С. И. Ожегова.— В кн.: Вопросы учебной лексикографии. Изд-во МГУ, 1969. Авторы этой статьи на основании стилистических помет СО рассматривают количественные соотношения стилистических пластов лексики современного русского литературного языка.

ние ориентироваться на словари, поскольку они являются законодателями в области лексических норм, понятно и было бы вполне оправданно, если бы их составители опирались на какую-то последовательную, основанную на строго определенных принципах теорию стилистических средств. Однако лексикографы вынуждены опираться в основном на собственную интуицию, на имеющиеся в их распоряжении не всегда достаточно полные, а тем более исчерпывающие цитатные материалы и на те или иные внутренне противоречивые высказывания лингвистов.

Как будет показано ниже (см. ч. I, гл. 1), составители словарей ориентируются на наиболее заметные, бросающиеся в глаза особенности одного из трех классов стилистически маркированных слов и выражений: на способность этих слов и выражений вызывать вне текста то или иное стилистическое впечатление (т. е. их окраску) и на ограничения в условиях их употребления. При этом вторую из этих особенностей они признают дифференциальным признаком стилистически маркированной лексики. Так, СА4 указывает: «Стилистические пометы в Словаре служат для характеристики той части словарного состава современного литературного языка, которая по тем или иным причинам ограничена в своем употреблении» (см. СА4, «Как пользоваться словарем», § 33). Однако при стилистической квалификации лексико-фразеологического материала лексикографы, руководствуясь интуицией, исходят из наличия первой особенности. Ориентация на внешние черты сходства или различия (тем более недостаточно последовательная) неизбежно приводит к смешению принципиально разнородных явлений (см., например, в ч. II, гл. 3 о помете *разг.*) и наоборот, к разобщению однородных (см. там же о пометах *обл.* и *простореч.*), к неполноте отражения стилистической системы в лексике (слова и группы слов с неярко выраженными внешними показателями остаются вне поля зрения лексикографов; по этой причине, например, рассудочная оценочность отмечается в словарях лишь эпизодически, в СА4 и СА17 резко сокращено по сравнению с СУ число слов и значений с пометой *книжн.*). К тому же при стилистической оценке слов и выражений лексикографам приходится сталкиваться с такими «подводными камнями», преодолеть которые с помощью одной лишь интуиции, без знания обходных путей не всегда возможно.

Неточные и неадекватные языковой действительности характеристики как отдельных лексико-фразеологических единиц, так и тех или иных стилистических групп лексики и фразеологии переходят в лингвостилистические работы, на них основываются выводы, касающиеся как теоретических вопросов, так и стилистической дифференциации средств русского литературного языка.

Недостатки стилистической квалификации слов в словарях, разумеется, не означают, что лексикологи и стилисты должны игнорировать лексикографическую практику. Словарные поме-

ты безусловно должны быть отправной точкой при любом лингвостилистическом исследовании. Однако лишь в результате изучения свойств (в их конкретном проявлении) языковых фактов, традиционно отмечаемых как стилистически маркированные [33], можно установить, имеют ли они общий дифференциальный признак и, следовательно, оправдано ли применение к ним одного и того же термина, решив тем самым проблему понятия стилистически маркированных средств.

Только в результате такого изучения можно выработать строго скорректированные друг с другом и строго соответствующие пониманию стилистически маркированных средств (или той или иной их группы) решения всех других спорных проблем, в частности, проблемы приемов и методов стилистической квалификации элементов языка.

Только в результате исследования стилистических свойств различных языковых средств можно выявить их распределение по классам, типам, видам, разновидностям, а также закономерности связей и соотношений разных классов, типов и т. п., т. е. установить иерархию стилистически маркированных средств.

Требуют проверки и стилистические оценки словарями отдельных слов и выражений. Необходимо выяснить, не спровоцирована ли словарная помета влиянием факторов, обусловливающих неверные или неточные стилистические характеристики. Если результаты критического анализа слова подтверждают стилистическую помету, которую оно получило в том или ином словаре, она является важным аргументом в пользу соответствующей квалификации этого слова, даже более важной, чем свидетельства того или иного, пусть даже авторитетного современника.

4. Сказанное обусловило собой содержание, структуру, общую направленность настоящей книги.

Очевидно, что прежде чем исследовать стилистическое расслоение лексики, необходимо выяснить, что такое стилистически маркированные средства, каковы их отличительные признаки и свойства, задачи изучения, методы и приемы, с помощью которых можно определить стилистическую нейтральность или стилистическую отмеченность слов и ее характер. Поэтому книга состоит из двух частей.

Часть первая — «Основные проблемы стилистически маркированных средств языка». В первой ее главе рассматривается понятие стилистической маркированности языковых средств. Сравнение признаков элементов, получающих в словарях и у исследователей стилистические характеристики, показало, что существует три особых класса стилистически маркированных

[33] Бытовизмы, некодифицированные элементы, слова, обозначающие положительные или отрицательные эмоции, междометия, выражающие чувства, и т. п. языковые факты, в словарях, как правило, не имеют стилистических помет. Их относят к разговорным или эмоционально окрашенным авторы лексикологических, синтаксических и т. д. исследований.

средств, каждый из которых имеет свои показатели, резко отличающиеся от показателей элементов других классов. Поскольку изучить их все более или менее подробно в данной книге не представляется возможным, дальнейшее исследование посвящено лексике только одного класса — лексике стилистически окрашенной [34]. Это наиболее интересный объект исследования. Стилистически окрашенная лексика особенно многочисленна и разнообразна, разнообразны и взаимоотношения различных ее групп. Именно она обладает потенциальными стилистическими возможностями, знание которых, а следовательно, знание того эффекта, которого можно ожидать от их применения в различных речевых условиях, необходимо как при изучении особенностей современной речи, так и в плане культуры речи. Вместе с тем это наиболее сложный, труднее всего поддающийся изучению материал, стилистические свойства которого нередко трудно отличимы не только от особенностей других классов стилистически маркированной лексики, но и от семантических признаков слов. Для распознавания стилистически маркированных единиц именно этого класса требуются специальные методы и приемы.

Во второй главе первой части исследуется многообразие условий проявления стилистических свойств окрашенной лексики. В третьей — вырабатываются основанные на этих проявлениях и строго соответствующие природе стилистически окрашенных средств приемы и методы определения принадлежности слов именно к данному стилистическому классу.

Часть вторая — «Основные типы и виды стилистически окрашенной лексики». Необходимость исследования общих проблем стилистических средств ограничила возможности освещения данной проблемы. Поэтому настоящая книга не претендует на детальную и исчерпывающую дифференциацию стилистически окрашенной лексики современного русского литературного языка. Это задача будущих исследований. Здесь же рассматриваются в их взаимосвязях лишь три типа этой лексики (каждому из них отведена особая глава) и их важнейшие виды и разновидности.

В работе используется, кроме собственных материалов автора, критически осмысленный иллюстративный материал словарей, а также материал Картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

---

[34] Хотя предметом рассмотрения является лексика, в отдельных случаях для демонстрации того или иного вида стилистической маркированности привлекаются окрашенные формы нейтральных слов, а также эквиваленты слов — устойчивые словосочетания.

Деление стилистически окрашенных слов с точки зрения их словообразовательной структуры и принадлежности к определенному грамматическому классу, безусловно важное для характеристики состава тех или иных стилистических групп лексики, не входит в задачу данной книги.

ЧАСТЬ I

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОНЯТИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ; ТИПЫ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

1. Ответить на вопрос, что такое стилистически маркированные средства языка (или какие средства языка целесообразно называть стилистически маркированными), как сказано во Введении, можно только после анализа самого языкового материала, когда выяснится, все ли факты, относимые к этим средствам, имеют общий дифференциальный признак.

Но сначала необходимо рассмотреть существующие характеристики стилистически маркированных средств: выяснить, какие особенности отмечаются у этих средств, какие из отмечаемых особенностей признаются их дифференциальными признаками (учитывая, однако, что на практике тот или иной исследователь может класть в основу выделения и классификации стилистически маркированных элементов отнюдь не данный, а какой-либо иной признак). Анализ этих характеристик представляет интерес не только для истории вопроса. Имея в руках «набор» черт, признаваемых дифференциальными признаками стилистически маркированных средств, легче установить, каковы же в действительности их отличительные особенности.

Характеристики стилистически маркированных средств, встречающиеся в нашей лингвостилистике, весьма пестры; тем не менее их можно разбить на две группы.

1) Наиболее широко распространена точка зрения, которой придерживаются составители словарей. Согласно данной точке зрения, стилистически маркированные средства — это языковые элементы с ограниченной областью применения, а стилистически нейтральные соответственно — элементы, употребляющиеся во всех условиях общения. Обычно считают, что употребление стилистически маркированных средств ограничено функциональными стилями: каждый их вид закреплен за определен-

ным стилем, является его специфической собственностью [1]. Именно на этом основании термин *стилистические средства* иногда заменяют термином *стилевые средства*; при противопоставлении средств, закрепленных за стилями, средствам экспрессивно-стилистическим первые называются функционально-стилистическими средствами.

Некоторые сторонники данной характеристики стилистически маркированных средств отмечают, что исключительное или преимущественное употребление языковых фактов в той или иной речевой обстановке приводит к возникновению устойчивых ассоциаций между этими языковыми фактами и данной речевой обстановкой; слова, формы, конструкции получают своеобразный отпечаток привычной для них речевой среды, приобретают стилистическую окраску [2].

2) Вторую группу составляют характеристики стилистически маркированных средств как элементов, имеющих стилистическую окраску, по терминологии некоторых авторов — экспрессию. В последнее время в нашей лингвостилистической науке получили также распространение термины *коннотации*, *дополнительная информация*, *стилистическое* (*коннотационное*) *значение*, *стилистическое созначение*. Все они обозначают то же, что и термин *окраска* [3], — способность языковых элементов вызывать вне текста стилистическое впечатление, а в текст вносить «определенную настроенность» [4], но последние 4 своей внут-

---

[1] Функциональными стилями чаще всего называют разновидности речи. Речь, по определению БСЭ (2-е изд., т. 36, с. 453), — это совокупность продуктов пользования языком в процессе общения и мышления (короче — но и менее строго — ее можно определить как совокупность текстов). Разновидности речи могут обладать, а возможно, и обязательно обладают теми или иными специфическими для них языковыми показателями, но выделяются они на основании экстралингвистических различий в обстоятельствах общения. Разновидностями речи является, например, речь научная, речь публицистическая, речь устная и речь письменная, речь обиходно-бытовая и т. д. О причинах, на основании которых одни разновидности речи признаются стилями, а другие нет, см.: *Петрищева Е. Ф.* Стиль и стилистические средства (обзор взглядов советских лингвистов). — В кн.: Стилистические исследования. М.: Наука, 1972.

[2] См., например: *Вейхман Г. А.* О стилистической классификации современного английского языка. — НДВШ. Филол. науки, 1958, № 3; *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1955; *Мурат В. П.* Об основных проблемах стилистики. М., 1957; *Пиотровский Р. Г.* Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1960.

[3] Ср., например, употребление терминов *окраска* и *коннотации* Ю. М. Скребневым (*Скребнев Ю. М.* Очерки теории стилистики. Горький, 1975, с. 20, 21, 38). Иное содержание вкладывает в термин *стилистическое значение* Т. Г. Винокур. Она рассматривает стилистическое значение как «единицу не системы, а узуса», к которому «целесообразно подходить с информативно-коммуникативных позиций, т. е. учитывать его способность быть опорным пунктом стилистического комплекса, обслуживающего речевое общение (средство — прием — задание/эффект)» (*Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980, с. 43 и 53).

[4] *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики. — ВЯ, 1954, № 2, с. 82.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ренней формой указывают отношение этой способности к их семантике. По распространенной среди сторонников данной характеристики стилистически маркированных средств точке зрения, стилистические признаки наслаиваются на собственно лексическое значение слова [5]. Некоторые исследователи характеризуют связь способности вызывать стилистическое впечатление со словом более конкретно. Так, Ю. М. Скребнев объясняет коннотации языковой единицы ассоциациями с определенными сферами употребления [6]. Поэтому он хотя и считает их «составной частью ее значения (ее плана содержания, ее десигната)», но в то же время утверждает, что это нечто чужеродное собственно лексическому значению, «нечто дополнительное и постороннее — своего рода ярлык, прикрепленный к вещи, фирменная этикетка, указывающая место и время изготовления товара и его стоимость» [7]. В. А. Звегинцев различает те экспрессивно-эмоциональные «элементы» слов, которые «связаны с самим словом», и те, которые (у слов типа *смерть*, *гроб*, *ужас*, *грязь*, *подлость* и т. п.) «ассоциативно связываются с самими предметами и явлениями объективной действительности и не являются принадлежностью самого слова» [8].

Сами исследователи, видимо, не придают этому разнообразию характеристик стилистически маркированных средств принципиального значения. Во всяком случае никаких противопоставлений одних определений понятия этих средств другим не делается. Действительно, может показаться, что характеристика стилистически маркированных средств как элементов, употребляющихся в ограниченных условиях общения, и характеристика их как элементов, обладающих способностью вызывать стилистическое впечатление, различаются лишь тем, что в одном случае на первый план выдвигается один, в другом — другой из двух признаков этих средств.

Чтобы установить, существенна ли разница между отмеченными характеристиками, целесообразно обратиться к высказываниям о составе стилистически маркированных средств, о их дальнейшей судьбе, о задачах их изучения. Если эти характеристики указывают разные дифференциальные признаки, это неизбежно должно сказаться (пусть у отдельных авторов и не всегда последовательно) на решении указанных вопросов.

---

[5] Ср.: «Разного рода „стилистические моменты" всегда являются лишь некоторым дополнением, своего рода „обертоном", накладываемым на собственно значение, смысловое содержание данного языкового средства» (*Ахманова О. С.* О стилистической дифференциации слов. — Сборник статей по языкознанию. Проф. МГУ акад. В. В. Виноградову. М., 1958, с. 28).

[6] Ср. характеристику стилистически нейтральных средств как элементов, которые «не обладают никакой стилистической окраской, не вызывают никаких определенных ассоциаций с той или иной сферой употребления языка» в кн.: *Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М.* Стилистика английского языка. Пособие для студентов пед. институтов. Л.: Учпедгиз, 1960, с. 43.

[7] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 21.

[8] *Звегинцев В. А.* Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова.— Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук, 1955, вып. 1, с. 77—78.

1) Разногласия по поводу состава стилистически маркированных средств, которые были отмечены во Введении, в основном объясняются именно различиями между характеристиками их как элементов, которые употребляются преимущественно или исключительно в определенных речевых условиях, и их характеристикой как элементов, вызывающих стилистическое впечатление. Зависимость от этих характеристик обнаруживается в аргументах, к которым прибегают исследователи, доказывая или, напротив, отрицая принадлежность к стилистически маркированным средствам терминологии.

Сторонники первой характеристики этих средств относят к ним терминологию на том основании, что термины употребляются исключительно или преимущественно в соответствующих «стилях» (научном, техническом, публицистическом и т. п.) и их разновидностях. Причем отмечается, что они являются «ведущим, наименее заметным, наиболее существенным» [9] признаком этих стилей, «подчиняющим себе всю общеупотребительную лексику, поскольку последняя попадает в план научного изложения» [10], «наиболее распространенным средством выражения научных понятий и несут в себе научно-познавательную функцию», что использование их «вызывается стремлением к наиболее полному соответствию форм языка содержанию высказывания» [11].

Исследователи, характеризующие стилистически маркированные средства как элементы, обладающие окраской (экспрессией), относят к этим средствам терминологию потому, что находят в ней те или иные экспрессивные свойства. Так, по мнению О. С. Ахмановой, термины разных специальностей «имеют общую стилистическую характеристику, которую можно назвать прозаизмом», и противопоставлены в этом отношении «высоким» словам [12]. Ю. М. Скребнев также считает несостоятельным мнение, что термины лишены стилистической окраски. «Справедливо лишь то, — говорит он, — что они обычно не содержат, или не должны содержать, субъективно-эмоциональных коннотаций. Однако их повышенная, сравнительно с нейтральными словами, эстетическая, и, тем самым, экспрессивная ценность несомненна. Термин ассоциируется с малознакомыми для среднего носителя языка социально авторитетными профессиональными речевыми сферами; он концентрированно выражает понятие, для обозначения которого неспециалист прибегает к развернутым описательным оборотам, и своим лаконизмом приносит получателю речи интеллектуальное удовлетворение» [13].

---

[9] *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, с. 342.
[10] Обсуждение вопросов стилистики. Обзор полученных статей.— ВЯ, 1954, № 6, с. 82.
[11] *Разинкина Н. М.* О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы.— В кн.: Особенности языка научной литературы. М., 1966, с. 32.
[12] *Ахманова О. С.* Указ. соч., с. 22.
[13] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 105.

Исключение же терминологии из состава стилистически маркированных средств мотивируется этими исследователями отнюдь не тем, что термины используются за пределами специальных сфер употребления, а отсутствием у них окраски. Ср.: «Нейтральными по своей природе, несмотря на свое специальное назначение, являются и слова—термины, как прямые и точные обозначения определенных понятий» [14].

Принципиальный характер отличий первой характеристики стилистически маркированных средств от второй отражается и в спорах о принадлежности к этим средствам эмоционально-экспрессивных языковых фактов.

Сторонники характеристики стилистически маркированных средств как элементов с ограниченной сферой употребления считают, что экспрессивные элементы не могут быть отнесены к этим средствам потому, что экспрессивных стилей не существует. Окраска книжная и разговорная, с одной стороны, и окраска экспрессивная, с другой, рассматриваются в связи с этим как принципиально разные явления. Ср.: «Когда мы характеризуем стилистическую окраску слова, имеем в виду тот функциональный стиль, в котором это слово регулярно используется... Эмоционально-экспрессивная окраска слова связана со способностью слова воздействовать на наши чувства, вызывать у нас те или иные эмоции. Когда мы определяем эмоционально-экспрессивную окраску слова, подразумеваем те чувства, которые данное слово нам передает или в нас возбуждает» [15].

Исследователи, характеризующие стилистически маркированные средства как элементы, обладающие способностью вызывать стилистическое впечатление, руководствуются другого рода соображениями. Так, М. В. Панов не признает существование «оценок, направленных на сам объект (вещь, лицо, действие, качество и т. п.)». По его мнению, перенесение оценки на объект называния является вторичным; оно не во всех случаях обязательно, оно задано контекстуально. «Если же эти отрицательные или положительные оценки у отдельных слов и есть, то они являются «надстройкой» над стилистическими разграничениями» [16]. Д. Н. Шмелев включает «те экспрессивные элементы, которые устойчиво и однозначно характеризуют само явление, которое отображает слово (*кляча*, *донос*, *гордыня*, *хлипкий*, *уплетать* и т. п.)», в понятие «лексическое значение» [17]. Свое мнение он аргументирует тем, что экспрессивно-стилистическая окраска — это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается смысл, связанный с данным звуковым комплексом.

---

[14] *Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 78.

[15] *Мурат В. П.* Указ. соч., с. 30.

[16] *Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики).— В кн.: Развитие современного русского языка. М.: Наука, 1964, с. 6—7.

[17] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, с. 252.

Споры о количестве специфических газетно-публицистических единиц лексики и фразеологии также объясняются тем, что одни авторы имеют в виду те элементы, которые употребляются исключительно или по преимуществу в газетно-публицистической речи, другие — элементы, имеющие газетно-публицистическую окраску. Слова и словосочетания, составляющие принадлежность этой речи, действительно, многочисленны, но среди них нет (или крайне мало) тех, которые несут на себе специфический отпечаток публицистичности: как правило, они имеют или книжную, или разговорную окраску. Ср, например, слова *бойня* (о войне), *гонка вооружений*, *застрельщик* (соревнования и т. п.), *верхушка* (партии и т. п.), *зажим* (самокритики и т. п.), *волокита*, *показуха* и т. д.

Признание способности вызывать вне текста то или иное стилистическое впечатление дифференциальным признаком стилистически маркированных средств дает основание относить к ним слова типа *гроб*, *смерть* и т. п. Ю. М. Скребнев, например, так объясняет, почему слова *радость*, *поэзия*, *грязь*, *бедность*, *убийство*, *могила* и т. п. не являются «абсолютно нейтральными в стилистическом отношении»: хотя, говорит он, они и «лишены ярко выраженной, бросающейся в глаза экспрессии — субъективных эмоционально-оценочных сем», но «каждое из этих слов порождает вполне определенные ассоциации, соответствующим образом настраивает получателя (адресата) речи»[18]. И естественно, что В. А. Звегинцев, хотя и различает слова, экспрессивно-эмоциональные «элементы» которых имеют ассоциативный характер и не являются принадлежностью этих слов, и слова, у которых такие «элементы» связаны с самими этими словами, объединяет и те, и другие в одну группу. Исключая слова типа *гроб*, *радость* из состава стилистически маркированных средств, сторонники указанного понимания дифференциального признака этих средств безусловно проявляют непоследовательность.

2) О принципиальной разнице между характеристикой стилистически маркированных средств как элементов с ограниченной сферой применения и характеристикой их как элементов, вызывающих стилистическое впечатление, говорит и несомненная зависимость от них мнений о количестве таких средств в современном русском языке и об их дальнейшей судьбе.

Согласно широко распространенному мнению, в настоящее время единиц с четко выраженным стилистическим характером мало (в основном это терминологическая лексика), во всяком случае, меньше, чем в предшествующие эпохи, между тем как число стилистически нейтральных единиц возросло[19], причем процесс нейтрализации стилистически отмеченных средств будет продолжаться и дальше: «Ведущей тенденцией развития и взаимодействия стилей является постепенная утрата ими элементов

[18] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 162.
[19] *Мурат В. П.* Указ. соч., с. 12.

с языковой функциональной окраской (за исключением терминов)» [20].

Напротив, М. В. Панов считает, что «градуированность стилистической шкалы» увеличивается, «амплитуда стилистической окрашенности становится все более широкой» [21]. Решительно возражает против мнения о нейтрализации книжных слов и оценки этого явления как прогрессивного, как свидетельства демократизации литературного языка А. К. Панфилов [22].

Вывод о том, что стилистически маркированные и стилистически нейтральные языковые факты с трудом разграничиваются и что число первых неуклонно уменьшается, принадлежит сторонникам первого понимания маркированных стилистически средств. И это не случайно.

В наше время мало языковых единиц, которые замыкались бы в определенных типах, видах и жанрах речи. К их числу принадлежат, как очевидно, так называемые некодифицированные элементы. Имея в виду, главным образом, их, О. А. Лаптева говорит, что признаком разговорных средств является широкая распространенность внутри разговорной речи и практическое отсутствие за ее пределами [23].

Преимущественно в разговорах на повседневные бытовые темы используются бытовизмы.

Редко выходят за пределы научной, технической и т. п. сфер употребления узкоспециальные термины. Однако часть терминов особенно актуальных и общественно значимых наук (в наше время это физика, математика, биология, химия, медицина и т. д.), подвергаясь образному переосмыслению, более или менее широко используется в языке публицистики, в художественной прозе, в поэзии, в разговорной речи. Происходит так называемый процесс детерминологизации — заимствования терминов из терминологических систем и освоения их литературным языком: в одних случаях полностью стирается образный ореол слова, в других «обобщается» его специальное значение, в третьих изменение сферы употребления термина происходит без каких-либо заметных смещений в его содержании [24].

Что касается книжных и разговорных слов типа *адепт*, *аффектация*, *весьма*, *воин*, *бабка*, *вояка*, *конопатый* и т. п. и аналогичных им по стилистическому впечатлению синтаксических, морфологических и других единиц, то они употребляются за пределами

---

[20] *Акуленко В. В.* К определению функционального стиля.— Вестн. Харьковского ун-та. Сер. филол., 1965, № 12, вып. 2, с. 18.

[21] См.: Русский язык и советское общество (проспект). Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1962, с. 96.

[22] *Панфилов А. К.* Разговорная речь и проблемы нейтрализации книжных средств.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 341. Вопр. филол., 1969, с. 290.

[23] *Лаптева О. А.* О структурных компонентах разговорной речи.— РЯНШ, 1965, № 5, с. 11.

[24] См.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968, гл. 5-я (Л. А. Капанадзе).

книжной и разговорной речи (в любом их понимании)[25] широко и свободно, не нарушая при этом литературных норм,— даже в условиях, контрастных по отношению к данному типу стилистических средств. Особенно разнообразны условия употребления разговорной лексики. Если книжные слова в устной обиходно-бытовой речи еще обращают на себя внимание некоторой своей необычностью, то разговорные органически вплетаются в книжную речь почти любого содержания. Исключение составляют только некоторые жанры официально-деловой речи. Книжные элементы обычно оказываются в близком соседстве с разговорными, разговорные — с книжными. Исследователи, считающие отличительным признаком стилистических средств употребление их в определенных речевых сферах, интерпретируют это явление как взаимопроникновение стилей, отмечая расширение его масштабов. В связи с этим высказывается мысль, что речевую закрепленность элементов языка не следует понимать как исключительность их употребления в одних и полную неупотребительность в других речевых ситуациях. Предлагается различать типические условия употребления стилистически маркированных элементов — условия, в которых они используются регулярно и закономерно, и условия нетипические, где такие элементы используются редко, в особых целях[26], подчиняясь общему содержанию и назначению соответствующих речевых разновидностей и выступая в них как средства дополнительные[27]. Причем под особыми целями в нехудожественной речи имеются в виду, главным образом, цели шутливо-иронические и в меньшей мере цели,

[25] Все, кто видит стилистическую маркированность языковых единиц в употреблении их в ограниченных обстоятельствах общения. сходятся в том, что книжные элементы закреплены за книжной речью, а разговорные — за разговорной. Однако в понимании этих разновидностей речи (особенно последней) нет единства. Одни авторы книжной речью называют письменную, разговорной — речь устную. Другие под книжной речью разумеют речь публичную — «речь, которая обслуживает разнообразные потребности, связанные с политикой, наукой, литературой, административной и хозяйственной деятельностью», а под разговорной — речь обиходно-бытовую, «обслуживающую потребности речевого общения по текущим жизненным вопросам» (см.: *Гвоздев А. Н.* Указ. соч., с. 60). Е. А. Земская характеризует разговорную речь (противопоставляя ее кодифицированному литературному языку) как речь «1) неподготовленную, 2) обнаруживающуюся в условиях непосредственного общения, 3) при отсутствии официальных отношений между участниками речевого акта» (см.: *Земская Е. А.* Русская разговорная речь (Проспект). М., 1968, с. 3). О. А. Лаптева (см.: *Лаптева О. А.* Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет.— ВЯ, 1967, № 1, с. 129—130) указывает границы разговорной речи негативно (по ее мнению, содержание термина *разговорная речь* шире, чем «обиходно-повседневная речевая сфера», «разговорный тип письменно-литературного языка», «устная форма существования языка»), видимо, пытаясь установить их по сфере употребления разговорных элементов. Но так как признаком этих элементов она считает широкую распространенность внутри разговорной речи и практическое отсутствие за ее пределами, получается своего рода заколдованный круг.

[26] См., например: *Мурат В. П.* Указ. соч., с. 28.

[27] См.: *Будагов Р. А.* К вопросу о языковых стилях.— ВЯ, 1954, № 3, с. 62; *Гальперин И. Р.* Указ. соч., с. 58.

которые довольно неопределенно характеризуются как экспрессивные.

Однако такое решение не объясняет всей сложности использования книжных и разговорных средств такого типа, как слова *адепт, бабка, воин, вояка, картошка* и т. п. И дело не только в том, что они используются за пределами соответствующих «стилей» отнюдь не редко, но и в том, что их употребление далеко не всегда преследует специальные цели и что они часто не только не подчиняются общему содержанию и назначению «чужого» текста, но и задают ему стилистический тон.

Ясно, что чем в более разнообразных речевых условиях и чем чаще употребляются те или иные языковые факты вне сферы речи, за которой они, по представлениям исследователя, закреплены, тем более неясным, неопределенным, «смазанным» должен казаться ему стилистический «облик» этих фактов. И естественно, что даже те, кто считает отличительным признаком стилистически отмеченных средств не исключительное, а лишь преимущественное употребление в определенных «стилях», приходят к заключению, что в современном русском литературном языке круг таких средств ограничен в основном терминологической лексикой, и что он (поскольку взаимопроникновение стилей становится все интенсивнее) чем дальше, тем больше будет сужаться.

Иное дело, если стилистическая маркированность языковых единиц связывается не с особенностями их употребления, а с какими-то признаками, свойствами их самих. При таком понимании стилистических средств широкое употребление книжных элементов в разговорной, а разговорных — в книжной речи, объединение тех и других на коротких участках текста [28] не может быть признано свидетельством нечеткости их стилистического облика. Напротив, оно логически вытекает из способности стилистически маркированных фактов языка вносить в тексты ту или иную настроенность: говорящие безусловно должны руководствоваться при использовании таких элементов не только (а может быть и не столько) соображениями их речевой закрепленности, но и стремлением сообщить речи тот или иной тон.

Основанием для заключений о нечеткости стилистического характера слов, форм, конструкций и т. п. в таком случае может быть только сомнительность, неопределенность их стилистического звучания, а для заключений о незначительном числе сти-

[28] Исследователи, считающие отличительным признаком стилистически маркированных средств их окраску, говорят не о взаимопроникновении стилей, а о композиционном сочетании и чередовании элементов разных стилистических пластов в пределах целых речевых произведений. Так, М. В. Панов, характеризуя современную речь, отмечает, что «тексты приобретают большую способность все более синтагматически дробно, все на меньших участках изменять свою стилистическую окраску, включать контрастные стилистические элементы» (см.: Русский язык и советское общество (проспект), с. 107). Ранее это мнение было высказано А. М. Сухотиным (см.: «Стилистика лингвистическая» в «Литературной энциклопедии», т. 11).

листически отмеченных средств — единичность элементов, у которых эти свойства выражены достаточно ясно. Но это противоречит языковому чутью. Слов, которые производят вполне определенное впечатление окрашенных (при том, что интенсивность их окраски может казаться большей или меньшей) очень много. Ср., например, *адресовать* (вопрос и т. п.) и *обращать*, *акцент* и *ударение*, *анализировать* и *разбирать*, *аномалия* и *отклонение*, *архитектор* и *зодчий*, *бессердечный* и *жестокосердый*, *будущий* и *грядущий*, *взгляд* и *взор*, *внушительный* и *импозантный*, *враг* и *недруг*, *временный* и *преходящий*, *выбрать* и *избрать*, *брак* и *супружество*, *бить* и *колотить*, *быстроходный* и *ходкий*, *большеглазый* и *глазастый*, *брать* и *хапать*, *веснушчатый* и *конопатый*, *повесить* кого-н. и *вздернуть*, *вредить* и *пакостить*. У одного из слов каждой пары, в отличие от другого, ощущаются особенности, которые не сводятся к смысловым и воспринимаются как стилистические. В приведенных ниже группах слов два представляются отличающимися от третьего стилистической маркированностью, а друг от друга — ее характером: *болезнь — недуг* и *хворь*, *бороться — ратовать* и *драться*, *брести — тащиться* и *влачиться*, *отнять* (ногу и т. п.) — *ампутировать* и *отрезать*, *аплодировать — рукоплескать* и *хлопать*, *безделье — праздность* и *нечегонеделанье*, *тянуть* (запахом чего-н.) — *веять* и *нести*, *военный — воин* и *вояка*, *войти — вступить* и *ввалиться*, *выгнать — изгнать* и *выдворить*, *вытурить*. И при родственной маркированности между словами может ощущаться стилистическая разница — по силе, яркости этой маркированности или по ее характеру. Ср.: незнакомая *бабушка*, *бабка*, *старуха*; *бездельник*, *лодырь*, *лоботряс*; *болтун*, *балаболка*, *пустомеля*, *пустобрех*; *видоизменять*, *варьировать*, *модифицировать*; *взять*, *сцапать*, *замести* (при нейтральном *арестовать*); *голь*, *голытьба* (ср. *беднота*); *бесчувственный*, *толстокожий* (ср. *равнодушный*); *хилый*, *хлипкий*, *дохлый* (ср. *слабый*); *здоровый*, *знатный* (ср. *большой*); *кидать* и *швырять* (ср. *бросать*); *совместно*, *вкупе* (ср. *вместе*); *впутываться*, *ввязываться*, *встревать* (ср. *вмешиваться*); *повстречать*, *наткнуться* (ср. *встретить*); *выбраться*, *выкарабкаться*, *выдраться* (ср. *вылезть*) и т. д.

Таким образом, лингвисты, придерживающиеся 2-й характеристики, не без основания признают обилие и разнообразие стилистически маркированных средств в современном русском литературном языке.

Предположения об увеличении количества и все большей дифференцированности стилистически маркированных средств, хотя и не вытекают из мнения, что тексты все на меньших участках изменяют свою стилистическую окраску, но и не противоречат ему [29].

[29] Следует отметить, что исследование, проведенное автором в связи с работой над коллективной монографией «Русский язык и советское общество», показало, что число стилистически окрашенных слов в русском литературном языке, действительно, не только не уменьшается, но непрерывно уве-

3) От характеристик стилистически маркированных средств зависит и понимание задачи стилистической квалификации и дифференциации языковых фактов. Высказывания: «Под изучением слов и других элементов языка в стилистическом отношении следует понимать анализ их использования в речи, т. е. анализ условий употребления и функций (когда, где, как, зачем употребляются)»[30] и «Вопрос реального разграничения различных стилевых пластов в лексике в подавляющем большинстве случаев сводится к установлению частотности и действительной распространенности той или иной лексемы, а также сочетаемости лексем в том или ином стилевом пласте языка»[31],— логически вытекают из первой характеристики стилистически маркированных средств и принадлежат ее сторонникам.

Высказывание же: «Вопрос о стилистической дифференциации слов выступает как вопрос о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются вследствие их предпочтительного или даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения»[32] соответствует пониманию автором стилистически маркированных средств как элементов, специфику которых составляет их окраска (экспрессия).

Итак, очевидна зависимость мнений о составе стилистически маркированных средств, их количестве, перспективах существования, задаче исследования от того, характеризуются ли эти средства как элементы, употребляющиеся в ограниченных речевых условиях (в результате чего они могут иметь определенную стилистическую окраску),— или как элементы, которые (в результате употребления в определенных речевых условиях) имеют какую-либо окраску, вызывают те или иные ассоциации, заключают в себе какую-то дополнительную информацию. Эта зависимость говорит о том, что первая характеристика, с одной стороны, вторая, с другой, указывают на принципиально разные дифференциальные признаки стилистически маркированных средств. В одном случае специфика этих средств связывается с особенностями употребления, в другом — с теми или иными особенностями самих языковых единиц.

2. Каков же в действительности тот признак, которым стилистически маркированные средства отличаются от средств стилистически нейтральных?

Исследование языковых элементов, причисляемых лексикографами, синтаксистами и т. д. к стилистически маркированным средствам, показало их принципиальную неоднородность.

личивается, причем как в результате размежевания избыточных, дублетных слов, так и за счет слов, являвшихся единственным способом обозначения соответствующих предметов, действий и т. п.

[30] *Ухмылина Е. В.* Лексика современного русского языка в стилистическом отношении (конспект лекций). Горький, 1956, с. 1.

[31] *Лаптева О. А.* Изучение русской разговорной речи..., с. 137.

[32] *Ахманова О. С.* Указ. соч., с. 31.

Прежде всего не все они, будучи взятыми вне текста, способны вызывать какое бы то ни было стилистическое впечатление. Эта способность присуща, например, таким фактам разговорной речи, как имена сущ. ж. р. с суф.— *ка* типа *продленка*, *манка*, звательная форма от существительных 1-го склонения (*мам*, *пап*), разного рода фразеологизированные конструкции с сочетаниями *чем не* (*чем не жизнь*), построения с частицами (*знай себе, того и гляди*) и т. д. Свойственный им стилистический «аромат» они вносят в текст (ср.: *Многие дети посещают продленку*; *В суп нужно положить перловку*).

Но термины, обозначающие узкоспециальные явления и понятия (поэтому они не имеют общеупотребительных синонимических соответствий) лишены какого-либо стилистического звучания. Например, взятые вне текста слова и словосочетания *нейтрон*, *хромосома*, *генные мутации*, *препаративная хроматография* и т. п. по производимому ими стилистическому впечатлению ничем не отличаются от слов *стол*, *стул*, *телевизор*, *книга*, *тетрадь* и т. п. Окраска прозаизма, которую отмечает у терминов О. С. Ахманова, с равным основанием может быть приписана любому выполняющему лишь номинативную функцию слову. Окрасить текст, создать впечатление соответствующей речевой обстановки они не могут. Так, в фразу: *Хроматограф начнет работать в конце года* слово *хроматограф* вносит только смысловую информацию, объем которой зависит от знаний принимателя речи о данном предмете. В примере, который Р. Г. Пиотровский использует для доказательства способности терминов окрашивать тексты (*Инженеры в бесчисленных докладных записках писали об этом ущелье*: *перегон с тяжелым профилем. Красивые слова у техники*! М. Шагинян. Гидроцентраль)[33], как очевидно, отражено субъективное восприятие неспециалистом специального текста (причем восприятие чисто эстетическое). Не вызывают вне текста и не сообщают тексту какого-либо стилистического впечатления ни такие бытовизмы, как *чайник*, *кастрюля*, *плита*, *умывальник*, *расческа* и т. п.[34], ни отклонения от кодифицированной нормы, например, формы косвенных падежей без *-ен-* у существительных типа *время*, так называемые слова-заменители (*это*, *как его* и т. п.), конструкции с нереализованной синтаксической валентностью наличных членов и т. п.

Различаются элементы первой и второй групп и особенностями употребления. Узкоспециальные термины, бытовизмы указанного типа, некодифицированные элементы, действительно, реаль-

[33] *Пиотровский Р. Г.* Указ. соч., с. 22.

[34] Способностью вызывать вне текста стилистическое впечатление и вносить его в текст обладают и некоторые бытовизмы (например, *метла*, *горшок*, *ухват*, *помело*), и термины, имеющие стилистически нейтральные или разговорно окрашенные синонимические соответствия (например, *пневмония*, *кардиолог*, *консистенция*, *транспортировка* и т. п.). Это говорит о том, что первая и вторая группы стилистически маркированных средств пересекаются друг с другом: перечисленные здесь и подобные им бытовизмы и термины принадлежат одновременно и к той, и к другой группе.

но встречаются только или чаще всего в определенных речевых условиях: термины практически редко выходят за пределы соответствующих специальных сфер деятельности и общения (адресантом и адресатом речи здесь являются непременно специалисты; специфические для этой речи коммуникативные задания — логически доказать что-либо, зафиксировать какие-либо факты, сведения, мнения и т. п. или констатировать их существование); бытовизмы — за пределы речи (преимущественно устной), обиходно-бытовой по содержанию, взаимоотношениям между собеседниками и по коммуникативному заданию, т. е. речи, обращенной к лицу, с которым говорящий состоит в родственных или непринужденно-дружеских отношениях, преследующей цель собственно общения; некодифицированные элементы — за пределы устной речи, которая ведется без предварительной подготовки и характеризуется обиходно-бытовым содержанием и такими же отношениями между собеседниками. Между тем у элементов, вызывающих то или иное стилистическое впечатление, ограничены возможности употребления, так как эти элементы не во всех обстоятельствах говорения оказываются уместными.

Таким образом, стилистически маркированные средства делятся на две разнородных группы. Но являются ли отмеченные особенности этих групп их дифференциальными признаками?

Преимущественное или даже исключительное употребление в определенных речевых условиях не может быть признано дифференциальным признаком терминов, бытовизмов, некодифицированных элементов: как известно, и безусловно стилистически нейтральные слова, такие, например, как *стена*, *стол*, *дерево*, *река* не являются общеупотребительными.

Закрепленность терминов, бытовизмов, некодифицированных элементов за указанными выше ситуациями речи — результат того, что экстралингвистические факторы, которыми они порождены, обычны именно для этих речевых ситуаций. Если такой фактор проявит себя в какой-то другой, нетипичной для него обстановке речи, с ним вместе в нее могут быть перенесены и соответствующие языковые элементы. Так, термины вызваны к жизни потребностью однозначного и точного, исключающего разное понимание, обозначения в специальных областях деятельности и общения (научной, производственной, административно-управленческой, общественно-политической) «подведомственных» им предметов, действий, явлений. Вместе с тем любой термин в принципе может быть употреблен и в обиходно-бытовых условиях, если зайдет речь на соответствующие темы. Например, филологи, коснувшись в непринужденной беседе каких-либо волнующих общественность открытий в области физики, могут употребить физические термины. Внук, рассказывая бабушке о своих школьных делах, может сказать: *Нам велели к завтрашнему дню выучить все о желудочно-кишечном тракте.* Аналогичным образом обнаруживает себя органическая, неразрывная связь бытовизмов с обиходно-бытовым содержанием речи при употреб-

лении их, например, в каком-нибудь официально-деловом документе. Некодифицированные элементы употребляются по преимуществу в устной обиходно-бытовой речи потому, что экстралингвистический фактор, которым они порождены — отсутствие предварительной подготовленности, обдуманности речи, ее спонтанность,— характерен именно для этой речи. Появление их в нетипических условиях — в устной речи небытового и даже специального содержания — объясняется «проникновением» в эти условия фактора спонтанности речи. Ср. пример из телепередачи, приведенный О. А. Лаптевой в статье «Так ли нам знаком родной язык?» (Знание — сила, 1982): *Понятия, к которым шла традиционная наука в течение веков, они не всегда остаются незыблемыми; Интересно, что вот эти инклюзии, представленные в раскопках, они насчитывают несколько миллионов лет.* Ср. примеры из книги «Вопросы языка современной русской литературы». М.: Наука, 1971: *Он бы чем доклад на конференции, лучше бы закончил опыт на новой установке; А вот в «Вопросах языкознания» это у него о синтаксисе было.*

При переносе терминов, бытовизмов, некодифицированных элементов вместе с породившими их факторами в нетипические речевые ситуации они оказываются хотя и в чуждом окружении, но на своей почве и потому воспринимаются как оправданные и естественные. В отличие от них нейтральные средства в тех условиях речи, в которых они обычно не употребляются, совсем не создают впечатления сдвига. .

В текстах с неопределенно выраженными экстралингвистическими признаками неразрывная связь узкоспециальных терминов, бытовизмов указанного типа, некодифицированных элементов с вызвавшими их к жизни обстоятельствами речи проявляется в том, что они позволяют с полной определенностью идентифицировать эти обстоятельства. Ср: *Чайник стоял на плите,*— очевидно обиходно-бытовое содержание речи. *Он...это...как его... утверждает, что в десять вечера уже был дома,*— очевидна спонтанность речи.

Из сказанного следует, что дифференциальным признаком рассмотренных языковых фактов является их органическая, неразрывная связь с теми экстралингвистическими условиями речи, которыми они порождены.

Способность вызывать вне текста то или иное стилистическое впечатление также нет оснований считать дифференциальным признаком тех стилистически маркированных средств, которые обладают этой способностью. Дело в том, что это признак, с синхронной точки зрения вторичный и производный.

1) Свойства языковых элементов, которыми он обусловлен, не однородны. У слов типа *адресовать, акцент, воин, воистину, тщиться, вояка, глазастый, конопатый, кукситься, куражиться, махровый* (бандит и т. п.), *морковка, перловка, хворь* и т. п. и аналогичных им фактов синтаксиса, морфологии и т. д. способность вызывать стилистическое впечатление объясняется тем,

что они содержат в себе ту или иную непредметную (не являющуюся указанием признаков обозначаемого предмета) информацию [35]. В связи с этим они не только окрашивают тексты, сообщают им определенную тональность, но и вносят в них соответствующие сведения о сфере общения, форме речи, о ее содержании, коммуникативном задании, взаимоотношениях между общающимися, о самом говорящем, о его отношении к предмету речи, о его отношении к способу выражения (в разных комбинациях). Так, слово *долговязый* в фразе *Ой, какой долговязый*! (ср.: *Ой, какой высокий*!) указывает на обиходно-бытовую сферу общения и на отрицательное отношение говорящего к обозначаемому признаку (применительно к данному его носителю). Непредметная стилистическая информация является элементом содержания языковых элементов. Это информация дополнительная, но не потому, что она представляет собой «нечто внешнее, чужеродное собственно лексическому значению слова», а вследствие меньшей ее необходимости для слова, фразеологического оборота, синтаксической конструкции и т. д. по сравнению с основной — предметно-логической и грамматической, о чем говорит существование стилистически нейтральных синонимов.

Дополнительная стилистическая информация и способность вызывать стилистическое впечатление обусловливают две разнонаправленных особенности употребления соответствующих элементов. С одной стороны, слово, оборот и т. д., обладающие указанными признаками, могут быть употреблены без специальных целей не во всех тех условиях, в которых возможен их стилистически нейтральный синоним. Немотивированное применение языковых элементов в обстоятельствах общения, которые не соответствуют заключенным в них непредметным характеристикам, производит комический эффект (более или менее резкий) и представляет собой ошибку, потому что оно вносит в текст сведения, противоречащие тем, которые содержатся в этом тексте. Так, слова *манка*, *морковка* естественны в разговоре соседок, когда те рассказывают друг другу о приготовлении каких-то блюд. Но в кулинарной книге они казались бы неуместными и чужеродными, причем не только в названии блюд, но и в самих рецептах: Мусс с *манной крупой* (ср.: *с манкой*). Ягоды отжать, выжимки вскипятить в воде, процедить. Сок от выжимок довести до кипения, добавить сахар (12 г) и заварить *манную крупу* (ср.: *манку*). Или: *Морковь* маринованная (ср.: *морковка* маринованная). *Морковь* очистить, удаляя при этом зеленые части головок...

Но с другой стороны, непредметные сведения, которые несет в себе слово, фразеологизм и т. п., и его способность создавать определенное стилистическое впечатление предопределяют возможность употребления их не только в тех речевых условиях, которыми они порождены, но и за их пределами в целях соот-

[35] Из сказанного, однако, не следует, что любая непредметная информация обусловливает стилистическую окраску слов и является стилистической (см. ниже).

ветствующей субъективной характеристики говорящим данных обстоятельств общения. Именно поэтому о преимущественном употреблении слов типа *адресовать*, *акцент*, *вояка*, *конопатый* и т. п. можно говорить только с известной долей условности.

2) Стилистическое впечатление, вызываемое словами типа *радость*, *доброта*, *свобода*, *суверенитет*, *гнев*, *ненависть*, *война*, *голод* и т. п., обозначающими положительные или отрицательные с точки зрения языкового коллектива «предметы»; словами типа *корпорация*, *конгресс*, *человечество*, *диктатура*, *горшок*, *ухват*, *помело*, обозначающими социально высокие или, напротив, социально низкие «предметы»; обозначениями чего-либо неприличного и т. д., действительно, основано на разного рода ассоциациях и потому представляет собой нечто внешнее по отношению к слову. Слова этой группы не способны вносить в тексты какие-либо непредметные сведения. Так, по реплике: *Война началась*!— не зная, кто ее произнес — представитель той страны, на которую совершено вооруженное нападение с целью захвата ее территорий и подчинения своей власти, или представитель страны—агрессора, нельзя решить, осуждает ли он или одобряет войну, радует его или печалит то, что она началась. Ср. также обрывки фраз: *...собрала горшки, ухваты*; *...собрала картошку, морковку*. В первом случае можно предположить как то, что отрывок является частью описания какой-то бытовой ситуации, так и то, что он взят из официального отчета, допустим, об организации краеведческого музея. Во втором случае явно, что никакого отношения к официальному отчету отрывок не имеет, что описывается какая-то обиходно-бытовая ситуация (например, можно допустить, что отрывок входит в такую фразу: *Собрала картошку, морковку, да и отправилась на базар*).

Ассоциации, вызываемые словами указанного типа, делают их странными, а иногда и смешными в тексте, который содержит сведения, противоречащие коллективной оценке обозначаемого «предмета». Это заставляет говорящих избегать их использования в таких условиях без специальной цели. Однако такое употребление не представляет собой ошибки, не нарушает сложившихся норм словоупотребления. Ср. например, фразы со словами *грязь* и *рассадник*, в которых выражено положительное отношение к тому, что названо этими словами: *После вчерашнего ливня на дворе непролазная грязь и нам, слава богу, не надо ехать делать визиты; Большой вклад в развитие культуры внес этот рассадник просвещения*. Слово *грязь* в первой фразе представляется оправданным; слово *рассадник* вносит во вторую фразу диссонанс. Обращает на себя внимание также и то, что стилистическое впечатление от слов типа *доброта*, *война*, *горшки*, *ухваты* в приведенных текстах оказывается каким-то неопределенным, смазанным, тогда как в фразах со словами *агрессия*, *картошка*, *морковка* ощущается вполне определенный стилистический тон.

В связи со сказанным представляется целесообразным при-

менять термин *окраска* только по отношению к элементам типа *адресовать*, *кино* и т. п., способность же элементов типа *радость*, *грязь* и т. п. вызывать впечатление стилистической сниженности—приподнятости или эмоциональности рассматривать как *стилистический ореол*.

Итак, между средствами типа *адресовать*, *вояка, кино* и т. п. и средствами типа *радость*, *грязь*, *корпорация* и т. п. обнаруживается существенная разница. Эта разница дает основания делить элементы, вызывающие вне текста стилистическое впечатление, на две принципиально разнородные группы. Поскольку наличие у слова, формы, конструкции и т. д. стилистической окраски или стилистического ореола и особенности функционирования языковых фактов, обладающих окраской или ореолом, зависят от того, содержат ли они в себе сведения о каких-либо обстоятельствах речи или вызывают те или иные ассоциации, именно дополнительную информацию и ассоциативную способность следует признать дифференциальными признаками соответствующих групп языковых средств.

Следовательно, элементы языка, относимые нашими лингвистами к стилистически маркированным средствам, делятся на три различающихся по своим дифференциальным признакам группы: 1) Элементы, специфика которых — в их неразрывной связи с породившими их экстралингвистическими факторами. 2) Элементы, способность которых вызывать стилистическое впечатление обусловлена их ассоциативными связями с теми или иными речевыми обстоятельствами. 3) Элементы, способность которых вызывать стилистическое впечатление объясняется заключенной в них непредметной стилистической информацией [36].

Общей чертой, позволяющей все их считать стилистически маркированными, является то, что они противопоставлены — каждый своим дифференциальным признаком — стилистически нейтральным средствам. Однако общее между ними столь неопределенно, а различия столь существенны, что дать определение стилистической маркированности затруднительно.

В составе каждой из трех названных групп стилистически маркированных средств могут быть выделены те или иные подразделения. Особенно сложный и разветвленный характер имеет третья группа. Поэтому эти группы целесообразно считать к л а с с а м и стилистически маркированных средств.

Каждый из этих классов требует своего наименования. Средства, дифференциальным признаком которых является неразрыв-

[36] Очевидно, эти столь различные средства языка оказались в работах наших лингвистов в одном ряду в результате ошибочного определения дифференциального признака слов типа *адепт, акцент, воин, грядущий, конопатый, шмякнуться* и т. п., выделенных на основании интуиции. Признав таким признаком исключительное или преимущественное употребление в определенных речевых условиях, исследователи, естественно, присоединили к ним термины и т. п. элементы. Логическим следствием признания дифференциальным признаком указанных слов способности вызывать ассоциации явилось отнесение к ним слов типа *радость, ненависть, смерть, гроб, ужас*.

ная связь с породившими их речевыми условиями, целесообразно называть конструктивно-стилистическими, поскольку это наименование отражает их роль в тех видах речи, за которыми они закреплены. Так, терминология — необходимый и обязательный элемент научной, официально-канцелярской, публицистической речи. Функции терминов соответствуют задачам этих видов речи — полно и точно, а вместе с тем экономно сообщать о предметах, явлениях, фактах, относящихся к соответствующим областям жизни. Если термин имеет строго определенное содержание, даже при стертости его внутренней формы приниматель речи — специалист получает необходимый объем информации не только о данном предмете, явлении и т. п., но и о его связях и соотношении с другими предметами и явлениями той же специальной сферы жизни. Точно так же бытовизмы являются необходимым и обязательным элементом при обиходно-бытовом общении. Некодифицированные факты также можно считать конструктивным элементом неподготовленной устной обиходно-бытовой по взаимоотношениям между собеседниками речи, несмотря на их факультативность в этой речи. Это объясняется не только тем, что они возникли в ней, но и тем, что только в ней они кажутся вполне естественными: непринужденная дружественность отношений между собеседниками позволяет говорящему не следить за способом выражения, а слушающему, в том числе и свидетелю разговора, относиться к тому, как говорят, снисходительно и попросту не замечать отклонений от кодифицированных норм. И только в этой речи некодифицированные элементы выступают как полноценное средство общения: хотя они и придают высказыванию внешнюю логическую нестройность, незавершенность или, напротив, избыточность, но непосредственный контакт между собеседниками и возможность обращения к интонации, мимике, жестам нейтрализуют эти дефекты неподготовленной речи, обеспечивая взаимопонимание. Во всех же других условиях общения, особенно в письменной речи, некодифицированные элементы воспринимаются как ошибка (причем ошибка не против узуальных норм литературного языка, а против самой системы языка), хотя и оправданная неподготовленностью речи.

Названием, отражающим дифференциальный признак средств, ассоциирующихся с теми или иными обстоятельствами общения, является ассоциативно-стилистические средства.

Но для средств типа *глазник*, *манка*, *читалка*, *шмякнуться*, *адепт*, *воин* и т. п. и аналогичных фактов фразеологии, синтаксиса и т. д. трудно найти термин, который отражал бы их дифференциальный признак — то, что они заключают в себе непредметную стилистическую информацию. Поэтому за ними следует оставить традиционное наименование стилистически окрашенные средства, хотя оно и соответствует их вторичному и производному (с синхронной точки зрения) признаку.

Задача дальнейшего изучения стилистических ресурсов современного русского литературного языка состоит не только в том, чтобы выявить все типы, виды и разновидности каждого из трех классов стилистически маркированных средств (в их взаимоотношениях), но и дать стилистическую квалификацию всем без исключения элементам языка на всех его уровнях, не полагаясь при этом на интуицию, а применяя способы и приемы анализа, строго соответствующие природе и дифференциальным признакам того или иного класса этих средств. Наибольший интерес — и именно вследствие наибольшей сложности — представляют средства стилистически окрашенные, особенно лексика. Она и является предметом рассмотрения в следующих главах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА: ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ, ПРИРОДА СТИЛИСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ, УСЛОВИЯ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Итак, стилистически окрашенными мы называем те лексические единицы (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов), способность которых вызывать вне контекста особое стилистическое впечатление обусловлена тем, что они заключают в себе не только предметно-логическую (сведения об обозначаемом предмете) и (или) грамматическую, но и какую-либо дополнительную (непредметную) информацию.

Из этого определения стилистически окрашенной лексики следует, что необходимо различать две самостоятельных задачи ее исследования. Одна из них — задача выявления потенциальных стилистических возможностей лексических единиц с целью их стилистической квалификации и последующей стилистической дифференциации лексики. Вторая — задача изучения условий реализации этих потенциальных стилистических возможностей, условий применения стилистически окрашенных фактов языка в речи. Эти задачи столь сложны и столь своеобразны как по проблематике, так и по методам их решения (а отчасти и по материалу, который подвергается рассмотрению), что совместить их в одной работе не представляется возможным. Настоящая книга посвящается только первой из этих задач, которая состоит в том, чтобы установить наличие у той или иной лексической единицы

а) способности вызывать определенное стилистическое впечатление, б) определенной контекстной закрепленности, в) определенной дополнительной (непредметной) информации — или отсутствие этих признаков.

И специалисты в области семантики, и специалисты в области стилистики справедливо отмечают, что стилистическое исследование лексики не может вестись в отрыве от исследования предметных признаков слов. «Вряд ли,— говорит Д. Н. Шмелев,— реально рассматривать последние (устойчиво закрепленные за словом экспрессивно-стилистические функции.— *Е. П.*) независимо от предметного значения слова; почти столь же нереально в конечном счете изучение значений слова без учета возможностей его применения, т. е. его стилистического диапазона»[1]. «Стилистика не может отмежеваться от области предметных значений»,— отмечает и Ю. М. Скребнев[2]. В задачу исследования стилистически окрашенной лексики входит, в частности, выявление зависимости между разными типами и видами стилистической и семантической информации: хотя эта последняя в принципе и не предопределяет собой характера эмоционально-стилистических и функционально-стилистических признаков слов[3], между ними довольно часто наблюдается известная соотносительность.

Следует отметить, что изучение стилистических и семантических признаков слов и не может вестись в изоляции одно от другого. В конкретных случаях трудно определить без специального анализа, чем вызвана способность лексической единицы вызывать стилистическое впечатление — дополнительной информацией, которую она в себе заключает, или особенностями ее предметного содержания.

Выделение стилистических признаков лексической единицы представляет собой один из актов разложения ее содержания на составляющие его элементы «по такому же принципу, что и содержание выражения»[4].

Проблема стилистической квалификации лексики имеет прямую и непосредственную связь с проблемой языковой нормы — кодекса правил, регламентирующих словоупотребление: констатировать стилистическую нейтральность или стилистическую окрашенность слова значит определить условия его уместности

[1] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, с. 251.

[2] *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 163.

[3] Так, И. С. Ильинская отмечает, что стилистическая сниженность просторечных слов не зависит «ни от реального значения слова, ни от оценки явлений действительности говорящими..., а определяется так же, как и у слов разговорных, исключительно языковым восприятием и пониманием говорящего места данного слова в системе всех стилей речи своего языка, пониманием, которое вырабатывается в общении между людьми как результат коллективной привычки» (*Ильинская И. С.* Из наблюдений над лексикой А. С. Пушкина:— Труды Ин-та рус. яз., 1950, т. II, с. 83).

[4] *Ельмслев Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2. М.: Прогресс, 1962, с. 135.

и неуместности, а следовательно, установить для него языковую стилистическую норму. Языковую,— потому что наряду с ней может существовать и корректирующая ее речевая норма, норма-узус, основанная на коллективных привычках употреблять или не употреблять в тех или иных речевых ситуациях определенным образом окрашенные элементы. В результате словоупотребление, не противоречащее стилистическим признакам слова, может оказаться нежелательным (ср. приведенный выше пример использования слова с окраской деловой речи в устном отчете на Ученом совете).

Языковая стилистическая норма имеет то же назначение, что и лексическая, морфологическая, синтаксическая и т. п. Она тоже сдерживает постоянно происходящие в литературном языке изменения, консервирует его, обеспечивая связь между поколениями, преемственность культуры разных эпох. Поэтому она также должна быть относительно стабильной, что обеспечивается ее объективным характером и признанием ее общеобязательной. Вместе с тем как и любая норма, стилистическая норма не может оставаться неизменной: по мере того, как изменения в языке становятся совершившимся фактом, норма должна пересматриваться. Но этим сходство между ними не ограничивается. «Сама природа нормативности как бы предполагает предварительную оценку и выбор (на тех или иных основаниях) фактов, признаваемых в качестве нормативных»[5]. Это замечание в равной мере относится и к языковой стилистической норме. При кодификации лексических, морфологических, синтаксических и т. д. средств языка решается вопрос, какие из конкурирующих слов, форм, конструкций и т. п. нормативны, являются фактом литературного языка. При стилистической квалификации лексики (соответственно форм, конструкций и т. п.) вопрос стоит о нормативности, о принадлежности литературному языку одного из конкурирующих «вариантов» слова: слова как носителя тех или иных стилистических признаков или слова как языкового факта, не имеющего данных признаков. Лексическая, морфологическая и т. п. норма, с одной стороны, и норма стилистическая, с другой стороны, лежат в пересекающихся плоскостях. То, что не соответствует норме литературного языка, может соответствовать стилистической норме (о внелитературных средствах см. ч. 2).

Каковы же критерии нормативности? Должны ли они быть одними и теми же при установлении любой нормы?

В качестве признаков, на основании которых может быть установлена языковая норма, указываются: употребление тех или иных фактов языка авторитетными писателями, особенно писателями прошлого, длительность их существования, распространенность, соответствие внутренним закономерностям языка, тенденциям его развития, наличие в литературном языке анало-

---

[5] *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. Автореф. докт. дис. М., 1978, с. 10.

гичных фактов. Однако ни один из этих признаков, как отмечают и сами авторы статей о норме, не является «безотказным»[6], ни один не дает возможности «решать в отношении любого предмета, относится ли он к данному классу или не относится»[7]. Некоторые авторы предполагают, что указанные выше признаки, не будучи надежными каждый в отдельности, все вместе (дополняя друг друга) дают объективный критерий разграничения нормативного и ненормативного. Классификационных признаков, действительно, может быть несколько, но брать за основание в одних случаях одни из них, а в других другие — недопустимо. Первое правило деления объема понятий, выполнение которого при классификации обязательно, гласит: «Каждое данное деление должно производиться по одному и тому же основанию»[8].

Чем же руководствуются лингвисты, заявляя, что в произведениях писателей-классиков встречаются и факты, отражающие устаревшие нормы, и мотивированные отступления от норм, и ошибки, неправильности, что нормативным может быть признано не все то, что имеет «стаж» существования, и не все то, что отвечает тенденциям развития, что нельзя абсолютизировать нормы, распространять их на все аналогичные явления, что распространенной, массовой может быть и ошибка? Правильным, соответствующим норме обычно признается то, что не режет слуха нормализатора, а то, что его языковое чутье отвергает, считается ненормативным, как бы ни был авторитетен и почитаем писатель-классик, как бы ни был велик «стаж» явления и т. п.

Характеристики слов, форм, конструкций и т. п. как ненормативных, основанные на традициях употребления, авторитетности и почитаемости того или иного автора и т. п., вызывают возражения потому, что они не соответствуют представлениям, сложившимся в сознании носителя литературного языка[9]. Поэтому подход к проблеме кодификации с точки зрения языкового чутья является ошибочным только в случае, если нормализатор утверждает как норму свои собственные, не соответствующие коллективным, языковые представления.

Исследователей, занимающихся стилистической квалификацией языковых средств, интересует вопрос не о критериях нормативности, а о методах выявления стилистических признаков слов, форм и т. д. Но почти все предлагаемые ими методы мож-

---

[6] См., например: *Филин Ф. П.* Несколько слов о языковой норме и культуре речи.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М.: Наука, 1966, с. 18—19; *Веселитский В. В.* О некоторых понятиях правильной речи.— Там же, вып. 6. М.: Наука, 1965, с. 80.

[7] БСЭ, 2-е изд., т. 21. «Классификация».

[8] Там же, т. 13. «Деление объема понятий».

[9] Специфику литературного языка составляет его письменная форма. Поэтому к носителям литературного языка следует относить всех, кто регулярно прибегает к письменной форме общения, т. е. лиц с высшим и средним образованием. Круг таких лиц в наше время очень широк.

но рассматривать и как критерии принадлежности языковых фактов к стилистически маркированным средствам языка, т. е. как критерии стилистической нормативности. Это все тот же авторитет известных писателей, традиции употребления, языковое чутье исследователя. Одной из причин расхождений в стилистических характеристиках слов словарями является именно следование разным критериям нормативности. Так, в СА17 некоторые из сложных прилагательных в превосходной степени с составной частью *само-*, соответствующей по значению слову *самый*, в соответствии с цитатным материалом получают помету *разг.*, тогда как СУ, руководствуясь языковым чутьем, характеризует их как просторечные. Таково, например, *самоновейший*. Помету *разг.* к этому слову СА17 подтверждает цитатами: (Г-н Боборыкин), кажется, познакомит нас с любопытной серией типов *самоновейшего* фасона (А. Луначарский. Критические этюды); Экскаватор у него *самоновейший* — это ему страшно лестно (Б. Полевой. В тумане).

Чтобы ответить на вопрос о критериях стилистической нормы, необходимо остановиться на природе стилистических признаков слов.

ПРИРОДА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ СЛОВ

Мнение о предметных признаках слов можно считать установившимся. «При устойчивом постоянном употреблении слова в одинаковых речевых ситуациях,— говорит, например, Д. Н. Шмелев,— его значение нередко специализируется в определенном направлении. Контекстно обусловленные оттенки значения данного слова обобщаются в сознании говорящих, становясь как бы элементом значения самого слова»[10].

Вопрос о природе отличительных признаков стилистически окрашенной лексики затрагивался в нашей лингвостилистической литературе только в связи со способностью слов вызывать то или иное стилистическое впечатление. По мнению Т. Г. Винокур, такие вопросы, как «например: откуда мы знаем, что *брюзга* — это „сниженное?“»[11], поставленные в плане конкретно-историческом, представляют собой головоломки. Ответ на них требует, по ее мнению, исторического подхода. И именно о происхождении функционально-стилистических окрасок (реже экспрессивно-стилистических, поскольку часть авторов считает их свойством, генетически присущим словам) говорят лингвисты, объясняя эти окраски исключительным или преимущественным употреблением слов в тех, а не иных обстоятельствах общения.

---

[10] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 73.

[11] *Винокур Т. Г.* О содержании некоторых стилистических понятий.— В кн.: Стилистические исследования. М.: Наука, 1972, с. 28.

В синхронном плане на вопрос о причинах стилистической сниженности разговорных и просторечных слов отвечает И. С. Ильинская (см. сноску 3). Аналогичную точку зрения на природу стилистической окраски высказывает и Ю. М. Скребнев. «Слова (словосочетания, предложения и т. д.),— говорит он,— имеют ту или иную стилистическую окраску, производят на нас то или иное стилистическое впечатление отнюдь не в силу каких-то мистических внутренних свойств, а только благодаря тому, что их коннотация сигнализирует, напоминает нам о том, в какой дистрибуции (в каких окружениях) мы привыкли их встречать и, следовательно, какое место в системе они занимают» [12].

Это мнение представляется безусловно справедливым по отношению к тому стилистическому впечатлению, которое вызывает у носителя литературного языка ассоциативно-стилистическая лексика: чтобы слово приобрело стилистический ореол, действительно, достаточно того, чтобы оно запомнилось в определенных контекстах и напоминало о них. Иное дело стилистическая окраска. Слово приобретает ее, когда в сознании носителя литературного языка складывается представление о нем, как о способном определенным образом характеризовать разного рода обстоятельства общения. Так, слово *сборище* имеет эмоционально-оценочную окраску, потому что в сознании говорящих на литературном языке оно не только закреплено за контекстами, в которых выражается отрицательное эмоциональное отношение к предмету речи, но и само способно выражать такое отношение. Слово *тетя* имеет разговорную окраску: связанное в сознании носителей литературного языка с обиходно-бытовым, интимно-родственным отношением между собеседниками, оно и само вносит в речь такую характеристику отношений между участниками разговора (подробнее об этих словах в ч. II, гл. 1) [13]. Разумеется, языковые представления о признаках слов не всегда ясны и определенны. Так бывает, когда старые представления под воздействием каких-то обстоятельств разрушаются, а новые еще окончательно не сформировались.

Речевой опыт не у всех носителей литературного языка одинаков. Неодинаков он и у разных групп говорящих на литературном языке: имеют значение возрастные, профессиональные различия, различия в уровне образования и т. д. Именно поэтому одно и то же слово при одном денотате [14] и в одних и тех же

[12] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 21.

[13] Отсюда можно сделать вывод, что слова, имеющие стилистический ореол, хотя и составляют особый тип стилистически маркированной лексики, но с генетической точки зрения представляют собой промежуточный этап перехода стилистически нейтральной лексики в состав лексики стилистически окрашенной.

[14] В понимании означающего, денотата и означаемого, а также признаков, составляющих означаемое, придерживаемся точки зрения Ю. С. Степанова: «Внешний элемент словесного знака (последовательность звуков или графических знаков) — о з н а ч а ю щ е е связан, во-первых, с обозначаемым

условиях у одних говорящих на литературном языке может вызывать то или иное стилистическое впечатление, а другим представляться стилистически нейтральным, одним сообщать, а другим не сообщать какие-либо сведения.

Обвинения в неверной стилистической трактовке того или иного слова, которые лингвисты предъявляют друг другу, отчасти объясняются не только разными критериями стилистической нормы, но и тем, что оппонент по-иному воспринимает данное слово. С этим в известной мере связана и разница стилистических помет в словарях современного русского литературного языка. Так, слова *питомец, бесноваться, словно, атмосфера* одним кажутся стилистически более высокими, чем соответственно *воспитанник, беситься, будто, как, воздух,* а другим, напротив, стилистически сниженными. Ср. пометы к словам *питомец* и *безумствовать* в СС, СУ и СО.

Отсутствие единства языковых представлений о слове, находящее выражение в разном его восприятии в одних и тех же условиях разными лицами (в частности, исследователем и его современниками, филологами и нефилологами) не говорит о нечеткости, неопределенности того или иного его признака (разумеется, при условии, что в сознании тех, кто этот признак признает, он выражен четко и определенно). Признак слова объективно существует, если он представляет собой факт языкового сознания большинства говорящих на литературном языке.

Таким образом, критерием нормативности при кодификации языковой стилистической нормы, как и при кодификации нормы лексической, морфологической и т. п., является распространенность в коллективе говорящих на литературном языке тех или иных языковых представлений о слове, форме, конструкции и т. п. Было бы неправильно, например, относить слово *нападки* к нейтральной в оценочном отношении лексике на основании такого употребления его Шолоховым: После долгого молчания, в ответ на законные *нападки* «Литературной газеты»... тов. Ишков выступил с невразумительной статьей (Лит. газета, 1966, 2 апр.), слово *сговор* к этой же лексике на основании того, что мотивирующий глагол *сговориться* не обладает отрицательной оценочностью, а слово *махровый* в переносном значении (*махровый бандит, махровый реакционер*) — на основании того, что в прямом значении это слово обозначает положительный признак: по коллективным языковым представлениям все они обладают отрицательной оценочностью.

предметом действительности — д е н о т а т о м (а также р е ф е р е н т о м, см. ниже), во-вторых, с отражением этого предмета в сознании человека — означаемым... Кроме совокупности дифференциальных признаков, или десигната, в означаемое слова входят интегральные признаки... Интегральные признаки не противопоставлены непосредственно соответствующим признакам других слов, они образуют «единичное», «индивидуальное» в означаемом данного слова» (см. в кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, с. 294 и 295).

При установлении морфологических, синтаксических, произносительных и т. п. норм конкурирующие языковые факты очевидны, а выяснить, как относится к ним тот или иной носитель и коллектив носителей литературного языка сравнительно несложно.

Нормализация в области семантики и стилистики часто осложнена необходимостью выделения признака слова. К тому же выяснить, существует ли данный признак, особенно стилистический, в сознании того или иного носителя литературного языка дело непростое: для одного и того же лица в разных условиях слово может звучать по-разному. Следовательно, возможности изучения коллективных языковых представлений о признаках слов зависят от возможностей изучения языковых представлений отдельных лиц. Не случайно Ю. М. Скребнев, утверждая, что стилистика должна регистрировать только коллективно значимое, коллективно принятое, затрудняется определить его границы и предоставляет исследователю руководствоваться своим индивидуальным опытом. «О некоторых языковых единицах (в частности, о многих словах),— говорит он,— невозможно категорически утверждать, вошли ли они окончательно в коллективный обиход, являются ли неологизмами или утратили окраску новизны, стали ли словами литературными или остались арготическими, выходят ли уже из употребления, приобретая оттенок архаичности — то или иное решение каждый раз диктуется индивидуальным опытом исследователя, субъективно оценивающего стадию стилистической эволюции слова»[15]. Дело в том, что этот исследователь считает, что «мы не можем с уверенностью судить о том, как выглядят коннотации «изнутри», т. е. в психике получателя (и, разумеется, отправителя) речи. Ясно, что они лишь в исключительных случаях принимают форму презентированных, четко осознаваемых и словесно выраженных оценок, эксплицитных суждений типа «это слово встречается в таких-то речевых условиях, в таких-то формах речи». Напротив, как правило, языковой опыт манифестируется в диффузном, полуосознанном виде — в форме невербальных или довербальных эмоционально-эстетических и эмоционально-этических представлений»[16].

Отсюда следует, что прежде чем говорить о возможностях и методах изучения коллективных языковых представлений о признаках слов, необходимо выяснить возможности и способы изучения языковых представлений отдельных носителей литературного языка и прежде всего самого исследователя, а для этого необходимо исследовать, с одной стороны, как складываются языковые представления, а с другой,— как и в чем они проявляются, какие условия мешают, а какие, напротив, способствуют проявлению их в истинном виде.

---

[15] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 168.
[16] Там же, с. 28.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Советский период истории русского литературного языка особенно показателен в смысле разнообразия условий и факторов, способствующих приобретению или утрате словами тех или иных признаков[17]. В частности, социальные сдвиги в жизни общества интенсифицировали в 20-е годы процесс смысловой и стилистической дифференциации дублетных слов, проходивший на протяжении всего прошлого века, и вовлекли в него новые партии слов, задав определенные направления их изменений.

Непосредственное влияние на формирование языковых представлений оказывают контексты, в которых слово встречается носителю литературного языка. Оказавшись органически связанным в сознании данного лица с такими контекстами, слово как бы вбирает, впитывает в себя содержащиеся в них неязыковые сведения.

Как правило, контекстами, признаки которых перенимает слово, оказываются наиболее употребительные в данное время. Изменение контекстов влечет за собой изменение представлений о признаках слова. То, что в послереволюционную эпоху активными носителями литературной речи становились все новые и новые слои общества, ранее владевшие диалектной речью или городским просторечием, не могло не способствовать изменению сочетаемости некоторых слов и вследствие этого и стиранию у них тех стилистических и экспрессивных признаков, которые поддерживались прежней литературно-речевой традицией, и, напротив, приобретению признаков, ранее им не свойственных. Важность, значительность пережитых событий, коренная ломка устоев жизни вызвали необычно эмоциональное, оценочное отношение нового общества к окружающей действительности. Высказываниям о величии задач революции, о коммунистических идеалах, о достижениях и трудностях в строительстве новой жизни был свойствен патетический, торжественный тон. Выражением резкого осуждения, гнева, презрения, насмешки сопровождались высказывания о происках врагов, о действиях, наносящих вред советскому строю и т. п. Стремление давать предмету эмоциональную оценку распространялось и на самые разнообразные бытовые события и факты. Все это создавало условия для приобретения одними словами возвышенной эмоциональной окраски, другими — отрицательной эмоциональной оценочности.

Вместе с тем на формирование языковых представлений влияет не только современная речь, но и тексты прошлого; эти представления зависят и от степени знакомства с разнообрази-

---

[17] См.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968, гл. «Стилистические изменения в лексике» (автор § 68—72, 75—86 Е. Ф. Петрищева).

ем современного применения слова, оборота и т. п., и от степени влиятельности тех или иных речевых сфер.

Признаки слов формируются и в результате особого осмысления контекстов. Это может быть связано как со сменой поколений, так и с изменением состава носителей литературного языка в результате социальных изменений в обществе, как было после Октябрьской революции. Усвоение литературного языка новыми его носителями в 20-х годах шло в основном не через непосредственный контакт с интеллигенцией, а через письменные источники или же через публичную, ораторскую речь. Это вызвало в 20-х годах закрепление некоторых слов (в частности, слов иностранного происхождения), которые в речи старой интеллигенции не выполняли каких-либо стилистических функций или имели разговорную окраску, за речью, содержание и назначение которой выходит за рамки обиходно-бытовой жизни. Другие такие же слова стали восприниматься как специфическая принадлежность людей культурных, образованных, и использоваться с целью «образованность свою показать». Как отмечают Д. Н. Ушаков и Г. О. Винокур, людям, недостаточно овладевшим литературным языком, свойственна склонность к нарочитой непростоте речи, чрезмерное увлечение иностранными словами, рисовка ими [18].

Эта же причина привела к тому, что часть слов, которые в дореволюционный период без какого-либо специального стилистического задания включались не только в разговорную речь лиц из интеллигентской среды, но и в произведения, трактующие научные или общественно-политические вопросы или характеризующиеся возвышенным тоном речи, к 30-м годам стали восприниматься как особенность речи лиц, не владеющих литературными нормами. Так, в СУ уже получили помету *простореч.* слова *взаправду, далече, ежели, загодя, задаром, зачинать* (начинать), *избечь, изготовить* (о пище), *мамаша* (мама), *отписать кому, самоличный, из себя* (собой), *скидать* (сбрасывать), *склизкий, стращать, поворотить, своротить куда-н.* и т. д. Причем показательно, что под влиянием одних и тех же контекстов (главным образом, речи персонажей художественных произведений — представителей различных групп населения, не владеющего литературным языком) сформировалось два принципиально разных вида просторечия: одно противопоставляет говорящего интеллигенции по уровню образования, другое — по социальному положению (см. ч. II, гл. 3).

Необходимо также учитывать, что ни регулярное употребление слова в определенных контекстах, ни то, что носители литературного языка регулярно наблюдают его в этих контекстах, еще не обеспечивают возникновения у этого слова соответствующего признака. Так, несмотря на широкое исполь-

[18] См. ответ Д. Н. Ушакова на анкету «Журналиста» (Журналист, 1925, № 2, с. 9) и статью Г. О. Винокура «Язык нашей газеты» (Леф, 1924, № 2, с. 134).

зование в газетно-публицистической речи, слова не приобретают окраску этой речи, а сохраняют свою общекнижную окраску (ср. слово *диалог*, широко применяемое в наше время в различных газетных жанрах) и даже окраску разговорности (ср. *бойня* — о войне). Показательны в этом отношении и диалектизмы. Типическими для них являются контексты, где говорящий — лицо, не владеющее нормами литературного языка. Однако они не заключают в себе этой информации, а характеризуют говорящего только как носителя диалекта (см. соответствующий раздел).

Для того, чтобы особенности контекста отразились на слове, нужны какие-то дополнительные условия. Не всегда можно сказать, что именно способствует или мешает приобретению словом тех или иных контекстуально обусловленных признаков (как семантических, так и стилистических). Очевидно, в любой период имеет значение авторитет автора, важность, парадоксальность или афористичность содержания, форма (стихотворные контексты запоминаются легче) и т. п. Есть и причины социального порядка, причем свои в разные периоды истории языка. Слово *диалог* в XIX в. не могло приобрести указание на участие в обмене мнениями, сведениями и т. п. всего двух лиц, так как носителям литературного языка было хорошо известно, как образовано греческое διαλογος (δια — через, λογος — речь). К концу прошлого века, по свидетельству Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук (1895 г.), слово *диалог* еще воспринималось как обычное по отношению к разговору двух, но уместное и по отношению к разговору нескольких человек. И только в советское время, когда изменился состав носителей литературного языка, преграда, мешавшая изменениям, рухнула. Показательно, что все десять человек, которым был задан вопрос: «Сколько человек участвует в диалоге?», решительно ответили «два» и (с некоторым недоумением — столь очевидным казался им ответ) «два, конечно». Не менее показательно переосмысление его внутренней формы. Его современное значение, как и значение слова *монолог*, кажется сейчас многим словообразовательно предопределенным. Почти все спрошенные, в том числе лица с филологическим образованием, усматривают в слове диалог часть *ди* ‘два’ или придают значение ‘два’ части *диа-*.

Иногда действуют причины, аналогичные тем, которые способствовали переходу глагола *зачинать* в значении ‘полагать чему-н. начало’ и ‘начинать делать что-н.’ в разряд просторечных. Его окрашивание началось еще в прошлом веке: глаголы *зачинать* и *начинать* не могли остаться в стороне от проходившего на протяжении всего XIX в. процесса стилистического и смыслового разграничения дублетных слов. И уже тогда, как представляется, действовал фактор, предопределивший уход в просторечие именно глагола *зачинать*. Это его третье значение ‘зарождать, давать начало жизни кому-н.’, вызывавшее нежела-

тельные ассоциации при употреблении слова во втором и первом значениях.

Возможен и обратный путь изменений. Под влиянием тех или иных экстралингвистических причин в сознании носителей литературного языка формируются определенные признаки слова, а затем уже соответствующим образом меняются условия его употребления. Так, в ряде случаев причиной перехода слов в состав оценочной лексики в 20-х годах было изменение (в связи с социальным переворотом) коллективной оценки некоторых явлений, закрепление же их за оценочными контекстами явилось следствием. Так, отрицательное отношение нового общества к таким явлениям, как стремление к обогащению, к получению чего-нибудь без труда, к личному успеху по службе и т. п., послужило причиной приобретения оценочных функций словами *барыш, нажива* и *наживаться, расчетливость, карьера* и др.[19] И напротив, пересмотр отношения к таким явлениям, как осмотрительность, экономность, откровенное, не считаясь с обстоятельствами, высказывание мнений, обыкновенность чего-н. вызвал в 60-х годах стремление употреблять как нейтральные слова *расчетливый, -ость, прямолинейный, -ость, обыденный*[20].

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И УСЛОВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Исследуя вопрос о закономерностях и условиях проявления представлений о признаках слов, необходимо различать, выступает ли носитель литературного языка в качестве получателя речи или в качестве ее отправителя. Сложившиеся в сознании получателя речи языковые представления проявляются в особенностях его реакции на слово. Представления о слове отправителя речи проявляются в том, как — в каких условиях и с какими целями — он это слово употребляет. Естественно, что возможности и пути изучения языкового сознания тех и других не могут быть одними и теми же.

---

[19] Ср. употребление слов *нажива, карьера, расчетливый* носителями прежних норм литературного языка в текстах, не преследующих цели осуждения: Несмотря на свое временное пристрастие к хозяйству и *наживе*, на него [Л. Толстого] вдруг нападала хандра, разочарование в том, что он делал, чем был увлечен (Т. Кузьминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне; Смирнов — молодой, лет 23, с высокими идеалами, положительного, спокойного характера, доверчивый и делающий *карьеру* (Там же); Кстати сказать, в денежных расчетах Антон Павлович был до щепетильности аккуратен, терпеть не мог должать кому-нибудь, был очень *расчетлив* (Вл. Немирович-Данченко. Чехов).

[20] Ср.: Теннис высокого класса — это всегда поединок интеллектов, дуэль мыслей. Теннисист должен действовать на корте пусть и страстно, но непременно *расчетливо* (какой бы неприятный оттенок ни имело слово) (Юность, 1964, № 1).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И УСЛОВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОЛУЧАТЕЛЯ РЕЧИ

Условия, влияющие на проявление данных языкового сознания получателя речи, сложнее и многообразнее, чем условия проявления данных языкового сознания отправителей речи. Следует обратить внимание и на то, что языковые представления носителя литературного языка формируются именно тогда, когда он выступает в качестве получателя речи.

Говоря об условиях проявления языковых представлений получателя речи, следует различать вопрос о том, как они себя обнаруживают для него самого (это важно знать для самоанализа) и вопрос о внешних проявлениях языковых представлений, по которым исследователь может судить о том, воспринимают или не воспринимают данный признак другие носители литературного языка.

Степень осмысления своих языковых представлений и точность их выражения, безусловно, не у всех носителей литературного языка одинакова. Лица, по роду своей деятельности имеющие дело с языком,— ученые-лингвисты, писатели, преподаватели русского языка и т. д., естественно, лучше осознают признаки слов и точнее их формулируют. Вместе с тем как для более, так и для менее компетентных в языковом отношении получателей речи есть условия лучшего и худшего проявления языковых представлений.

Думается, что исследователь вправе изучить закономерности влияний разного рода условий на проявление представлений о слове на своем собственном восприятии. Это тем более оправданно, что начинать анализ слов, безусловно, следует с самоанализа, с наблюдений над собственной реакцией на разного рода использование исследуемого слова.

Особенности проявления языковых представлений зависят от того, берется ли слово в изолированном виде или в тексте.

1. У слова, взятого изолированно, стилистическая окраска ощущается достаточно отчетливо. Но стоящая за ней дополнительная информация чаще всего остается скрытой даже для специалистов. Не случайно лексикографы дают словам стилистическую характеристику по их окраске.

2. Однако в речи стилистическая окраска слова непостоянна. Отчетливо ощущаемая у изолированного слова, она может под влиянием контекста почти совсем исчезнуть или менять свой характер.

«Меня будили, надо было идти в школу. Из нашей деревни после Нового года в соседнее село, в школу, продолжал ходить один я.

До села было недалеко, всего четыре километра, но эти четыре километра проходили через лес, темень и потрескивание мороза. А главная беда — откуда-то в наши места перекочевали

огромные стаи волков, и каждый день то и дело говорили: волки унесли овцу или собаку. На меня тоже напал страх.

Днем недалеко от деревни можно было увидеть волка, караулящего в ярах или придорожных кустах собаку или овцу. А ночью, если выйти из дома, обязательно услышишь вой; тоскливый, сверлящий грудь, он наводил на всех прямо-таки ужас.

Еще было темно; кое-где косо желтели обметанные морозом маленькие оконца; жиденько серели против окон пятна на снегу. Выпукло и ярко лежали на крутом небе звезды; янтарно искрился под ними снег. Словно размочаленные веревки в тихой, но мутной воде повисли над утонувшими в суметах домами завитки слабого печного духа; верхний виток веревок медленно раскручивался — там гулял ветер.

Шарик бросился мне под ноги, когда я вышел, лизнул в лицо, заскулил, ластясь ко мне и путаясь в ногах, а я радостно отпихивал его, пока не вышел на край деревни, и он не отстал, вернувшись домой» (Вл. Мирнев. Сибирские).

Слова *темень, беда* в значении сказуемого (о чем-н. плохом, печальном, затруднительном), сочетание *то и дело, караулить* (ожидать), *прямо-таки,* сочетание *обметанный морозом,* которое в данном тексте воспринимается как переносное употребление значения ‘покрытый сыпью, болячками’, *оконце, жиденько, гулять* (о ветре), *ластиться, путаться в ногах,* которые, если взять их вне текста, воспринимаются как разговорно окрашенные, в приведенном отрывке или едва заметны, или совсем теряются. Вполне отчетливо выделяются в нем просторечное *дух* (воздух) и областное *сумет* (сугроб).

Ср. звучание в разных контекстах слова *сборище*:

— Что за *сборище*? — послышался вдруг решительный, начальственный голос, и к собравшейся вокруг арестанта кучке людей быстрыми шагами подошел околоточный (Л. Толстой. Воскресение); Говорят, что он участник каких-то секретных *сборищ* у нас за селом. Но, думаю, враки, кому у нас их собирать (Вирта. Вечерний звон). В этих цитатах ощущается неодобрительное отношение говорящего к собранию каких-то людей, характеристика его как противозаконного.

После полудня в его салоне появлялись молодые люди с мутно-пристальными глазами убийц, серые штабс-капитаны и полковники мировой войны, ...провинциальные говорливые барыни... Все это *сборище* разговаривало в повышенном тоне (А. Н. Толстой. Эмигранты). Здесь ощущается и отрицательная оценка, и презрение.

Он находил, на этот раз, все в этом новогоднем *сборище* неизящным, бестолковым, «мещанским» (Боборыкин. На ущербе); Поговорив еще минуты три на эту тему, он предложил Самгину пойти на совещание по организации министерской газеты Клим Иванович отказался, его утомляли эти почти ежедневные *сборища*, на которых люди торопливо и нервозно пытались из-

быть, погасить свою тревогу (М. Горький. Жизнь Клима Самгина). Здесь только отрицательные эмоции, неудовольствие того лица, о котором повествуется.

В следующей цитате *сборище* имеет шутливую окраску: Длинными зимними вечерами Авдотья шила, Прасковья вязала, а Степан чеботарил. В этих мирных вечерних *сборищах* с негромкими душевными разговорами была прелесть, неведомая Авдотье раньше (Николаева. Жатва).

В цитатах же: — А у вас тут, кажись, *сборище* сегодня? — обратился он к Александру Васильевичу (Омулевский. Шаг за шагом); Андрей Николаевич сидел, по обыкновению, у окна и видел, как трясется от топота пляшущих покосившийся домик, и слушал доносившийся оттуда веселый гомон и визг гармоники. Подумать только, что он мог быть центром этого буйного *сборища*! (Л. Андреев, У окна), — это слово приобретает дружески-фамильярный характер.

Не случайно СУ дает это слово с пометой *пренебр.*, СО — с пометой *разг. неодобр.*, СС — с пометой *разг.*, отмечая, что оно употребляется обычно в качестве «отрицательно-пренебрежительной характеристики подобного собрания людей», а СА4 и СА17 — только с пометой *разг.*

Ср. также звучание слова *дружок* в значении ‘друг’:

Вчера я получил письмо из деревни. Вместе с другими новостями в письме было сообщение о том, что Оська, мой запредельный *дружок* и однокашник, живет то ли в самой Москве, то ли где-то около (В. Белов. Калорийная булочка); Шорников и Булатов были закадычными *дружками* еще в первой пятилетке (А. Авдеенко. В поте лица своего...); и: Эти дельцы имели *дружков* — приятелей в «Союзсельхозтехнике», поэтому липовые письма получали дальнейший ход (Из газет, 1977); — Это чуть-чуть смахивает на то, когда преступник старается обеспечить себе алиби. — Не думаю, чтобы тут было что-то криминальное. Впрочем, если вы возьмете на эти три дня под наблюдение его *дружков* — на всякий случай,— будет совсем неплохо (Ю. Пиляр. Забыть прошлое).

Звучание слова *останки*:

Останки разоренной сени, Три углубленные в земле И мхом поросшие ступени Гласят о шведском короле (Пушкин. Полтава); В музеях запертых, в торжественном покое Хранились бережно *останки* старины (Брюсов. Замкнутые); и: Близ Средней Косы, в четырех километрах от Керчи, там, где в июле 1790 года русский адмирал Ф. Ф. Ушаков разгромил турецкую эскадру, группа аквалангистов под руководством кандидата технических наук мастера спорта В. Н. Лаврухина обнаружила *останки* затонувшего корабля (Неделя, 1977, № 50); Рядом с *останками* крупных ископаемых палеонтологи обнаружили скелеты черепах, крокодилов, ящериц (Неделя, 1978, № 5).

Исчезают или возникают — определить это не всегда просто — и предметные признаки слов.

У действия, обозначаемого глаголом *откромсать* (отрезать), словари отмечают отрицательный нюанс—'неаккуратно, небрежно, грубыми кусками'. Ср. однако: Пастухов схватил хлеб, *откромсал*, раскрошив, косой ломоть (К. Федин. Необыкновенное лето) и: Купец прищурил глаз, склонив голову набок, и, измерив хлеб, *откромсал* свою долю (М. Горький. Кирилка). Во второй цитате отмеченный нюанс слова *откромсать* отсутствует.

Слово *гляделки* определяется в СУ и в СА4 как 'глаза'. Составители этих словарей ориентировались на тексты типа: «Ну, что ты уставился на меня своими *гляделками*?» Но это слово довольно часто встречается и в текстах, где содержатся указания на какие-то отрицательные качества названных этим словом глаз (это могут быть маленькие, тусклые и бесцветные, без всякого выражения глаза, или и то, и другое, и третье). Ориентируясь на контексты, в которых слово *гляделки* применяется к глазам, лишенным живого выражения, и звучит уничижительно или пренебрежительно (Глаза землемера, эти жухлые и белесые, безжизненные *гляделки*, вдруг засверкали.— С. Злобин. Пропавшие без вести; Он подошел... он жмет ей руку!... смотрят его *гляделки* в ясные глаза.— Блок. Над озером; В *гляделках*, которые стыд глазами звать,— ни в одном ни искры душевного света.— Лесков. На краю света), составители Словаря синонимов характеризуют слово *гляделки* как уничижительное и пренебрежительное название невыразительных глаз.

Различия в звучании слов в разных контекстах для одного и того же лица (при условии, что каждое словоупотребление воспринимается как естественное, не отступающее от существующих норм) объясняются особенностями этих контекстов.

Влияние контекстных условий на признаки слов обращало на себя внимание многих исследователей. Так, Д. Н. Шмелев отмечает, с одной стороны, позиционно обусловленную нейтрализацию тех или иных элементов значения слов[21], а с другой, индивидуально-контекстное подчеркивание противопоставлений слов по каким-либо признакам.

Отмечается также, что синонимам, различающимся в языке лишь в стилистическом отношении, могут быть приданы путем их явно нарочитого смыслового противопоставления в тех или иных выразительных целях определенные контекстуальные признаки[22].

[21] «Поскольку многие слова отличаются от каких-то других слов только отдельными элементами значения (при общности других элементов), можно предположить, что существуют такие ситуации, в которых эти несовпадающие элементы значения становятся несущественными, а следовательно, данные слова оказываются взаимозаменимыми» (*Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 113).

[22] См.: *Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики).— В кн.: Развитие современного русского языка. М.: Изд.-во АН СССР, 1963, с. 6. Подробно рассматривает это явление Т. Г. Винокур. «Несовпадение предметно-логического и стилистического значения слова,— говорит она,— создает разнообразные возможности экспрессивного исполь-

Следует отметить, что случаи индивидуально-контекстного подчеркивания признаков слов и случаи придания словам контекстуальных признаков на практике нередко смешиваются. Так, пример М. В. Панова на слово *гляделки* (Смотрят его *гляделки* в чистые глаза. А. Блок) не может служить иллюстрацией контекстуальных признаков слова. Слово *гляделки*, как следует из сказанного выше, заключает в себе указание, что называемые этим словом глаза обладают каким-то отрицательным признаком (но без конкретизации, каким именно; конкретизацию вносит контекст).

Примером индивидуально-контекстного усиления признаков слов, а не контекстуально заданных признаков являются и следующие случаи синонимических противопоставлений, отмеченные Т. Г. Винокур: Она не пополнела, а *потолстела*. Я же не пополнел и не *потолстел* (Из писем А. П. Чехова); Вы *колдун*, — сказала Танечка.— Не *колдун*, а волшебник. *Колдуны* старые, а волшебники бывают и молодые,— ответил художник («Неделя»); Они не пили, они *хлестали* эту водку (Из устной речи).

Потолстеть значит ‘чрезмерно, некрасиво пополнеть’, *хлестать* — ‘пить в слишком большом количестве’, *колдун* по ряду показателей, один из которых и подчеркивается в тексте, отличается от *волшебника*.

И напротив, один из приведенных Д. Н. Шмелевым примеров индивидуально-контекстного подчеркивания признаков слов (— Нет, я — *артист*, а не *актер*. Прошу различать. *Актеру* — венки и пошлые рукоплескания, а мне — лишь потрясение души.— А. Толстой. Трагик), как очевидно, мог бы служить иллюстрацией смысловых контекстуальных признаков слов. Слова *артист* и *актер* в наше время различаются не по признакам обозначаемого «предмета», а по его характеристике. *Актер* в отличие от *артист*, отражая взгляд на исполнителия ролей в театральных представлениях с обиходно-бытовых позиций, имеет стилистически сниженный характер [23].

зования языковых единиц разных стилевых пластов в речевой деятельности. Вот только один пример того, что мы называем синонимическими ситуациями, в одной из разновидностей которых под влиянием различия в стилистическом значении слов-синонимов как бы формируется и предметно-логическое различие. Благодаря этому возникают, например, «фигуры противопоставления», каждый раз имеющие свое особое выразительное задание» (*Винокур Т. Г.* Указ. соч., с. 15). Ю. М. Скребнев видит в подобного рода употреблении доказательство того, что «предметное значение и стилистическое сознание... нерасторжимы. Многое из того, что традиционно считается стилистическим (т. е. относящимся к плану коннотаций), фактически представляет собой часть собственно предметного значения и может быть интерпретировано в терминах предметных сем» (*Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 162). Но едва ли стилистическое обыгрывание слов может служить таким доказательством.

[23] Слова *артист* и *актер* сравнительно недавно поменялись ролями: все современные словари еще отмечают разговорную окраску у слова *артист*, характеризуя слово *актер* как нейтральное. Ср. пример обыгрывания этих

Явлением, влияние которого специфично только для стилистической окраски слов, считается иррадиация. Так называется распространение окраски того или иного слова на нейтральные слова текста, в котором оно употреблено. Ю. М. Скребнев справедливо отмечает, что «стилистически маркированное слово «окрашивает» не свое ближайшее окружение, не предшествующие и последующие слова, а только все высказывание, весь его общий итог... Возникает лишь иллюзия приобретения ими стилистических свойств маркированного слова»[24].

Однако условия, влияющие на восприятие слов (придающие слову какой-либо признак, создающие иллюзию признака, подчеркивающие, нейтрализующие, преобразующие объективно присущий слову признак) не ограничиваются отмеченными в лингвистической литературе. Выявить их, установить закономерности их влияния на восприятие слов — одна из задач настоящей главы.

Из разнообразия контекстов того или иного слова прежде всего должны быть выделены те, в которых оно запомнилось. На них каждый получатель речи интуитивно проецирует любой контекст, в котором ему встречается данное слово. Иллюстрацией этого проецирования может служить реплика «Крохобора» в «Литературной газете» от 7 сентября 1977 г.:

«А. Скляренко рассказывает о выдающемся штангисте: „...Он установил столько мировых рекордов, что лишь отъявленные любители спортивной статистики их помнят" (Юность, 1977, № 4, с. 103). Слово *отъявленный* в похвалу еще не произносилось. Говорили: отъявленный негодяй, отъявленный мерзавец, подлец, лентяй... С какой стати введен в эту агрессивную компанию кроткий любитель спортивной статистики, к тому же самый дотошный, самый сведущий? Если в отместку, то по железной логике „ковбойского" юмора: слишком много знал!».

Эффект от такого проецирования зависит от степени отклонения данного контекста от контекстов, в которых слово отпечатлелось в памяти, с одной стороны, и от «количества» в нем информации, соответствующей или противоречащей той, которая заключена в слове.

Для показа этой разницы между контекстами наиболее удачны слова того же типа, что и *отъявленный*, которые отложились в памяти в предельно узких и определенных контекстах — в сочетании с какими-либо другими словами или сочетаниями. Такие контексты, как правило, без труда всплывают в памяти, что позволяет легко определить их особенности, особенности тех контекстов, которые на них проецируются, и соотношение тех и других.

слов в прошлом веке: Школы только подготовляют *артистов* для сцены, а *актером* делают *артиста*: талант, изящный вкус, энергия, практика и хорошие сценические предания (А. Островский. Дополнительная записка о театральных школах).

[24] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 137.

Кроме того, при выявлении закономерностей контекстных влияний большую ценность представляют не те слова, которые практически единообразно воспринимаются коллективом современных носителей литературного языка, а те, соответствующий признак (или признаки) которых для некоторой (но сравнительно небольшой) части языкового коллектива не существует, что находит отражение, в частности, в случаях немотивированного употребления их в необычных условиях.

Конечно, существование относительно широко распространенных конкурирующих представлений о слове создает известные неудобства, так как какая-то часть читателей может оказаться несогласной с наблюдениями и выводами исследователя, может не ощутить отмечаемого им эффекта использования слова. Зато словоупотребление, отражающее эти представления, с одной стороны, дает автору возможность на реальном речевом материале проверить, как звучит слово для него самого в разных (обычных и необычных) условиях, а с другой, послужит убедительной иллюстрацией его заключений для тех, кто разделяет его представления о слове (подчеркиваю: представления господствующие).

По той же причине интерес для анализа представляют и те слова, которые в прошлом не имели исследуемого признака. В этом отношении особенно интересно слово *'зачинщик.* СУ (т. 1, 1934), который, как отмечено, ориентируется в основном на языковое чутье, отмечает это слово в сочетании со словами *мятеж* и *бунт*, а также в тексте с опущенным дополнением: *Зачинщики* были наказаны в первую очередь. СО — словарь с той же ориентацией отмечает его в сочетании со словом *драка.* По представлениям автора настоящей книги, к кругу сочетаний, в которых слово *зачинщик* обычно приходит на память, относится и *зачинщик ссоры.* Бурная история этого слова оставила многочисленные следы такого его употребления, которое на фоне указанных сочетаний кажется более или менее необычным, что и позволяет всесторонне рассмотреть условия, влияющие на восприятие слов получателями речи.

Наблюдение над сочетаниями, в которых выступает слово *зачинщик*, показало, что контексты слов, обладающих тем или иным признаком, как предметным, так и дополнительным, составляют две группы. К первой относятся те, содержание которых соответствует информации, которую заключает в себе слово. Это типические контексты. К ним, в частности, принадлежат контексты, в которых слово отпечатлелось в памяти. Ко второй — те, которые содержат сведения, не соответствующие или даже противоречащие заключенным в слове. Это контексты нетипические, или смещенные.

Типические контексты. а) В сочетаниях со словами *ссора, драка, мятеж, бунт* слово *зачинщик* кажется столь обычным и естественным, что обращает на себя внимание только при специальной установке: Вот он, *зачинщик* всех ссор на ко-

рабле! (Г. Марков. От Тобольска до...); Перед судом трибунала предстал также арестованный вчера *зачинщик* антиправительственного мятежа подполковник Б. Димка (Из газет, 1976).

б) Сочетания слова *зачинщик* со словами *распря, раздор, свара, стычка, смятение, беспорядки* обращают на себя внимание только своей большей или меньшей редкостью. Эти сочетания кажутся хотя и непривычными, но естественными, так как они или синонимичны тому или иному из обычных для слова сочетаний или полностью аналогичны им по характеру обозначаемого: Ты всегдашний *зачинщик* раздоров, смятений и брани (Жуковский. Илиада); В этой распре редактора «Вестника Народной Воли» с Западом первый потеряет очень много, а последний ровно ничего. Впрочем, не господина Тихомирова нужно считать *зачинщиком* этой распри (Плеханов. Наши разногласия); По странной иронии судьбы былой *зачинщик* всех битв и стычек был... признан негодным к военной службе (Нагибин. Зеленая птица с красной головой).

Привычные и непривычные контексты составляют группу контекстов типических.

в) Сочетания слова *зачинщик* со словами *сожжение, убийство*, с одной стороны, и *переписка, разговор, схватка* с кем-либо, *атака* и т. п., с другой, воспринимаются уже не как непривычные, а как необычные. Это связано с тем, что между этими словами и словами *драка, ссора, мятеж, бунт* нет полной аналогии.

Слова *драка, ссора, мятеж, бунт* обозначают ситуации, связанные с действиями, в которых принимает участие не менее двух человек. Действия, обозначаемые словами *сожжение, убийство* и т. п., может совершать и один, и несколько человек. В цитате: Как один из *зачинщиков* (сожжения церкви) старик был сослан в каторжные работы (Достоевский. Записки из мертвого дома) — слово *сожжение* применено к действиям, которые совершались несколькими лицами.

Слова *драка, ссора, мятеж, бунт* обозначают ситуации с точки зрения языкового коллектива отрицательные. *Переписка, разговор, схватка* с кем-либо, *атака* и т. п.— действия и ситуации, которые в одних обстоятельствах могут быть положительными, а в других отрицательными. В цитате: Совет принял решение: категорически запретить переписку между управлениями совнархоза, а *зачинщиков* такой переписки строго наказывать (Из газет, 1957),— слово *переписка* употреблено по отношению к переписке вредной, нежелательной, объективно имеющей отрицательный характер.

При таком применении слов *сожжение, переписка* и т. п. слово *зачинщик* в сочетании с ними оказывается в типических для него условиях. Эту разновидность типических контекстов можно назвать ситуационными контекстами.

Нетипические (сдвинутые, смещенные) контексты. Они могут быть нетипическими как по отношению ко всей за-

ключенной в типическом контексте сумме сведений, так и по отношению к какой-либо определенной информации.

а) К нетипическим контекстам слова *зачинщик* принадлежат сочетания его со словами *литература, повесть, театр.* Они производят впечатление искусственных, чуждых русскому языку. В приведенных ниже цитатах это впечатление несколько приглушено, но только потому, что это цитаты из произведений известных писателей прошлого века: Марлинский был нашим повествователем, был творцом или, лучше сказать, *зачинщиком* русской повести (Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя); Видно было, что он один из главных *зачинщиков* театра (Достоевский. Записки из мертвого дома).

Такое звучание сочетаний *зачинщик театра, зачинщик повести* обусловливается тем, что при проецировании их на сочетания *зачинщик ссоры, мятежа* и др. получатель речи интуитивно ощущает даже не один, а два сдвига. Во-первых, ощущается несоответствие содержания слов *театр, повесть* содержанию слов *драка, ссора, мятеж, бунт* по центральному признаку. Эти последние обозначают ситуации, связанные с определенными действиями, тогда как театр, повесть — явления в сфере общественной жизни. Во-вторых, ощущается несоответствие оценки обществом той повести, того театра, о которых идет речь в приведенных цитатах, значимости того, что обозначают слова *драка, ссора, мятеж, бунт.* Причем основное — первый сдвиг: при устранении второго (ср.: *зачинщик порнографической литературы, зачинщик театра абсурда*) впечатление, что сказано не по-русски, остается, тогда как при условии только второго сдвига (ср. *зачинщик танцев*) сочетания со словом *зачинщик* представляются хотя и странными, но допустимыми, не нарушающими норм литературной речи.

б) Сочетания со словами, которые обозначают действия и ситуации, нейтральные по их оценке обществом, при применении их к положительным действиям и ситуациям, как и сочетания со словами, которые обозначают положительные действия и ситуации, составляют вторую группу нетипических контекстов слова *зачинщик.*

Сочетание слова *зачинщик* с такими словами получатель речи воспринимает как словесную игру (основанную на несоответствии содержания этих слов оценке языковым коллективом *драки, ссоры, мятежа, бунта*) с целью создать шутливо-иронический тон или придать речи экспрессию необычности словоупотребления,— при условии, что в тексте есть какие-то следы того или другого задания: Впоследствии стало известно, что нахальный парень в красной рубахе и есть тот самый отъявленный повеса и сорви-голова Ленька Андреев, первый на все Воробьевы горы *зачинщик* всех веселых предприятий студентов (В. Андреева. Дом на Черной речке). Ср. такое же использование слова *зачинщица*:— Все время гости, интересные встречи. И *зачинщица* всему мама (Кинофильм «Дочки-матери»).

Сочетание слова *зачинщик* со словами указанного типа может также восприниматься как способ выразить субъективное отрицательное отношение отправителя речи к соответствующим действиям или ситуациям (а также к лицу, которое их вызвало),— при условии, что получателю речи известно о таком отношении отправителя речи, или если оно не исключается. Так, употребление слова *зачинщик* в сочетании *зачинщик пения и танцев* можно объяснить тем, что говорящий относится к пению и танцам с предубеждением, с неприязнью.

В употреблении слова *зачинщик* в таких сочетаниях усматривается и способ выразить субъективную точку зрения того, чье восприятие действительности передает отправитель речи: Я говорю правду,— сказал Олег, обращаясь уже к Сереже Тюленину и не сомневаясь в том, что он-то, Сережа Тюленин, и был главным *зачинщиком* этого разговора. (Олег отнесся с подозрением к просьбе помочь установить связь с подпольной организацией.) (Фадеев. Молодая гвардия); Царь пошлет на помощь хозяевам городовых и солдат, чтобы усмирить нас как шайку буянов; пошлет своих шпионов, чтобы они выловили *зачинщиков* среди нас (Листовки московских большевиков..., № 27).

При очевидном отсутствии указанных заданий сочетания данного типа в речи персонажей (а также в «осколках» ее в авторской речи) и в сказе воспринимаются как сигнал задания указать принадлежность персонажа или рассказчика (в авторском повествовании — автора — рассказчика или лица, чье восприятие действительности он отображает), во всяком случае по происхождению, к тем группам населения, которые не являются носителями литературного языка: У всех поколений в молодости находились свои весельчаки, вот такие же, как этот парень-заводила. И не он ли — Фишка Теченин, в далекие годы был неустанным *зачинщиком* веселья на всех деревенских игрищах? (Г. Марков. Строговы).

В таких случаях слово *зачинщик* оказывается в нетипических контекстах по оценочным признакам, но в типических по признаку социальной характеристики говорящих.

Употребление, мотивированность которого не представляется очевидной, воспринимается как нарушение норм современного русского литературного языка, как проявление особенностей просторечного словоупотребления: Он был *зачинщиком* переписки между пятигорскими ребятами и пионерами одной из школ города Герлица в ГДР (Из газет, 1963); Вот такая горячая схватка (автор расценивает ее как эпизод борьбы за коммунизм) произошла между двумя десятками людей в Виннице и окончилась для ее *зачинщика*, Людмилы Захаровны Касьяновой, поражением (Из газет, 1962).

в) Будучи однородными по отмеченным выше показателям, *драка, ссора, мятеж, бунт, беспорядки* не однородны по их месту в жизни общества. *Драка, ссора* — ситуации обиходно-быто-

вые, *мятеж, бунт, беспорядки* — принадлежат к сфере общественной жизни, имеют общественную значимость. В результате — сочетания *зачинщик шалости, возни* и т. п. проецируется на сочетания *зачинщик мятежа, бунта, беспорядков*, а сочетания слова *зачинщик* со словами *война, резня, преступление* — на сочетания *зачинщик драки, ссоры*. И в том, и в другом случае возникает ощущение сдвига, использования слова в необычных условиях.

Употребление слова *зачинщик* в сочетании со словами *шалость, возня* и т. п. может восприниматься как мотивированное (если текст содержит подтверждения соответствующей мотивировки или, по крайней мере, не исключает ее) субъективным отношением говорящего к тому, что обозначают эти слова, как к общественно значимому: Ребята подняли в классе возню. *Зачинщиком* опять был Петров. Употребление слова *зачинщик* со словами *война, резня, преступление* и т. п.— субъективным взглядом отправителя речи (или лица, чье восприятие действительности он отражает) на обозначаемые ими явления с позиций обиходно-бытовых: Не был он ни *зачинщиком*, ни верховодом и во всех остальных преступлениях (Я. С. Киселев. Судебные речи). Здесь на возможность указанной мотивировки «намекает» разговорное слово *верховод*.

В следующих цитатах сдвиг не представляется мотивированным и потому воспринимается как отклонение, хотя и не слишком резкое, от современных норм словоупотребления: Будучи в лицее, он был *зачинщиком* всякого рода шалостей, устраиваемых учениками отцам иезуитам (А. Крылов. Мои воспоминания); И в самой Америке простые люди, вопреки усиленно раздуваемой военной истерии, также начинают понимать, что если бы *зачинщикам* войны удалось спровоцировать новую бойню, то война принесла бы им, простым людям, смерть на заокеанских полях сражений (Большевик, 1950, № 2, передовая).

Итак, следует различать, с одной стороны, типические привычные контексты, в которых слово отпечатлелось в памяти, а с другой — типические непривычные, типические ситуационные и нетипические (смещенные), разница между которыми основывается на разном соотношении между отраженными в них неязыковыми обстоятельствами и неязыковыми обстоятельствами, отраженными в типических привычных контекстах.

Все эти контексты в свою очередь делятся на полные и избыточные. Это деление основано на различиях в «количестве» той информации, которая позволяет квалифицировать контекст как типический или смещенный. Сведения о признаках обозначаемого предмета или о сфере общения, говорящем и т. д. могут передаваться не только описательно или прямым называнием, но и вводом в текст языковых средств, заключающих в себе эти сведения. Следует отметить, что разница между отмеченными способами выражения информации, исключительно важная с точки зрения стилистической, с точки зрения типов контекстов и их

влияния на проявление признаков слов не является существенной.

Полный контекст содержит в себе только сведения, необходимые и достаточные для того, чтобы получатель речи воспринимал его определенным образом: как привычный, непривычный, ситуационный или смещенный.

Полным привычным контекстом для слова *зачинщик* будет такой, например: *Зачинщиком* драки оказался Петров из 5-го «б», полным непривычным: *Зачинщиком* свары оказался Петров из патентного отдела. В первой из этих фраз названы — и только — неязыковые обстоятельства, с которыми ассоциируется слово *зачинщик*; во второй — неязыковые обстоятельства, которые, по понятиям получателя речи, полностью аналогичны отраженным в первой фразе.

Полные ситуационные контексты включают в себя какое-либо указание, что названные в них нейтральные обстоятельства в данной конкретной ситуации оказываются аналогичными типическим привычным.

Образцом полного ситуационного контекста может служить такой, например: Кто же был *зачинщиком* ночного пения под окнами больницы? Здесь указана ситуация, делающая нейтральное в оценочном отношении действие — пение таким же отрицательным, как драка, ссора и т. п. Полный ситуационный контекст представляет собой и ранее приведенная цитата на сочетание *зачинщик переписки* (между управлениями совнархоза): она содержит указание (его дают слова *запретить* и *наказывать*), что речь идет о переписке нежелательной, вредной.

Для восприятия контекста как полного смещенного достаточно указания неязыковых обстоятельств, не соответствующих или противоречащих привычным. Примером полного нетипического контекста может служить: Курить, видите ли, запрещается! Попался бы мне этот *зачинщик* борьбы против курения! Здесь ясна мотивировка сдвига — это субъективное отрицательное отношение говорящего к борьбе с курением. Ср. интервью с передовой ткачихой: — Кто был *зачинщицей* социалистического соревнования на фабрике? — *Зачинщицей* социалистического соревнования была ткачиха Куваева (Радио, 1977). Здесь, во всяком случае в ответе, сдвиг ничем не оправдан.

Избыточный текст содержит в себе дублирующую информацию[25]. Такова фраза: Опять во время перемены дрались Иванов, Петров и Сидоров из 5-го «б». И опять *зачинщиком* был Петров. Я считаю, что его нужно строго наказать. Все, что и без того известно из факта драки, в этой фразе выражено и другим способом. То, что имела место некая ситуация, связанная с определенными действиями, указывается глаголом *драться*; участие в этих

[25] Разумеется, избыточность информации, определяющей характер восприятия контекста, не означает ее ненужности. Эта информация может оказаться как раз наиболее важной, составляющей достоинства произведения.

действиях нескольких лиц — перечислением фамилий; характеристика действий как отрицательных — словами *строго наказать*.

Особняком стоят неполные, или «немые», контексты. Неполный контекст не содержит в себе сведений, необходимых для восприятия его как типического (привычного, непривычного, ситуационного) или нетипического. Такими контекстами являются обрывки случайно подслушанных разговоров, вырванные из незнакомого произведения цитаты, недоконченные фразы и т. п.

Неполным контекстом на слово *зачинщик* является, например, такая фраза: Ну что же, нашли *зачинщика*? Соответствующие неязыковые обстоятельства не нашли в ней отражения, получатель речи не может отнести ее ни к типическим, ни к нетипическим. Фраза: *Зачинщиком* переписки был Петров из патентного отдела также принадлежит к неполным контекстам слова *зачинщик*, так как в ней не указано, о какой именно переписке идет речь, почему в связи с этой перепиской употреблено слово *зачинщик*.

Границы контекста следует рассматривать применительно к отдельным получателям речи. Контекст — это все то «окружение», отражающее неязыковую действительность, в котором слово предстает перед данным получателем речи. Естественно, что границы контекста оказываются не для всех читателей или слушателей одинаковыми. Если кто-либо встречает слово в фразе из незнакомого произведения, пределы контекста ограничены для него этой фразой. Если же произведение читателю или слушателю известно, контекст, а следовательно, основания, по которым читатель или слушатель судит о характере этого контекста, о его соответствии или несоответствии привычным контекстам, о мотивированности или немотивированности этого несоответствия, расширяется.

Так, для того, кто не читал роман М. Горького «Мать», цитата с опущенным дополнением к слову *зачинщик* демонстрирует собой пример неполного контекста, в котором соответствующая неязыковая действительность не нашла достаточного отражения: Вот перед ними стоит жандарм и говорит басом: — Павла Власова называли главным *зачинщиком* все. Но тот, кто знает, с одной стороны, кто такой Павел Власов и в чем он принимал участие, а с другой, кто такой жандарм и как он должен относиться к рабочей демонстрации (очевидно, что с его точки зрения — это бунт, беспорядки) воспринимает данное употребление слова *зачинщик* как типическое.

Другой пример. Если судить только по цитатам, взятым из собственно авторского повествования автобиографической повести народного художника РСФСР Н. Кузьмина «Круг царя Соломона» (Было решено, что дядя Вася переберется в сад немедленно. Я *поохотился* жить вместе с ним, как только кончатся занятия в школе; Мы выехали, когда уже *ободняло*; А *по* осени вся родня провожала дядю Васю на станцию) можно прийти к заключению, что перед нами примеры немотивированного употребления в не-

типических условиях слов, которые воспринимаются как особенность речи лиц, не принадлежащих к числу носителей литературного языка, не владеющих его нормами. Для тех же, кто знаком с названной повестью, отмеченные слова выполняют две функции. Во-первых, они создают образ автора-повествователя, тесно связанного своим происхождением с носителями определенного диалекта или определенной социальной группы, среды, и служат как бы подтверждением тех сведений, которые сообщил о себе (устами своей матери) автор: «у Насильниковых я шесть лет училась и уже в мастерицах была, когда мы с Васей познакомились. Он у портного Гузикова тоже мастером работал. Его родители крепостные, такие же вроде нас безземельные крестьяне... Мы повенчались и переехали в Сердобск». С другой стороны, они воспринимаются как предмет изображения, как проявления того быта, который описывается в произведении.

Неязыковые обстоятельства, от которых зависит тип контекста, могут быть отражены прямо и косвенно. Так, обстоятельства, определяющие собой типический или нетипический характер контекстов слова *зачинщик*, прямо сообщаются сочетающимися с ним существительными в родительном падеже. Причем пример этого слова говорит, что характеристика такого рода неязыковых обстоятельств говорящим не обязательна, достаточно лишь их наименования (*распря, война, веселье, социалистическое соревнование*): оценку им даст, руководствуясь своим жизненным опытом, сам получатель речи.

Если речь идет о слове, выражающем презрительное или пренебрежительное отношение к обозначаемому, прямым отражением соответствующих обстоятельств (эмоционального отношения говорящего), определяющим восприятие контекста как типического или нетипического, в письменной речи будут замечания типа «сказал (посмотрел и т. п.) презрительно (или, напротив, с восхищением)»: Это что за *сборище*?— С высоты коня Эдвард Могельницкий окинул презрительным взглядом столпившихся на площади (Н. Островский. Рожденные бурей).

Косвенным в устном общении является интонация, мимика, жесты, а в письменном — описание интонации, мимики, жестов говорящего, обычно сопровождающих выражение того или иного эмоционального отношения. Например: Молокосос,— процедил сквозь зубы или: Глаза его сузились, губы искривились.— Молокосос,— сказал он. Косвенным свидетельством употребления эмоционально-оценочных слов в типических или, напротив, в нетипических условиях, может служить даже имя говорящего, если получателю речи заведомо известно, как тот относится к соответствующему лицу, предмету, действию.

Если слово заключает в себе указание социальной принадлежности отправителя речи, то прямым свидетельством употребления его в типических или нетипических условиях будет социальная характеристика данного лица. Косвенным при устном общении — внешний облик, манера поведения и т. п. говорящего, а в пись-

менной — описание его внешнего облика, поведения. Так, слыша на улице, в трамвае, в очереди от совершенно незнакомой женщины фразу: Я *вчерась* яблоки купила очень дешево, получатель речи соотнесет употребление ею просторечного слова *вчерась* с ее внешним обликом и на основании своих наблюдений сделает заключение, чем оно вызвано, т. е. определит, в типическом или нетипическом контексте употреблено это слово.

Прямо выраженная информация о неязыковых обстоятельствах, конечно, более определенна и категорична, чем выраженная косвенно.

Итак, пределы контекста того или иного слова не ограничены тем речевым отрезком, в котором оно встретилось получателю речи. Контекст включает в себя все, что позволяет данному получателю речи судить о признаках предмета, отношении к нему говорящего, обстоятельствах общения и т. д. Компонентом контекста являются не только словесно выраженные сведения, но и мимика, жесты, внешность, поведение и т. п. того или иного отправителя речи [26].

Перейдем теперь к влиянию рассмотренных контекстных условий на проявление информации, которую несет в себе слово для данного получателя речи.

В полные типические контексты слово вносит сведения, которые в этих контекстах и без того содержатся. Поэтому признаки слова выявляются в этих контекстах слабо, приглушенно, особенно в привычных типических контекстах. Именно этим нейтрализующим влиянием типических условий употребления и объясняется то, что в приведенном отрывке из повести Вл. Мирнева «Мать» многочисленные разговорно окрашенные слова и словосочетания почти не ощущаются, а текст воспринимается как стилистически нейтральный. (Это, однако, не значит, что при замене их нейтральными словами стилистическое впечатление от текста не изменится: он приобретет книжное звучание.) Судить на основании таких контекстов о заключенной в слове информации затруднительно, потому что остается неясным, каким способом внесена в них соответствующая информация. Так, определить на основании текстов типа *Зачинщиком* драки (ссоры, свары, мятежа и т. п.) был Петров, какие признаки, общие драке, ссоре и т. п. переняло из таких контекстов слово *зачинщик*, представляется невозможным.

В полных ситуационных контекстах те или иные сведения о неязыковой действительности звучат с большей силой и опреде-

---

[26] Контекст в данном понимании не совпадает с понятием конституации. Ср., например, понимание конституации Е. А. Земской: «Конституацией мы называем непосредственную обстановку, в которой происходит общение. Термин конституация, употребляемый довольно широко, построен по аналогии с термином контекст, где кон — обозначает то же, что русская приставка со-, —'совместность'» (*Земская Е. А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта.— В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М.: Наука, 1978, с. 201).

ленностью, чем в привычных и непривычных типических контекстах. Ср., например, полный привычный и полный ситуационный контексты на слово *зачинщик* с точки зрения отрицательной оценочности: *Зачинщиком* драки оказался Петров — *Зачинщиком* ночного пения под окном больницы оказался Петров.— Осудительность, отрицательное отношение к лицу, вызвавшему или начавшему соответствующие действия, во втором тексте ощущается яснее.

Ср. также полный привычный и полный ситуационный контексты слова *зачинщик* с точки зрения сведений о количестве участников: *Зачинщиком* драки оказался Петров.— Двоих поймали, а *зачинщика* убийства еще не нашли.

Но и по полным ситуационным контекстам нельзя судить, является ли источником данной информации только описание конкретной ситуации или также и слово *зачинщик*.

Признаки слова отчетливо обнаруживают себя при сдвигах в нетипических контекстах: сведения, которые вносят в такие контексты слово, оказываются не в соответствии или даже в противоречии с отраженной в них неязыковой действительностью, и контраст подчеркивает, усиливает то, что сообщено словом.

Особенно отчетливо признаки слова выявляются при немотивированных сдвигах, вызванных или оговоркой, или тем, что для отправителя речи слово не несет в себе соответствующей информации. Ср. немотивированный сдвиг относительно отрицательной оценки тех действий, о которых сообщают привычные контексты слова *зачинщик*: *Зачинщиком социалистического соревнования на фабрике был бригадир Петров* и сдвиг, мотивированный субъективным мнением говорящего о борьбе против курения. В первом случае оценочные свойства слова *зачинщик* обнаруживают себя с большей очевидностью, чем во втором.

Впечатление от сдвига оказывается, напротив, слабее, если получателю речи известно, что данное словоупотребление принадлежит прошлому. Имеет значение также отношение получателя речи к ее отправителю: авторитет известного писателя, общественного деятеля и т. д. «освящает» необычное употребление слова, особенно если текст имеет стихотворную форму.

Очевидно, среди современных носителей русского литературного языка мало найдется тех, кому покажутся обычными, естественными слова *жалеть* и *пожалеть* без отрицания в сочетании с существительными в родительном падеже при употреблении их в значении ‘щадить (пощадить), стараться (постараться) не причинить кому-, чему-л. вреда’ в таких «анонимных» фразах: *Пожалей* моего плеча, не заставляй меня тащить этот короб; Он *жалеет* старых глаз своей бабушки: сам штопает носки. Но ср.: *Пожалей,* моя зазнобушка, Молодецкого плеча (Некрасов. Коробейники); Чуду царь Салтан дивится — А царевич хоть и злится, Но *жалеет* он очей Старой бабушки своей (Пушкин. Сказка о царе Салтане); Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, а я не поехал, *жалея* своих усов, которые только лишь ощетини-

лись (Пушкин. Письмо жене от 2 сентября 1833 г.). В этих цитатах слова *жалеть* и *пожалеть* кажутся если и не вполне обычными, то допустимыми. Они останавливают на себе внимание только уж очень дотошных читателей (приведенные цитаты взяты из заметки — ответа Н. Н. Ивановой на вопрос одного из таких читателей — см. «Русская речь», 1978, № 5).

Следует отметить, что признаки слов выявляют не только сдвиги относительно контекстов, в которых слово запомнилось, и признаков, которые оно под влиянием этих контекстов приобрело, но и сдвиги экстралингвистического характера. Примером может служить слово *бабка* в значении ‘мать отца или матери’ и в значении ‘старая женщина’.

Типическими для этого слова являются контексты, в которых оно употребляется с целью (или в которых усматривается цель) оскорбить кого-то или выразиться о ком-то оскорбительно, резко неуважительно. Причем нередко употребляют без всякого раздражения и злости, просто потому, что не видят ничего плохого в неуважительном отношении к старикам и вообще в грубости: — Посторонись, *бабка*, дай приземлиться человеку,— пробасил молодой бородач и мигом завладел столиком (Из газет, 1974).

Такое употребление слова *бабка* маркированно, но было бы ошибкой считать, что это маркированность социальная: оно определенным образом характеризует внутренний облик и культурный уровень говорящего, но не указывает, что говорящий не принадлежит к носителям литературного языка, что он не владеет его нормами.

Нетипическими для слова *бабка* контекстами являются те, в которых оно употребляется в шутливо-иронических целях (обычно во втором значении —о себе): Что вы — не без кокетства возразила Тамара Николаевна.— Царицы Тамары уже не существует. Осталась *бабка* Тамара. Старость не радость (Из газет, 1976); контексты, где оно служит цели замаскировать внешней грубостью истинные чувства любви и уважения (главным образом, в первом значении — по отношению к своей бабушке): Я даже не подозревал, что так люблю *бабку* (Внук о бабушке, считая ее умершей; Кинофильм «Ночной звонок»); контексты, отражающие восприятие этого слова как не имеющего оскорбительного характера.

Однако сила проявления грубости и оскорбительности слова *бабка* не связана с делением его контекстов на типические и нетипические: в типических условиях оно, как показывают приведенные примеры, может звучать оскорбительнее, чем в нетипических. Грубость и оскорбительность его тем ощутимее, чем резче данное словоупотребление противоречит требованиям уважительного отношения к старым людям. Поэтому имеет значение, во-первых, употреблено ли оно в личном общении или за глаза: заглазное употребление звучит несравненно мягче. Во-вторых, существенно, спровоцировано или не спровоцировано его употребление поведением соответствующего лица: при употреблении под

влиянием возмущения или осуждения грубость и оскорбительность слова *бабка* смягчается.

Ср. неспровоцированное употребление слова *бабка* в 1-м значении ‘за глаза’: Вот те на — и *бабка* заревела! — с удивлением отметил он про себя (А. Яшин. Сирота), неспровоцированное употребление, обращенное к названному лицу: Павел почувствовал себя маленьким и беззащитным.— Баушка! — Сиди, Пашута, не бойся. Вот я еще... А половики и полушубки опять сомкнулись. И Павел, теряя силы, исходил пóтом не столько от жары, сколько от страха.— *Бабка*! (Бабушка лечит внука от простуды; Там же), употребление, обращенное к лицу, поведение которого не одобряется говорящим: А внуки бранят ее, насмехаются: — Ты что, *бабка*, совсем из ума выжила? Откармливает воробья, а к чему? (Восточная сказка).

Ср. «заглазное» и обращенное к соответствующему лицу спровоцированное употребление слова *бабка* во 2-м значении: Я пришла к назначенному сроку, а в автобусе уже сидят какие-то *бабки* (Устная речь, 1976); Ну куда ты лезешь, *бабка*! Попадешь под колеса, а шофер за тебя отвечай! (Устная речь, 1976). Наиболее оскорбительно неспровоцированное употребление, обращенное к названному *бабкой* лицу или допущенное в его присутствии: Софья Анатольевна... вдруг решительно пододвинула к нему свою рюмку: — А ну-ка, налей!.. — Вот это да! — восхитился ушастый.— Во *бабка* дает! И едва успел он закончить, как пухлая рука Софьи Анатольевны взлетела над столом, и она влепила парню такую звонкую оплеуху, что в кафе сразу же установилась тишина.— Какая я тебе *бабка*, сопляк! (И. Герасимов. Пуск).

В избыточных контекстах создается впечатление особой силы проявления заключенной в слове информации, а в нетипических избыточных усиливается комический эффект, вызванный отсутствием мотивировки сдвига, или стилистический тон, который возникает при той или иной мотивировке. Однако этот эффект интенсивности проявления признаков слова создается избыточностью информации. В текстах, где то или иное эмоциональное отношение к чему-либо выражено несколькими способами, даже безусловно нейтральное в эмоциональном отношении слово может звучать как эмоционально окрашенное. Ср., например, звучание слова *гидростанция*: — *Гидростанция*! — презрительно скривил губы парень.— Двадцать пять киловатт! Это разве мощность?! (Николаева. Жатва). Иллюзия окраски презрения у слова *гидростанция* создается, с одной стороны, прямым указанием признаков названного этим словом «предмета» (мощность — 25 киловатт), а с другой — обилием в тексте средств, которые передают презрительное отношение говорящего к маломощной гидростанции: это и наречие *презрительно*, и глагол *скривить* (губы), означающий ‘сделать кривым, изогнутым (губы) в знак презрения, недовольства’, и оборот *разве это*, в форме вопроса выражающий эмоционально окрашенное утверждение о плохих

качествах чего-либо, и графические средства (сочетание вопросительного и восклицательного знаков).

Эти примеры говорят о том, что иррадиация — распространение окраски слова на другие слова текста — один из частных случаев влияния избыточной информации на восприятие слов. Чем больше в тексте слов одной тональности, тем ярче общая его окраска, и тем сильнее иллюзия интенсивности окраски каждого из этих слов и окрашенности слов нейтральных.

В своем истинном виде — как по характеру, так и по интенсивности — признаки слова предстают в неполных контекстах, в которых соответствующие сведения не нашли отражения. Такие контексты не помогают, но и не мешают раскрытию сложившихся в сознании получателя речи представлений о слове. Все, что мы узнаем из них о предмете речи, об отношении к нему говорящего или о речевой ситуации, сообщает нам само данное слово.

Так, если полный типический текст *Зачинщиком* драки оказался Петров не давал возможности судить о том, какие сведения внесены в него словом *зачинщик*, то текст Ну, а кто был *зачинщиком*? не оставляет сомнений: источником наших знаний о том, что речь идет о человеке, начавшем или вызвавшем какие-то (хотя и неизвестно, какие именно) отрицательные действия, в которых участвовало не менее двух человек, является именно слово *зачинщик*. Это становится еще более очевидным, если слово *зачинщик* заменить близким ему по смыслу *инициатор*: Ну, а кто же был *инициатором*? Отрицательная оценка каких-то не названных действий при этой замене не только исчезает, но и преобразуется в положительную.

3. Условием, способствующим выявлению любых элементов содержания слова, является сопоставление его со словом или словами, находящимися с ним в отношении оппозиции по данному признаку при тождестве других признаков. Д. Н. Шмелев в связи с этим отмечает: «Сравнительно легко в результате подобного «соизмерения» могут быть выделены те наиболее общие элементы семантики слов, которые квалифицируются как их «грамматические значения». Сложнее обстоит дело с определением стилистических и экспрессивно-оценочных элементов содержания слов, хотя теоретически они также могут быть подведены под некоторые обобщенные формулы, основанные на многомерном (по терминологии Трубецкого) характере соответствующих противопоставлений (оппозиции). Но основная трудность изучения лексического состава языка, как хорошо известно,— как раз в анализе (получившегося в результате выделения грамматических и экспрессивно-стилистических элементов) «остатка», который и составляет индивидуальное, собственно лексическое, как его обычно понимают, значение слова»[27].

Нет необходимости спорить с Д. Н. Шмелевым о том, какие признаки слов выявляются легче, а какие труднее. Важнее спе-

[27] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 13.

цифика трудностей. Трудность определения функционально-стилистических и эмоционально-оценочных признаков слов путем их сопоставления с синонимами, не имеющими окраски соответствующего типа или имеющими полярную по своему характеру окраску, в том, что такое сопоставление усиливает стилистическое впечатление от слова, но не проясняет, какой информацией это впечатление обусловлено. Так, и в словах *морковка*, *картошка*, и в словах *мама*, *папа* ощущается окраска, которую принято характеризовать как разговорную или стилистически сниженную. Но берем ли мы каждое из этих слов отдельно, или сравнением *морковка* с *морковь*, *картошка* с *картофель*, *мама* с *мать*, *папа* с *отец*, определить, с одинаковой или с разной информацией связана их разговорность, затруднительно.

Сопоставление слов, противопоставленных по наличию—отсутствию окраски или по ее характеру, усиливает их стилистическое звучание и в том случае, когда они берутся в контексте.

Ср., например: [Лопахин:] Если бы отец мой и *дед* встали из гробов и посмотрели на все происшедшее, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекраснее которого нет ничего на свете! (Чехов. Вишневый сад),— и: Если бы отец мой и *дедушка* встали из гробов и посмотрели на все происшедшее...

Торжественная, приподнятая эмоциональность текста из «Вишневого сада» на фоне экспериментального текста звучит еще сильнее. И напротив, при сравнении экспериментального текста с текстом Чехова становится еще очевидней присущая ему атмосфера домашности, доверительности, интимности по отношению к адресату речи. Она еще более усилится, если и слово *отец* заменить на *папа*.

Однако сравнение текстов со словами, противопоставленными по признаку окраски, само по себе не проясняет, какого рода стилистическую информацию несут в себе исследуемые лексические единицы. Все зависит от текста: он может и помочь этой информации проявиться, и затемнить, и даже исказить ее. Так, было бы неверно на основании сопоставления слов *дед* и *дедушка* в приведенных выше текстах делать заключение, что слово *дед* имеет торжественную окраску.

Факторы, от которых зависит осознание получателем речи признаков слова, были выявлены в результате самоанализа. Останавливаться на внешних проявлениях языковых представлений получателей речи не позволяет размер данной книги. Отмечу лишь, что чаще всего они имеют разного рода невербализованную форму, реже — форму высказываний, в которых так или иначе представлен признак слова: Следующий вопрос: почему господа парламентарии молчат о массовом нарушении прав в их стране? И снова тот же ответ: а вот у вас был суд над антисоветчиками. Мы — про Фому, они — про Ерему. Хорошенький «*диалог*», нечего сказать! (Из газет, 1978), еще реже форму характе-

ристик признаков слов [28]. Причем характеристики, точно и тонко (впрочем, иногда, как кажется, не без помощи существующих словарей) раскрывающие особенности слов, встречаются нечасто: Самый дорогой для меня человек — моя *мама*, Елена Казимировна. Хоть я сам давно уже не юноша (мне 46 лет), отец пятерых детей, но нет никого для меня дороже *мамы*. Даже вот не могу написать «*мать*», кажется: грубовато, не выразит это слово в достаточной мере моего отношения, моей любви к ней (Неделя, 1977, № 32). Ср. также мотивировку решения «Литературной газеты» изменить название рубрики «Заметки Крохобора» на «Заметки Буквоеда»: Конечно, *буквоеда* могут упрекнуть за копание в мелочах в ущерб общему смыслу, но ведь наш Буквоед как раз и отстаивает важность мелочей. «Шуточное прозвище педантических филологов», — так объясняет значение слова В. Даль. Так его понимаем и мы. Итак — Крохобор становится Буквоедом (Лит. газета, 1978, 15 февр.).

Чаще характеристики слов и словоупотреблений отличаются неопределенностью и не раскрывают, какой же признак видит у слова их автор. Ср.: Смело пошел ввысь сияющий огнистый шар (солнце), раскалился и начал в синеве неба вовсю по-мартовски... *наяривать*. Словечко это может показаться здесь несколько вольным (Из газет, 1978); Весело бренчала гитара, гремел магнитофон. В какой-то момент хозяин дома достал бутылку вина: — Отметим. По глоточку можно. «*Инициатива*», которой лучше бы не было (Из газет, 1978).

Иногда же такие характеристики отражают языковые представления данного лица искаженно: Но профессор Костнек, занятый, выражаясь канцелярским языком, *личными делами*, просто не обратил внимания на еще одного кандидата на операционный стол (Ю. Щербак. Барьер несовместимости). Мало вероятно, чтобы слово *личный* в значении «принадлежащий какому-либо лицу», хотя бы и в сочетании со словом *дело*, отпечаталось в сознании автора цитаты как элемент канцелярского языка. Видимо, интуитивно ощущая отличие слова *личный* от слова *свой* (*личный* подчеркивает, что предмет, обозначенный сочетающимся с ним словом, имеет значение не для общества, а только для данного лица), он неправильно квалифицировал свои ощущения.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И УСЛОВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТПРАВИТЕЛЕЙ РЕЧИ

Степень осознания отправителем речи своих представлений о признаках слова зависит и от «языковой компетенции» данного лица (вернее, его языковой чуткости, языковой тонкости), и от того, лежит ли соответствующий признак слова на поверхности

[28] Вопрос о речевых стилистических оценках рассматривает Б. С. Шварцкопф (см. *Шварцкопф Б. С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970)

или в глубине сознания, и от того, в типических или нетипических условиях и с какой целью это слово употребляют. Причем осознание признака может явиться и причиной, и результатом употребления слова в определенных контекстах.

Типические условия употребления слов. В типических контекстах, особенно в обиходно-бытовой речи, отправитель речи употребляет слово чаще всего в силу привычки и не задается вопросом, почему он его употребил или, напротив, не употребил, и каковы, собственно, особенности самого слова. Выбор в таких случаях если и имеет место, то чисто автоматически. Так же автоматически, без осознания признаков слова, употребляется лексика, закрепленная за теми или иными жестко регламентированными жанрами письменности [29].

Но в типических условиях слово может быть употреблено и в результате осознанного выбора. Слова, указывающие какой-либо признак обозначаемого предмета или условия своего употребления в речи, в типических контекстах отнюдь не обязательны. Отправитель речи может заменить их словом или выражением, не содержащим в себе данного признака,— языковым или контекстуальным синонимом, или же выразить нужный смысл описательно. Например, сказать не *пеструшка*, а *курица*, не *выскочил* из комнаты, а *выбежал* из комнаты, не *затем*, а *после того*, не *шествовать*, а *важно идти*, не *воин*, а *солдат*, *офицер* и т. д. Исключение, как уже отмечено, составляют только некоторые жанры деловой речи.

Понимая эту необязательность, говорящий или пишущий может остановить свой выбор именно на слове, которое обладает, по его представлениям, той или иной смысловой или стилистической особенностью. Тем самым уже имеющиеся в тексте сведения о предмете, к которому применяется слово, или об обстоятельствах речи, в которых оно применяется, подчеркиваются, получают дополнительное подтверждение. Естественно, что в подобного рода случаях языковые представления осознаются говорящими или пишущими отчетливее, чем при употреблении по привычке или в соответствии со стандартом.

Нетипические условия употребления слов. Отправители речи, в чьем сознании слово существует с тем или иным признаком (независимо от того, предметный ли это или дополнительный признак), употребляют его в смещенных относительно данного признака контекстах, как правило, только с какой-то специальной целью, в расчете на какой-то особый стилистический эффект. Естественно, что степень осознанности признака при таком словоупотреблении очень высокая.

---

[29] О жесткости языковых стандартов некоторых жанров деловой речи свидетельствует эпизод, рассказанный женщиной-судьей: «Нельзя в приговоре ничего изменять, букву даже переменять. Мне вынесли частное определение за то, что я написала «работает *в качестве*» вместо «в должности» (Устная речь, 1978).

Показать, как в разного рода мотивированных сдвигах и обыгрываниях слов раскрывается факт существования в сознании отправителя речи того или иного их признака, можно на примере слова *диалог* как синонима слов *разговор* и *беседа*.

Интерес к этому слову определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, слово *диалог* принадлежит к разряду слов, признаки которых имеют устойчивый характер и существуют в сознании подавляющего большинства современных носителей русского литературного языка. Следовательно, нет основания опасаться, что впечатление преднамеренности, запланированности того или иного сдвига ложно, что подавателю речи приписывается задание, которого он не мог преследовать, потому что соответствующий признак для него не существует. Во-вторых, смещенное употребление слова *диалог* получило сейчас очень широкое распространение. Обыгрываются разными способами и с разными целями как предметные, так и непредметные (дополнительные) сведения, которые оно в себе заключает. Причем из глубины сознания говорящими и пишущими извлекаются такие его нюансы, которые оставались скрытыми не только для рядовых носителей литературного языка, но и для специалистов — лексикографов и лексикологов. И наконец, смещенное употребление слова *диалог* дает материал для суждений о различиях между стилистической и семантической информацией.

а) Слово *диалог*, как известно, обозначает обмен мнениями, сведениями. Это «ядро» его признаков обыгрывается метафорически. Так, в пьесе А. и П. Тур «Чрезвычайный посол» слово *диалог* применено к торговым отношениям (между государствами): [Кольцова:] Кроме того, почему бы нашим странам не начать взаимовыгодный торговый *диалог*? В научно-популярной речи распространены переносы этого слова на «отношения» человека с неживыми предметами: Прикасаясь сегодня к предметам старины, мы ведем *диалог* с историей (документальный фильм «Диалог с историей»); Ныне наступила эра *диалога* ученых с машиной. Спрашивает человек, отвечает машина (документальный фильм «Диалог продолжается»; Между тем, если вступить в *диалог* с еще «живым» кристаллом — умело задать ему вопросы, то можно получить в ответ такие сведения, которые ускользают в ином случае, теряясь среди цифр и кривых (Вокруг света, 1977, № 5).

б) Представления о диалоге как обмене мнениями, сведениями между людьми обыгрываются применением слова *диалог* к обмену мнениями, сведениями между государствами, партиями и т. д. Например: Участники сессии высказались за продолжение *диалога* с развивающимися странами (Радио, 24 июня 1976); ...провести выборы в обстановке широкого *диалога* между разными партиями (телепрограмма «Время», 18 мая 1976); *Диалог* и сотрудничество — необходимые аспекты международных отношений (За рубежом, 1976, № 22) и т. д.

в) В приведенных ниже примерах обыгрываются представления, что непременным условием диалога является устная или эквивалентная устной (например, с помощью мимики и жестов) форма общения: в первом в письменной форме высказывается одна, во втором обе из общающихся сторон.

Как хорошо, когда твое выступление превращается в *диалог* с широким кругом радиослушателей (Радио, 22 июля 1976); Труппа не мыслит своего существования без прямого *диалога* со зрителем. Уже разосланы письма в крупнейшие коллективы с просьбой высказать замечания и предложения по поводу репертуара (Известия, 1976, 30 янв.).

г) В «Неделе» № 17 за 1974 г. помещена заметка под заголовком «*Диалог* через Альпы». Это же сочетание встречается и в самой заметке: Я решил поинтересоваться творческими планами актрисы (итальянки Клаудиа Кардинале), тем более что сохранил номер телефона ее загородной виллы... Наш *диалог* через Альпы состоялся 13 апреля.

Очевидно, что соседство в одной фразе слов *Альпы* и *диалог* несет не смысловую, а стилистическую нагрузку. Парадоксальность ситуации — люди разговаривают, находясь за тысячи километров друг от друга,— способствовала тому, что в сознании журналиста всплыл тонкий и отнюдь не самоочевидный нюанс слова *диалог*, который он и обыграл: слово указывает, что говорящие находятся близко друг от друга. Этот нюанс сформировался благодаря условиям, в которых в свое время неизбежно протекала устная речь.

д) В современном русском литературном языке слово *диалог* указывает, что в обмене мнениями, сведениями и т. п. принимают участие всего лишь два человека.

Заголовок статьи народного художника РСФСР Н. Кузьмина «Третье лицо в диалоге» (Неделя, 1974, № 9) создает впечатление отклонения от этой семантической особенности слова *диалог*. При чтении статьи выясняется, что это впечатление запланированное: в название вынесена часть фразы, в которой речь идет о «*диалоге*» (слово употреблено переносно) между двумя — писателем и читателем, третье же лицо — иллюстратор — лишь помогает одному из его участников: «Медленное, внимательное чтение должно быть первой добродетелью иллюстратора. Только при многократном процеживании каждой фразы, каждого слова литературного произведения вживаешься в его атмосферу, получаешь доступ в лабораторию творчества писателя и приобретаешь моральное право выступить в роли, как ни назови: соавтора, сотрудника, интерпретатора. Словом, третьим лицом в *диалоге* автора и читателя. Какая трудная и ответственная роль!» Автор (или, может быть, сотрудник газеты) стремился странностью, необычностью словоупотребления заинтриговать читателя, заставить его обратиться к тексту статьи. Та же игра и в заголовке статьи, где речь идет о переводчике — «Третий в диалоге» (Лит. газета, 1976, 23 июня).

Информация об участии в диалоге всего лишь двух лиц лежит на поверхности языкового сознания, отчетливо осознается носителями языка. И очевидно, что отправители речи, обыгрывая этот признак слова *диалог*, ориентировались непосредственно на него, а не на контексты, в которых употребляется слово.

е) В пьесе А. и П. Тур «Чрезвычайный посол» слово *диалог* использовано для выражения шутливо-иронического отношения Кольцовой к содержанию разговора, затеянного Боргом: [Борг:] Какое дамское платье может соответствовать фраку? [Кольцова:] Я полагаю — черное... [Борг:] Черное? Не будет ли это напоминать похороны? [Кольцова:] Но если я надену белое, не будет ли это напоминать венчание? Или первое причастие? [Борг:] Да, пожалуй... [Кольцова (чувствуется, что ее забавляет этот *диалог*):] Поскольку дипломатия это искусство компромиссов, не избрать ли нам черное платье с белой отделкой?

В приведенном примере автор обыгрывает информацию о важности, значительности если не содержания, то самого факта того обмена мнениями, сведениями и т. п., который называется *диалогом*.

В других случаях, осознавая слово *диалог* как носителя этой информации, его употребляют для придания важности, значительности какому-либо обмену мнениями, сведениями. Например: Обычный *диалог* обычного дня (о разговоре с заказчиками в ателье; Радио, 27 сент. 1976 г.).

ж) Под шапкой «Юридические диалоги» в «Неделе» одно время печатались ответы юриста на вопросы читателей (например: Юридические *диалоги*. Ремонт квартиры — Неделя, 1978, № 7).

Работники газеты придали слову *диалог* (как очевидно, умышленно, ради экспрессии неожиданности словоупотребления) одно из значений слова *консультация* (совет, даваемый специалистом), отступив, таким образом, не только от заключенного в этом слове указания, что обмен мнениями ведется в устной форме, но и от указания, что участники обмена мнениями, названного *диалогом*, выступают не как представители той или иной специальной области деятельности, а как частные лица, что они не преследуют каких-либо специальных целей и что отношения между ними — неофициальные.

Ср. тот же текст со словами *беседа* и *разговор*: Юридические *беседы*. Ремонт квартиры; Юридический *разговор*. Ремонт квартиры. Слово *беседа* не создает впечатления сдвига. Напротив, при включении в текст слова *разговор* ощущается еще более резкий сдвиг, чем при слове *диалог*. Это объясняется тем, что это слово отражает взгляд на названный им обмен мнениями, сведениями с позиций обиходно-бытовых и указывает на непринужденно-дружеские отношения между его участниками.

з) Подзаголовок к беседе корреспондента газеты с владельцем уникальной коллекции самоваров («*Диалог* у самоваров») и ее концовка: Наш диалог затянулся до полуночи... (см. Неделя,

1975, № 49) также оставляет впечатление игры со словом *диалог*. Характер этой игры требует специального рассмотрения.

В приведенном тексте соблюдены почти все требования, которые предъявляет слово *диалог* к обмену мнениями, сведениями, называемыми этим словом: мнениями и сведениями обмениваются два человека по вопросам, представляющим общественный интерес, в устной форме, находясь рядом и обращаясь друг к другу. Не соблюдено лишь требование к отношениям между собеседниками: слово *диалог*, которое указывает, что собеседники являются не представителями какой-то специальной области деятельности, а частными лицами и что отношения между ними неофициальные, применено к беседе корреспондента с лицом, которое он интервьюирует.

Однако словесная игра в тексте «Диалог у самоваров» строится не на отходе от указанного требования. Об этом говорит то, что слово *разговор*, указывающее на непринужденно-дружеские отношения между общающимися, в тех же условиях казалось бы вполне обычным.

Эффект некоторой неожиданности, необычности словоупотребления в рассматриваемом тексте создается непосредственным соседством слов *диалог* и *самовар*. Здесь своего рода каламбур, но не сдвиг: слово *самовар*, называя предмет официальной беседы, вместе с тем вызывает ассоциации с обиходно-бытовой обстановкой общения (У *самовара* я и моя Маша). В концовке это впечатление усиливается замечанием «затянулся до полуночи». Слово *диалог*, таким образом, как бы оказывается в тексте, обиходно-бытовом по содержанию. Следовательно, журналист обыграл закрепленность слова *диалог* за речью, которая выходит за пределы бытовой повседневности и ведется с целью поделиться опытом, знаниями, т. е. обыграл его книжную окраску. Слово же *разговор* в тексте *Разговор* у самоваров кажется вполне естественным, потому что отношения между корреспондентом и лицом, у которого берется интервью (в отличие, например, от отношений между юристом и тем, кого он консультирует) допускают субъективное их понимание не только как неофициальных, но и как непринужденно-дружеских.

Употребления слов в нетипических условиях без специальных целей носители литературного языка, как правило, избегают. Ю. М. Скребнев считает, что «средний носитель языка воздерживается от употребления такой-то единицы, зная по опыту, что она обычно используется только в торжественных, высокопарных текстах; он отвергает также другую единицу с подобным же лексическим значением на том основании, что она, как ему известно, обычно употребляется в вульгарных текстах. В конце концов он избирает третью единицу, не ассоциируемую им ни с чрезмерно торжественными, ни с грубыми формами речи» [30]. Но это не вполне точно: отправителей речи удерживает от употребления слов в

[30] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 21.

нетипических условиях интуиция, которая, отражая языковое сознание, предупреждает, что употребление слова в данных условиях без специальной цели будет воспринято как ошибка, как нарушение норм литературного языка, и вызовет комический эффект, более или менее резкий (иногда слово лишь обращает на себя внимание своей необычностью).

Немотивированное употребление слова в контекстах, сдвинутых относительно того или иного признака, существующего в сознании отправителя речи, объясняется, как правило, опиской или оговоркой, которые могут оставаться не замеченными говорящим или пишущим, но могут сразу же обратить на себя внимание. Вот пример оговорки, замеченной самим говорящим: Мне повезло, я *нарвалась* на хороших людей. Ой, что я сказала! (Устная речь, 1965). Но иногда отправители речи пренебрегают предостережениями языкового чутья, поступившись тем или иным признаком слова в «угоду» другому его признаку. Причиной такого употребления является отсутствие в литературном языке слова, которое заключало бы в себе интересующий говорящего признак, не указывая на какой-либо нежелательный признак. Тем не менее оно, как представляется, свидетельствует о некоторой нечеткости, расшатанности представлений о слове данного лица. Так, слово *диалог* заключает в себе указание, что говорящие не просто высказываются на одну тему, но адресуются друг к другу. Сло́ва, которое обозначало бы ту ситуацию, когда говорящие высказываются независимо друг от друга, в русском литературном языке нет, и газетные работники, не прислушиваясь к предупреждениям своего, видимо, не слишком настойчивого языкового чутья, используют слово *диалог* в такого рода текстах:

— Курица имеет дом,— слышится за кадром голос девочки...— Каждый имеет дом,— продолжает уже диктор...— А где дом палестинца? — спрашивает девочка у своего деда — старого араба... Таким *диалогом* начинается 25-минутный документальный фильм, символически названный «Ключ». Вместо ответа старик углубляется в воспоминания (Из газет, 1976); В душевой покрутил краны и неожиданно заключил: — Роскошь все это, излишества. Комбайнеру в уборку не до телевизора. Так наломается за день, любому углу рад. Я собрался возразить, но тут другой гость, механизатор, с завистью вздохнул: — Вот бы у нас так, а то на всю бригаду один вагончик... *Диалог* характерный (Из газет, 1976). Второй говорящий не возражает первому: он высказывается, ни к кому конкретно не обращаясь.

Это тоже ошибки употребления, но преднамеренные и осознанные, не связанные с ошибочной оценкой речевой ситуации.

Не приходится сомневаться, что употребить слово в контексте, не соответствующем тем признакам, которые объективно присущи слову или подозреваются у него исследователем, без специальной мотивировки, не ощутив при этом его неуместности, свободно и естественно может только тот носитель языка, в чьем сознании оно отпечатлено без этих признаков. Так, приведенный

ниже текст заставляет предполагать, что его автор не ощущает ни заключенной в слове *диалог* характеристики обмена мнениями как важного и значительного, ни книжной окраски этого слова, потому что сдвиг относительно указанных признаков представляется ничем не мотивированным, не преследующим никаких стилистических целей:

Имя главного лица, подтверждавшего службу Азефа в департаменте полиции, знали Бурцев, судьи и представители ЦК эсеров... (Савинков) ни словом не обмолвился в мемуарах. Другой вопрос, не обмолвился ли он в живом *диалоге*? Годы спустя В. Н. Фигнер высказалась без околичностей: «...Из «Воспоминаний террориста» Савинкова видно, что разговоры его с Азефом могли легко навести Азефа на Лопухина» (Человек и закон, 1978, № 7).

* * *

Подведем итоги.

История слов показывает, что обычно дополнительная информация (а следовательно, и порожденная ею стилистическая окраска), которую несет в себе слово для носителя литературного языка, как и предметная информация, возникает в результате того, что обобщенные признаки тех или иных контекстов отпечатлеваются в сознании данного лица как признаки самого слова. Слово «перенимает» неязыковые признаки тех контекстов, в которых оно встречается говорящим на литературном языке. Поэтому на формирование языковых представлений влияют не только определенного типа контексты, в которых оно регулярно употребляется в данное время, но и те или иные отдельные контексты, и словоупотребление прошлого.

Признаки слов, сформировавшиеся в сознании носителей литературного языка, как правило, характеризуются четкостью и определенностью: они или существуют для данного лица или не существуют. Но обнаруживают себя они с разной степенью четкости. Что касается стилистически окрашенных слов, то в одних условиях может обнаружить себя их способность вызывать стилистическое впечатление, в других их «идеальная» (в языковом сознании) закрепленность за определенными контекстами, в третьих — дополнительная информация. Для проявления языковых представлений как получателя, так и отправителя речи имеет значение, употреблено ли слово в типическом контексте (содержащем сведения, которые несет в себе слово), или в нетипическом, смещенном, признаки которого не соответствуют заключенной в слове информации. Для получателя речи типический контекст обнаруживает в основном окраску слова. Для отправителя в случае автоматичности употребления — контекстную закрепленность слова. Употребление, связанное с выбором данного слова из ряда однозначных, выявляет и окраску, и дополнительную информацию. В смещенных контекстах, особенно немотивированных, любые признаки слова выявляются с большой степенью отчетливости. Получатель речи, в чьем сознании слово имеет тот

или иной признак, немотивированный сдвиг относительно этого признака воспринимает как ошибку. Отправитель речи, в чьем сознании слово существует с тем или иным признаком, может употребить его без специальной мотивировки в смещенном контексте или по ошибке, или сознательно игнорируя этот признак. Употребление, вызванное отсутствием в литературном языке синонима, нейтрального по отношению к данному признаку, свидетельствует о том, что в сознании отправителя речи этот признак выражен недостаточно четко или слабо, а ничем не спровоцированное говорит о том, что для отправителя речи этот признак вообще не существует.

Проявление языковых представлений получателей речи зависит также от того, употреблено ли слово в «немом» контексте (в такой контекст языковое сознание получателя речи вносит соответствующую информацию независимо от целей и задач отправителя речи), типическом полном или типическом избыточном, смещенном полном или смещенном избыточном, или взято в изолированном виде, а также сопоставляется ли оно с его синонимами, не заключающими в себе данной информации.

Для исследователя тот факт, что в сознании какого-либо получателя речи слово существует с определенным признаком, обнаруживается в положительной или отрицательной реакции данного лица на употребление этого слова. (Об условиях понимания языковых представлений отправителя речи см. в следующей главе.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗМОЖНОСТИ И СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Для исследования стилистически окрашенной лексики требуются методы, строго соответствующие ее природе. Признаки этой лексики, как внешние — способность вызывать особое стилистическое впечатление (окраска) и закрепленность за определенными контекстами, так и дифференциальный признак — заключенная в ней дополнительная (непредметная) информация, имеют «идеальный» характер, существуют в сознании носителей литературного языка. Отсюда следует, что речь должна идти о способах изучения языковых представлений носителей литературного языка.

Языковые представления отдельных лиц могут не совпадать с коллективными языковыми представлениями. Отсюда следует, что необходимо различать вопрос о возможностях и способах изучения языковых представлений отдельных носителей литера-

www.ruslang.ru

турного языка, получателей и отправителей речи, и вопрос о возможностях и способах изучения коллективных языковых представлений.

Задача изучения стилистически окрашенной лексики включает в себя рассмотрение соотношения семантических и стилистических признаков слова. Следовательно, требуются методы, одинаково пригодные для выделения как тех, так и других признаков.

Прежде всего необходимо рассмотреть с точки зрения соответствия указанным требованиям те методы стилистической квалификации языковых средств, которые предлагались исследователями.

Основной предмет споров — интуиция как орудие исследования. Некоторые из лингвистов считают обращение к интуиции правомерным. Так, использовать «живого слушающего человека — адресата речи и читателя — адресата художественного произведения, хотя бы способом самонаблюдения для родного языка» предлагает Ю. С. Степанов [1]. На языковое чутье чаще всего полагаются лексикографы, давая словам стилистические пометы. Проявлением доверия к интуиции своих современников или лиц, живших в ту или иную эпоху, является обращение исследователей к разного рода высказываниям о словах и словоупотреблениях. В этом плане показательно стремление составителей СС подбирать такой иллюстративный материал, который содержал бы характеристику слов. Некоторые лингвисты даже склонны доверяться высказываниям неспециалистов, отказываясь от собственных оценок. Подобную позицию заняли, например, преподаватели Саранского университета, поставившие перед собой цель (как сообщил на заседании Сектора литературного языка и стилистики Института русского языка АН СССР в 1977 г. проф. П. Г. Черемисин) на основании встречающихся в современной речи стилистических характеристик и оценок выделить стили современного русского литературного языка. Авторы, признающие интуицию орудием стилистического исследования средств языка, считают возможным применение вероятностно-статистического метода к полученным с ее помощью данным: «Как и любые категории, основанные на языковом чутье, она (функционально-стилистическая окраска. — *Е. П.*) может быть выражена в математических (статистико-вероятностных) терминах» [2].

Другие исследователи полагают, что интуиция — орудие ненадежное, субъективное, и ищут объективные методы стилистической характеристики средств языка.

Показательна в этом отношении критика Г. В. Степановым Х. Касареса: «Если метафора не вызывает в представлении индивидуума образа, связанного с первичным значением, то этого,

[1] *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965, с. 23.
[2] *Акуленко В. В.* Некоторые проблемы общей стилистики.— Вестн. Харьковского ун-та. Сер. филол., 1965, № 12, вып. 2, с. 7.

по мнению Касареса, вполне достаточно для выделения переносного значения в самостоятельную рубрику. Вместо объективных критериев (лексико-синтаксические возможности слова, синонимические и антонимические сопоставления и т. д.) Касарес рекомендует интуитивно-эмпирический подход к нему» [3].

Мнение о методе синонимических сопоставлений как об объективном методе исследования и семантики, и стилистических признаков слов является общепризнанным [4].

Широко распространена и точка зрения, что при стилистических исследованиях языковых средств, как при исследовании семантики, необходимые данные должны извлекаться из текстов. «Материалом лингвистического изучения, — говорит, например, Ю. М. Скребнев, — является текст. В итоге изучения текста лингвист получает представление о порождающей текст системе, т. е. о языке» [5]. Х. Касарес, напротив, видит принципиальное различие между семантическими и стилистическими признаками слов именно в возможностях «реконструкции» тех и других по текстам. «Реконструкция исчезнувших значений может быть произведена, — говорит он, — с достаточной уверенностью, если данные ряда текстов, написанных современниками, совпадают. В то же время у нас нет надежного критерия для восстановления того, как воспринимали наши далекие предки систему выразительных средств языка» [6]. По его мнению, единственным источником сведений о стилистике предыдущих периодов являются те характеристики слов, которые встречаются «то тут, то там в литературных произведениях, заметках или комментариях, в различных словарях». Они «должны быть тщательно включены в будущий Исторический словарь, но со ссылкой на соответствующих авторов, поскольку в большинстве случаев речь идет о личной оценке, могущей совпадать или не совпадать с оценкой той эпохи, в которую она была сформулирована» [7].

---

[3] См. предисловие к кн.: *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М.: Ин-т иностр. лит-ры, 1958. Ср. замечание о языковом чутье Д. Н. Шмелева, сделанное им в связи с вопросом о многозначности и омонимии: «Само по себе такое определение не вызывает возражений, но его недостатком является то, что при установлении семантической связи между значениями приходится в основном полагаться на так называемое языковое чутье, т. е. в значительной мере на субъективные критерии разграничения» (*Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 81).

[4] Метод замены исследуемых фактов языка в текстах близкими по смыслу предлагали Л. В. Щерба и А. М. Пешковский. Использовал его и Г. О. Винокур, выясняя причины стилистической «порочности» отглагольных существительных. Сравнивая исходный текст и экспериментальный, исследователи получали возможность понять специфику изучаемого явления языка (см. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974; *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. М., 1927; *Винокур Г. О.* Культура языка. М., 1929).

[5] *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 64.

[6] *Касарес Х.* Указ. соч., с. 146.

[7] Там же, с. 147.

Обычно ориентация на тексты при стилистических исследованиях находит выражение в том, что лингвисты для доказательства той или иной окрашенности слова приводят цитаты, имеющие соответствующую окраску. Вместе с тем распространено мнение, что «вопрос реальных разграничений различных стилевых пластов в лексике в подавляющем большинстве случаев сводится к установлению частотности и действительной распространенности той или иной лексемы, а также сочетаемости лексем в том или ином стилевом пласте языка»[8]. Стилистическая квалификация языковых фактов на основании интуиции противопоставляется при этом вероятностно-статистическому методу как методу объективному, что, как очевидно, неправомерно: интуитивным способом добываются сведения о стилистическом статусе слов, тогда как вероятностно-статистический метод — это метод проверки добытых данных.

Метод, связанный с отказом от языкового чутья, предлагает также М. В. Панов. Он отмечает показательность для стилистической характеристики слов их частотности, — при условии, что она устанавливается в пределах синонимического ряда. «Если есть 3 синонима, — говорит он, — один с большей частотностью, другой с меньшей, третий совсем с небольшой (и притом частотности резко контрастны), то ясно, что эти синонимы соответствуют нейтральному, разговорному и строгому стилю. Но могут быть всего два члена стилистической парадигмы. В таком случае ясно, что слово с большей частотностью принадлежит к нейтральному стилю, а другое — к окрашенному, но к какому именно — определить чисто парадигматически нельзя»[9].

Очевидна связь отмеченных способов стилистической квалификации слов с определениями понятия «стилистические средства».

Предложение давать стилистическую характеристику слов, форм, конструкций на основании их «частотности и действительной распространенности» логически связано с признанием отличительным признаком стилистических средств употребления их в ограниченных речевых условиях.

Суждения об условиях употребления тех или иных языковых элементов, если они основаны на интуиции, действительно, не могут не быть субъективными, тогда как исследование частотности дает объективные данные об этих условиях. Правда, такой способ квалификации, видимо, естествен в основном по отношению к некодифицированным элементам устной разговорной речи. Правомерность применения его к специальной терминологии не представляется безусловной. С одной стороны, если слово обозначает реалию, с которой имеют дело только специали-

[8] *Лаптева О. А.* Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет.— ВЯ, 1967, № 1, с. 137.

[9] *Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики).— В кн.: Развитие современного русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 14.

сты, его принадлежность к специальной терминологии и без того очевидна (ср. *синхрофазотрон, осмос, рибонуклеиновая кислота*). С другой стороны, если слово, обозначающее общераспространенную реалию, функционирует и в общем употреблении, и в специальной сфере, установить на основании его частотности и действительной распространенности, что в специальном употреблении оно выступает как термин, едва ли возможно. В таких случаях существенно, что слово в общем употреблении не связано с каким-либо точным представлением о том или ином признаке обозначаемой реалии, а в специальном получает соответствующее уточнение. Ср., например, замечание Д. Н. Шмелева о словах *гора* и *холм* в географической терминологии (холм — возвышенность не менее 200 м в высоту), *кража, грабеж, хищение* — в юридической, *почва, чернозем, суглинок* — в почвоведческой [10].

Следует отметить, что опыта стилистической квалификации языковых фактов на основании их «частотности и действительной распространенности» с применением вероятностно-статистического метода у нас пока нет. Изучение частотности отдельных синтаксических конструкций, морфологических явлений и т. д. проводится не в плане их стилистической интерпретации, а в плане исследования так называемых функциональных стилей [11]. Не преследуют таких целей и частотные словари [12].

Напротив, если под стилистическими средствами понимаются элементы, которые вызывают ассоциации с теми или иными обстоятельствами общения или заключают в себе дополнительную информацию, отказ от языкового чутья неправомерен. Показательно, что изо всех способов установления стилистической нейтральности или стилистической окрашенности слов только способ сравнения частотности синонимов, предложенный М. В. Пановым, не основан на языковом чутье.

Мнение этого исследователя о различиях частотности слов книжно окрашенных (по терминологии автора, высоких), слов разговорно окрашенных (сниженных) и слов, противопоставленных словам высоким и сниженным отсутствием окраски, представляется справедливым. Если так, то справедлив и вывод, что разница частотности является косвенным показателем соответствующего стилистического характера слов. Однако этот метод позволяет обнаружить только так называемые функционально-стилистические признаки слов, причем лишь основные их типы. Определить с его помощью разновидность книжной (высокой)

[10] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977, с. 119.

[11] Статьи, преследующие эти цели, публикуются в сборниках «Вопросы стилистики» (Саратов) и «Лексика. Терминология. Стили» (Горький). См., например, замечание В. А. Богдановой: «По сравнению с другими стилями научный стиль дает высший предел употребления сказуемых именного типа» (Вопросы стилистики, вып. 3. Саратов, 1969, с. 76).

[12] См. критику существующих частотных словарей: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях.

или разговорной (сниженной) окраски не представляется возможным. Кроме того, как отмечает сам автор, этот метод «работает» только в тех случаях, когда имеется полная стилистическая парадигма: стилистически высокий, стилистически нейтральный и стилистически сниженный синонимы.

Между тем обязательность синонимических противопоставлений по характеру окраски в последнее время подвергается сомнению. Так, по наблюдениям Д. Н. Шмелева, «существенно, что в большой своей массе слова, относимые к «высокой лексике», не имеют непосредственных соответствий в тех пластах лексики, которые имеют «сниженный характер, ср.: *глашатай, горнило, губитель, дерзание, доблесть, достояние, единомыслие, завет, иго, изобличать, испепелить, клич, мольба, невозвратный* и т. п.» [13]. Сомнительной представляется исследователям и обычность полной парадигматики. «Хорошо известно, — отмечает Т. Г. Винокур, — что подобные межстилевые ряды выстраиваются не без препятствий, они прерывисты, в них есть лакуны» [14].

Наши наблюдения также подтверждают, что отсутствие в современном русском литературном языке нейтральных синонимов к окрашенным словам и синонимов, противопоставленных по характеру окраски, — отнюдь не редкое явление. Интересно отметить, что, как показало исследование стилистических изменений в лексике русского литературного языка в советское время, переходу нейтральных слов в разряд книжных, разговорных, просторечных, эмоционально-оценочных не мешает то, что в результате в литературном языке не остается нейтрального способа выражения соответствующего смысла. Так, не осталось нейтральных слов или фразеологических оборотов, синонимичных перешедшим в состав книжной и социально маркированной лексики словам *импонировать* ‘производить положительное впечатление, внушать уважение, доверие’, *импровизированный* ‘устроенный наспех, без предварительной подготовки’, *импульсивный* ‘склонный действовать под влиянием внезапного побуждения, импульса’, *отстоять* ‘находиться, быть расположенным на каком-н. расстоянии от чего-л.’, *третировать* ‘обращаться с кем-л. пренебрежительно, свысока’, *шокировать* ‘приводить в смущение нарушением правил приличия’, *экспансивный* ‘бурно проявляющий свои чувства’, *эксцентричный* ‘крайне своеобразный, необычный до странности’, *преддверие* ‘время, непосредственно предшествующее какому-н. событию, начальный период чего-н.’, *профанировать* ‘проявлять непочтительное отношение к тому, что пользуется всеобщим уважением’ и т. п. Не осталось нейтральных синонимов — слов или оборотов к словам *масса* ‘большое количество, множество чего-л.’, *лить* ‘течь сильно или непрерывно’ и т. д. после приобретения ими разговорной окраски.

---

[13] Там же, с. 88.

[14] *Винокур Т. Г.* Синонимия в функционально-стилистическом аспекте.— ВЯ, 1975, № 5, с. 55.

Нет слов, выражающих содержание слов *давеча* ‘за несколько времени до настоящей минуты’, *застить* ‘загораживать свет’, прилагательных с *само-*, соответствующих по значению слову *самый*, например, *самобеднейший*, *самоважнейший*, *самонужнейший*, *самоновейший*, *вперед* в значении ‘впредь’ (слово *впредь* принадлежит книжному стилю), *плутать* ‘бродить в поисках дороги’ (соответствующее ему по значению слово *блуждать* также принадлежит книжному стилю) и других, перешедших в разряд лексики просторечной; нет слов с тем же содержанием, что и слова *карьера*, *официоз*, *официозный*, *зачинщик*, *расчетливость* и др., которые приобрели оценочные свойства.

При необходимости передать заключенный в окрашенном слове смысл в условиях, где оно в силу своей окрашенности оказывается неуместным, говорящие, если нет нейтрального слова, прибегают к описательному способу выражения или к контекстуальным синонимам. Обращение к ним, конечно, не противоречит мнению, что «слова стилистически окрашенные воспринимаются таковыми только по отношению к стилистически неокрашенным, нейтральным» [15]. В этом обращении можно видеть компенсацию «дефекта» языка — отсутствия нейтрального синонима. Но если мы признаем, что окраска — результат закрепления слова в языковом сознании за определенными контекстами, мы тем самым отрицаем эту закономерность. По-видимому, наличие или отсутствие у окрашенных слов неокрашенных или контрастно окрашенных синонимов зависит только от того, как часто возникает потребность передать данное содержание вне тех речевых условий, за которыми закреплено слово.

Так или иначе, методом М. В. Панова, поскольку полной стилистической парадигмы в литературном языке нередко нет, не всегда можно определить даже и функционально-стилистический характер слов. Причем, если верно наблюдение М. В. Панова: «чем менее ярко противопоставлено данное слово нейтральному стилю, тем менее необходим его синоним в нейтральном стиле», [16] — то этот метод отказывает как раз в менее ясных случаях, когда возникает потребность в специальном исследовании.

Между тем способность вызывать стилистическое впечатление выявляется у взятого изолированного слова уже при непосредственном обращении к языковому чутью. Другое дело, что с полной определенностью квалифицировать эту способность нередко можно только после выяснения, какой дополнительной информацией она порождена, и что стилистическая квалификация должна отражать языковое чутье не самого исследователя, а коллектива говорящих на литературном языке. Тем не менее очевидно, что составители словарей, руководствуясь при постановке стилистических помет интуицией, противоречат принято-

[15] *Степанов Ю. С.* Указ. соч., с. 22.
[16] *Панов М. В.* Указ. соч., с. 13.

му ими пониманию стилистических средств как элементов языка, употребляющихся в определенных речевых условиях, но их подход соответствует природе того языкового материала — стилистически окрашенной лексики, — для квалификации которого и были задуманы стилистические пометы.

Нет оснований отказываться при квалификации лексики с точки зрения стилистической окрашенности и от стихийных проявлений языкового чутья неспециалистов, причем это касается не только языка прошлого, но и современного литературного языка. Однако отказ исследователя от своих языковых представлений, необходимый при изучении языка прошлого (иначе носителям литературного языка той или иной эпохи могут быть приписаны чуждые им нормы и чуждое восприятие), при изучении настоящего не только нецелесообразен (исследователь — такой же член языкового коллектива, как и «автор» соответствующего высказывания), но и неправомерен. Если определение причин того или иного эффекта словоупотребления и квалификация признаков слов вызывает затруднения у специалистов — лексикологов и лексикографов, то трудно ожидать, что им в этом могут помочь неспециалисты. Напротив, к высказываниям современников следует обращаться только после того, как проанализировано свое собственное языковое сознание, выявлено все, что связано в нем с данным словом, и «вербализованы» собственные интуитивные ощущения. Тогда исследователю будет ясна истинная подоплека тех характеристик и оценок, которые дают слову современники. Понимая, какой признак слова может вызвать ту или иную реакцию получателя речи, он сможет с достаточной степенью уверенности делать заключения о том, воспринимает или не воспринимает этот признак носитель языка, не обращая внимание на то, что и как он говорит по поводу употребления слова. Пожилая женщина рассказывает: Подходит к очереди один и спрашивает у меня: — Что здесь дают, *бабка*? Я просто возмутилась. Отвечаю ему: — Я тебе не *бабка*, я тебя не принимала, пуп тебе не обрезала (Устная речь, 1974). Остается неясным, почему рассказчица именно так ответила своему обидчику: то ли она действительно считает, что слово *бабка* использовано не по адресу, то ли осознанно каламбурит. Но не оставляет сомнений, что истинная причина ее возмущения — оскорбительность и грубость, которую она почувствовала в обращении к ней с этим словом.

Подтверждая или, напротив, не подтверждая предположения о признаках слова, сделанные исследователем на основе самоанализа, характеристики слов современниками дают материал для суждений о распространенности соответствующих языковых представлений в коллективе говорящих на литературном языке.

Прием синонимических сопоставлений, который лингвисты считают объективным методом исследования, противопоставляя его интуитивному подходу к изучению стилистических свойств слов, в действительности, как следует из сказанного во второй

главе, является важным и необходимым, но тем не менее вспомогательным приемом стилистического анализа лексики. Сопоставление слов, противопоставленных по наличию — отсутствию стилистической окраски или по ее характеру, всего лишь усиливает стилистическое звучание изолированного слова или тот тон, который оно имеет в тексте. Но это может быть и тон, который вносит в текст само исследуемое слово, и тон, который возникает у него благодаря контекстному окружению.

Следует отметить, что синонимические сопоставления имеют характер лингвистического эксперимента: сравнивается текст, в котором использовано исследумое слово, и текст, в котором на место этого слова поставлен его синоним.

Что касается убеждений, что основанием для характеристики слова как стилистически окрашенного может служить употребление его в текстах соответствующей окраски, то они не имеют под собой никаких оснований. Это те самые типические контексты, которые, как показали результаты анализа слов *зачинщик*, *диалог*, *бабка* и др., не позволяют судить о признаках слова, поскольку остается неясным, внесена ли в них подозреваемая у слова информация им самим или синтаксическими, интонационными и т. п. средствами, описанием или прямым называнием соответствующих обстоятельств. Так, по текстам: Ишь ты, какая *лакомка*!; Ишь ты, какая *сладкоежка*!; Ишь ты, какая *сластена*! — трудно судить, заключают ли в себе слова *лакомка*, *сладкоежка*, *сластена* неодобрительное отношение к обозначаемому. Неодобрение ощущается во всех этих текстах, и неясно, выражают ли его сами эти слова (как в таком же тексте безусловно эмоционально-оценочное *обжора*) или сочетание *ишь ты*. Ср.: Ишь ты, какой *модник*!; Ишь ты, какой *франт*!; Ишь ты, какой *пижон*!. Не позволяют судить о том, существует ли в сознании тот или иной признак слова, и тексты, содержащие в себе информацию, которая легко «уживается» с подозреваемой у слова. Например, если у слова подозревается отрицательная оценочность, справедливость этих подозрений нельзя проверить по текстам, где о соответствующем лице или предмете говорят с симпатией, с сочувствием или фамильярно-дружески. Ср.: Она была *лакомка*, Маша, и всегда умела найти в поле, на лугу, в лесу что-нибудь съедобное и вкусное (Мусатов. Стожары);— Папка, ты не представляешь, какой Сережка *сладкоежка*! — сказала Лена, смеясь (Трифонов. Студенты); Степан щелкнул себя по лбу: — Позабыл конфеты, ты ведь конфеты любишь, *сластена* (Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара).

В действительности исследователи не выводят стилистические признаки слова (вернее, представления отправителя речи о признаках слова) из типических контекстов, а, установив на основании своего языкового чутья стилистическую окрашенность слова, подбирают ему такие контексты. При этом можно приписать отправителю речи собственные языковые представления, особенно если дело касается текстов прошлого.

Анализ условий проявления данных языкового сознания носителей литературного языка, представленный во второй главе, позволяет не только дать оценку уже существующим способам стилистической квалификации слов, но и предложить новые. Возможности познания языковых представлений отдельных лиц и соответственно возможности познания коллективных языковых представлений, как оказывается, шире, чем предполагалось прежде.

ПРИЕМЫ САМОАНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Исследователь должен прежде всего проанализировать собственные языковые представления.

Самоанализ при исследовании слов, признаки которых вызывают сомнения, состоит из трех этапов. Первый — сопоставление исследуемого слова, взятого изолированно, с соответствующим ему по значению безусловно стилистически нейтральным (или безусловно стилистически окрашенным), выявляет его способность или неспособность вызывать то или иное стилистическое впечатление. На втором этапе определяется, какие контексты слова воспринимаются как привычные, а какие как непривычные, необычные или смещенные. Таким образом выявляется второй внешний признак стилистически окрашенной лексики — «идеальная» (в сознании носителя литературного языка) контекстная закрепленность. И наконец третий этап — наблюдение над звучанием слова в контекстах, в которых наилучшим образом обнаруживает себя заключенная в нем информация.

Для самоанализа необходимы контексты двух типов.

Во-первых, неполные (по отношению к исследуемому признаку) контексты, в которых соответствующие обстоятельства остаются нераскрытыми. Если исследователь ощущает в таком тексте подозреваемую у слова информацию, значит в его сознании она существует. Если же он оказывается не в состоянии судить по таким контекстам о предмете ли речи, об обстоятельствах ли общения, об отношении говорящего к предмету речи и т. д., значит слово не содержит в себе для него соответствующих указаний. С этой точки зрения неполные контексты вернее назвать «немыми».

В дополнение к уже приводившимся неполным («немым») контекстам, позволяющим отличить те слова с отрицательным предметным содержанием, которые заключают в себе отрицательную оценку, от слов, которые не содержат такой оценки, приведу текст на слово *рассадник*, с намеренно опущенным существительным, которое должно было бы конкретизировать предметное содержание этого слова:— В общежитие, я считаю, надо ходить как можно чаще. Общежитие ведь, по сути дела, что? *Рассадник*... Вы меня понимаете? (Из газет, 1964). Здесь

явления, которые имеет в виду говорящий, не названы, но слово *рассадник* дает им отрицательную характеристику. «Немыми» являются такие контексты на слова *франт* и *щеголь*: Он был *франт* и всегда одет щегольски (Помяловский. Мещанское счастье); — Одет *щеголем*: тужурка из того самого тонкого светло-серого сукна, что носят самые большие франты (Бунин. Ида). В этих текстах выявляется легкий оттенок насмешливости, свойственный как слову *щеголь*, так и слову *франт*.

Во-вторых, важное значение при самоанализе имеют контексты, в которых ощущается сдвиг относительно предполагаемого признака слова, особенно немотивированный. Так, об отрицательной оценочности слов свидетельствует впечатление сдвига, смещения при использовании их в тексте, где выражено положительное отношение к соответствующему лицу, предмету, действию и т. п. Например: Как бы мне хотелось, чтобы мой сын был *верзилой*; Хочу отметить хорошую работу одного из *торгашей* вашего магазина.

При употреблении в этих же условиях слов, которые обозначают отрицательные с точки зрения языкового коллектива явления, но не указывают отношения к ним говорящего, обращает на себя внимание необычность, странность самих жизненных обстоятельств или вкусов, мировоззрения говорящего и т. п., но впечатления необычности использования, применения слова не возникает. Ср.: Лавка и ее владелец, как это ни странно, были похожи друг на друга своей симпатичной *неряшливостью* (Неделя, 1963, № 12); Недавно пришло в редакцию письмо с местным штемпелем. Автор его — некий Н. Пузырев — пишет с редкой откровенностью: «*Обыватель* — это азот в государственной атмосфере, исполняющий свои нейтральные функции, без которых невозможна жизнь. Это — нейтрино в государственном атоме» (Из газет, 1963).

Окраска специальных сфер деятельности, свойственная терминам, выявляется при употреблении их неспециалистами применительно к обиходно-бытовым действиям, предметам и т. п. Ср. обрывок разговора, подслушанного на улице (речь шла о тесте): Оно должно быть как масло... Такой *консистенции*.

На примере слов *зачинщик*, *диалог*, *бабка* видно также, что обыгрывания признаков слов с целью создать экспрессию неожиданности, необычности словоупотребления представляют больший интерес, чем использование слов в шутливо-иронических целях, так как в последнем случае заключенные в слове сведения проявляются слабее. К тому же при шутливо-ироническом употреблении не всегда легко понять, какие именно особенности слова обыгрываются. При выборе текстов для самоанализа необходимо также учитывать, что чем больше сдвиг, чем больше контраст между указываемыми словом признаками обозначаемого предмета, обстоятельств общения и т. п., и признаками предмета, к которому слово применяется, или признаками обстоятельств общения, в которых оно применяется, тем очевид-

нее, какие сведения оно вносит в текст. Далекий сдвиг обнаруживают даже очень слабо выраженные признаки слова, которые могут остаться незамеченными при наблюдении этого слова в немых текстах.

Слова *старик* и *старуха* в текстах: На лавочке сидели *старики* и *старухи* и: Там тысячи людей было — *стариков, старух*, женщин, детей (Радио, 1977) выглядят как нейтральные, и лишь сопоставление этих слов с сочетаниями *старый мужчина, старая женщина* выявляет у них легкую окраску фамильярности. Но ср.: Я стану за этой *старухой*. Я стану за этим *стариком*. Здесь и без подстановки соответствующих сочетаний фамильярность слов *старуха* и (в меньшей степени) *старик* ощущается вполне отчетливо.

Что касается материала, на котором строится исследование, то тут нужно различать нужды самоанализа, и нужды иллюстрирования признаков слов. Для самоанализа все равно, к какому периоду относится текст, из какой разновидности речи он почерпнут, каковы его художественно-изобразительные достоинства. Более того, художественность текста даже в какой-то мере мешает анализу, создавая впечатление мотивированности употребления и тем самым сглаживая сдвиг.

Очевидно также, что исследователь не должен ограничиваться тем «отрицательным» материалом, и теми «немыми» текстами, на которые он случайно наталкивается. Приступая к анализу слова, лексиколог (лексикограф), как правило, уже имеет представление о том, какие признаки он ищет у слова. Заподозрив ту или иную семантическую или стилистическую особенность слова, он должен целенаправленно искать такие тексты, которые могут или подтвердить, или рассеять его подозрения.

Но безукоризненные, исключающие какие-либо побочные влияния на звучание слов цитаты — «немые» и особенно сдвинутые контексты, — материал довольно редкий. В «противопоказанных» условиях обычно встречаются слова, подвергшиеся историческим изменениям. При стабильности признаков слово может оказаться в таких контекстах только случайно — в результате оговорки или окказионального употребления. Чаще встречаются цитаты, которые содержат какие-то нежелательные «подсказки». Такие цитаты приходится в том или ином отношении препарировать, прежде чем использовать для анализа слов.

Уже этим определяется необходимость экспериментальных текстов, составленных самим исследователем, разумеется, на основе наблюдений над реальным употреблением слова [17]. Кста-

---

[17] Важную роль лингвистического эксперимента подчеркивал Л. В. Щерба: «Иследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого материала Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную схему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть. отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип экспе-

ти, если одни признаки слова *диалог* обнаружились случайно, благодаря сдвинутым текстам, в которых они попались на глаза автору, то другие сначала были выявлены экспериментальным путем, и лишь после, в результате целенаправленных поисков, был найден подтверждающий эти признаки материал.

Однако экспериментальные тексты представляют интерес не только потому, что восполняют пробелы в картотеке. Содержащие все то, что необходимо для испытания слова, и в то же время лаконичные, не заключающие в себе ничего не только искажающего истинное звучание текста, но и отвлекающего внимание, в частности, свободные от влияния на восприятие слова имени известного писателя, они часто имеют несомненные преимущества перед тем цитатным материалом, которым располагает лексиколог или лексикограф.

Следует отметить, что недостатки реальных текстов иногда можно понять только при сопоставлении их с экспериментальными. Ср. например, экспериментальный текст на слово *старуха*: Я стою за этой вот *старухой* и цитаты: Месяца через два картошка начала гнить. Буропятова написала в райпищеторг докладную. Ей сказали: — Ты опытная *старуха*. Сама знаешь, что нужно делать (Человек и закон, 1978, № 3); Тутаев стал расспрашивать колхозниц: мол, а как же вы-то, бабы, обходитесь с водой? Что ж, и на ферме коровам доярки из реки воду носят?— Нет, сказали бабы. — На ферму в бочках возят. — Почему же вам, ну хоть тем же *старухам*, не возить воду? (С. Крутилин. За косогором).

Хотя в цитатах слово *старуха* стоит в той же позиции, что и в экспериментальном тексте (в нем оно употреблено в присутствии лица, к которому относится, в цитатах — в личном общении), но ощущение сдвига в них слабее, фамильярность слова проявляется менее отчетливо. Дело, очевидно, в том, что цитаты не исключают того, что в общении между лицами была принята непринужденная дружественность обращения.

Особенно эффективно наблюдение над «звучанием» исследуемых слов в немых текстах при сравнении их с текстами, в которых на место исследуемого поставлено близкое ему по значению слово. Например: Иванов действует по *указанию* Петрова — Иванов действует по *указке* Петрова. Вторая фраза содержит информацию о том, что говорящий считает соответствующие действия нежелательными, отрицательными. Ты знаешь этого *высокого человека*? — Ты знаешь этого *верзилу*? Фраза со словом *верзила* сообщает об отрицательном эмоциональном отношении к какому-то человеку высокого роста (не обязательно из-за его высокого роста). Я видел рисунки этого *художника* — Я видел рисунки этого *мазилы*. Вторая фраза указывает и на

римента» (*Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук, 1931, вып. 1, с. 121).

мнение говорящего о ком-то как о плохом художнике, и на презрительное отношение к этому художнику.

Ср. слова *смерть* и *кончина*, поставив их в фразы: Я узнал о его *смерти* только вчера — Я узнал о его *кончине* только вчера. Эти фразы не содержат сведений, о ком идет речь. Это может быть и сосед, с которым говорящий любил играть в преферанс, и видный политический или общественный деятель. (Ср. текст, из которого ясно, что речь идет о лице известном: Я узнал о его смерти только вчера из «Последних известий»). Не содержат они и сведений, как относится к событию говорящий. (Ср.: Известие о его смерти потрясло меня). Не отражены в них обстоятельства общения. (Ср.: С глубокой скорбью было воспринято известие о его смерти и Знаешь, его смерть меня как громом поразила; первая фраза воспринимается как отрывок из газетно-публицистического текста, вторая как высказывание в обиходно-бытовых условиях общения). Тем не менее из фразы Я узнал о его *кончине* только вчера мы получаем сведения и об умершем, и об отношении к его смерти говорящего, и о речевых условиях, в которых эта фраза была произнесена или написана. Фраза же со словом смерть так и остается «немой».

Применим предложенный метод самоанализа к нескольким словам, квалификация которых вызывает сомнения.

В СУ слово *сонмище* имеет помету *книжн. устар.*, теперь *пренебр.*, в СО — помету *устар.* и *шутл.*, в СА4 — *книжн.*, обычно *ирон.*, в СА17 — *устар.* (в соврем. употр. обычно с оттенком *пренебреж.* или *ирон.*).

То, что СУ и СО характеризуют слово *сонмище* как устарелое, а СА4 относит его к лексике современного русского литературного языка, не случайно. Слово *сонмище* принадлежит к довольно многочисленной группе слов, которые к концу 20-х — началу 30-х годов вышли из употребления, а в 40—50-х годах вновь активизировались. Толчком к реставрации устарелой лексики послужила Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В годы войны вновь увеличилась потребность в экспрессивно-стилистических средствах языка, особенно в средствах, придающих речи торжественный, патетический тон. К концу 40-х годов восстановились в литературном языке в качестве возвышенных слова *армада* (часто употреблялось в сочетаниях типа *грозная армада, стальная армада, армады юнкерсов* и т. п.), *блюсти* (ср.: *блюсти интересы государства, блюсти дисциплину труда* и т. п.), *ввергнуть* (ср.: *ввергнуть в пучину войны*), *всеоружие* (*встретить врага во всеоружии*), *дерзновенный, деяние, злодеяние* (*злодеяния фашистов, тяжкое злодеяние*), *изведать, лепта* (*трудовая лепта, внести свою лепту в победу над врагом*), *множить, мужать* (ср. слова песни о Ленинграде: «*Мужал* в боях наш светлый город»), *нетленный* (*нетленная слава советского оружия*), *неувядаемый* (*неувядаемая человеческая правда и красота*), *ныне, самозабвенный* (*самозабвенный труд советских людей*), *свершение* (*свершение небывалых в истории под-*

вигов, эпоха неслыханных свершений), *явить* (*Советская Армия явила миру образцы доблести и военного искусства*) и др.[18].

Но не означает ли разница эмоционально-оценочных характеристик этого слова, что одни носители языка воспринимают его как шутливо окрашенное, другие как иронически окрашенное, в сознании же третьих оно отпечатлелось как слово с пренебрежительной окраской? О неправомерности такого предположения говорит то, что слово *сонмище* создает разное стилистическое впечатление у одного и того же получателя речи.

СО приводит в подтверждение своей пометы речение: *Целое сонмище комаров.* Оно действительно звучит шутливо. СА4. выделяет у слова *сонмище* значение ‘сборище, толпа’ и оттенок ‘множество, масса чего-л.’ Значение иллюстрируется цитатами: Барышня и разобрать не может, кто из *сонмища* этих кавалеров ее суженый (Гл. Успенский. Из чиновничьего быта) и — Целое *сонмище* врагов ополчилось на нас. Мы думаем об одном — победить их (Федин. Рисунок с Ленина). Оттенок — цитатой: Перекладин видит целое *сонмище* точек с запятой и двоеточий (Чехов. Восклицательный знак).

Первая из этих цитат в самом деле имеет ироническое звучание. Пример использования слова *сонмище* А. Чеховым в том виде, как он представлен в СА4, допускает восприятие его и как шутливо и как иронически окрашенного. Цитата из К. Федина звучит возвышенно, торжественно. СА17 иллюстрирует современное употребление слова *сонмище* той же цитатой из Федина. СУ не подтверждает своей характеристики слова *сонмище* какими-либо примерами. Но оно действительно может иметь пренебрежительное звучание: Издатель! многие глупцы тебя ругают, За тем что твари те и разум отвергают, Ты должен *сонмище* вралей всех презирать («Трутень», 1769); Как ни прискорбна мысль о торжестве *сонмища* шалопаев, мы должны однако ж сознаться, что влияние их на судьбу мою далеко не столь решительно, как это кажется на первый взгляд (Салтыков-Щедрин. В сумерках).

Очевидно, что разногласия между лексикографами вызваны не отсутствием единства языковых представлений о слове *сонмище*, а ориентацией на разные контексты.

В каких же контекстах это слово звучит в соответствии с заключенной в нем информацией и какова эта информация?

Слово *сонмище* приходит на память в сочетаниях *сонмище врагов*, *сонмище убийц*, *сонмище злодеев*, причем в текстах, для которых характерен возвышенный, патетический тон. Цитата из К. Федина, таким образом, представляет привычные контексты этого слова — контексты, подсознательное сравнение с которы-

---

[18] Все эти слова, отмеченные в СУ как устарелые, в СО даются с пометой *высок.*

ми определяет собой стилистическое впечатление от всех других контекстов.

Речение СО, где слово *сонмище* выступает в сочетании со словом *комар*, цитаты из Чехова (*сонмище точек с запятой*), из Гл. Успенского (*сонмище кавалеров*), из «Трутня» (*сонмище врале́й*), из Салтыкова-Щедрина (*сонмище шалопаев*), являются контекстами сдвинутыми. Разница стилистического впечатления от слова *сонмище* в этих цитатах связана с особенностями контекстов.

Шутливая окраска слова *сонмище* в речении «*целое сонмище комаров*» обусловлена прежде всего сочетанием его со словом, которое обозначает насекомое. Такое его применение заставляет с особой остротой осознавать, что оно закреплено в языковом сознании за людьми. Ощущение сдвига, необычности словоупотребления, словесной игры свидетельствует, что выделять у слова *сонмище* оттенок ‘множество, масса чего-л.’ (СА4) неправомерно. Отрывочный характер речения позволяет приписывать ему и второй сдвиг, обнаруживающий у слова *сонмище* возвышенную эмоциональную окраску.

Стилистическое звучание чеховской цитаты неопределенно потому, что читателю известна двойственность отношения повествователя к персонажу — коллежскому советнику, которого некий юноша (он «был сын статского советника и сам имел право на чин X класса») упрекнул в бессознательном, рефлекторном использовании знаков препинания. Эта двойственность (сочувствие и насмешка) прямо выражена в следующем отрывке: В углу ласково теплилась лампада, мебель глядела праздничнo, чистенько, от всего так и веяло теплом и присутствием женской руки, но *бедному* чиноше было холодно, неуютно, точно он заболел тифом. Знак восклицательный стоял уже не в закрытых глазах, а перед ним, в комнате, около женина туалета и насмешливо мигал ему...

Если цитату, приведенную СА4, расширить, то обнаружится, что слово *сонмище* допускает восприятие его и как патетически окрашенного. Это объясняется двуплановостью рассказа: в нем сплетены точка зрения на изображаемые события автора—повествователя и точка зрения на них персонажа. Необычное сочетание слова *сонмище* с словосочетанием *точка с запятой* мотивировано, таким образом, одновременно и сочувственно-ироническим отношением повествователя к герою, и субъективным отношением героя к знакам препинания как к врагам, с которыми он вступает в сражение:

Золотые запятые завертелись и унеслись в сторону. На их место прилетели огненные точки...

«А точка в конце бумаги ставится... Где нужно большую передышку сделать и на слушателя взглянуть, там тоже точка. После всех длинных мест нужно точку, чтоб секретарь, когда будет читать, слюной не истек. Больше же нигде точка не ставится...»

Опять налетают запятые... Они мешаются с точками, кружатся — и Перекладин видит целое *сонмище* точек с запятой и двоеточий...

«И этих знаю... — думает он. — Где запятой мало, а точки много, там надо точку с запятой. Перед «но» и «следственно» всегда ставлю точку с запятой... Ну-с, а двоеточие? Двоеточие ставится после слов «постановили», «решили»...».

В цитате два сдвига. Во-первых, слово *сонмище* употреблено по отношению не к людям, а к знакам препинания. Этот сдвиг отражает позицию повествователя; он-то и создает шутливо-ироническое звучание слова *сонмище*. Во-вторых, оно употреблено по отношению к «предмету», нейтральному в смысле его оценки языковым коллективом. Этот сдвиг приоткрывает еще одно свойство слова *сонмище* — его отрицательную оценочность [19]. Слабое его проявление объясняется, с одной стороны, тем, что знаки препинания всего лишь нейтральны с точки зрения их ценности, их достоинств, а во-вторых, тем, что этот сдвиг мотивирован субъективным отношением персонажа к знакам препинания.

В цитате выявляется и возвышенная эмоциональная окрашенность слова *сонмище*. Возвышенный тон текста явно создается только словом *сонмище*. Если его заменить словом *множество*, этот тон исчезает.

Ироническое звучание слова *сонмище* в цитате из Гл. Успенского объясняется самим характером описываемых событий. Оно еще усиливается, если начать цитацию с предыдущей фразы: Она уже не думает о весенней любви; она уж теперь вовсе и разобрать не может, кто из *сонмища* этих кавалеров ее суженый. Здесь обыгрывается, с одной стороны, отрицательная оценочность слова *сонмище*, а с другой — его возвышенная эмоциональная окраска.

Отрицательная оценочность слова *сонмище* и в этой цитате проявляется слабо: во-первых, кавалер — «предмет», с точки зрения его «достоинств» нейтральный, во-вторых, сдвиг мотивирован иронией. С полной определенностью это свойство слова *сонмище* обнаруживает себя в противопоказанных контекстах, в условиях, когда выражение отрицательного отношения к тем или иным положительным или нейтральным лицам или (при переносном употреблении) предметам, явлениям и т. п. полностью исключается.

Презрительная окраска слова *сонмище* в текстах из «Трутня» и Салтыкова-Щедрина — результат влияния окраски слов *враль* (а также смысла слова *презирать*) и *шалопай*. Это влия-

[19] Сочетания *сонмище комаров, сонмище вралей, сонмище шалопаев* равноценны типическим сочетаниям *сонмище врагов, сонмище злодеев, сонмище убийц* по оценке предметного содержания существительных, выступающих в родительном падеже, как чего-то отрицательного, нежелательного. На основании этих сочетаний трудно судить, заключает ли слово *сонмище* в себе отрицательную оценку.

ние столь сильно, что отчасти подавляет то впечатление, которое возникает от применения слова *сонмище* к лицам, чьи дела и поступки, даже отрицательные, по важности, общественной значимости несоотносительны с делами и поступками врагов, убийц, злодеев. Тем не менее этот сдвиг вскрывает еще одно заключенное в слове *сонмище* указание.

Пренебрежительность, презрительность, создаваемая словами *враль* и *презирать* в цитате из «Трутня» и словом *шалопай* в цитате из Салтыкова-Щедрина, заглушает и возвышенную окраску слова *сонмище*. Эта окраска обнаруживается (поскольку тексты не исключают задания придать речи возвышенный тон), если, сохранив смысл, сообщаемый словами *враль*, *шалопай*, устранить вносимую ими пренебрежительную окраску, иначе говоря, если заменить слова *враль* и *шалопай* соответствующими описательными выражениями (а слово *враль* также его синонимом *лжец*). Ср. звучание препарированных текстов: Издатель! ...Ты должен *сонмище* людей, склонных ко лжи, презирать; Издатель! ...Ты должен *сонмище* лжецов презирать.

Как ни прискорбна мысль о торжестве *сонмища* людей, проводящих время в легкомысленных занятиях, мы должны, однако ж, сознаться, что влияние их на судьбу мою далеко не так решительно, как это кажется на первый взгляд.

Слово *сборище* также, как отмечено, в разных контекстах звучит по-разному — неодобрительно, презрительно, шутливо, фамильярно, как заключающее в себе отрицательную оценку, и в словарях получает разную характеристику.

В отличие от слов *зачинщик* и *сонмище* контексты, на которые интуитивно проецируется различное применение слова *сборище*, не лежат на поверхности языкового сознания.

Сборище вспоминается в сочетании со словами, обозначающими лиц отрицательных (*лодырь*, *бездельник* и т. п.). Но если *зачинщик* и *сонмище* обязательно требуют дополнения в родительном падеже, то *сборище* свободно употребляется и без дополнения: Толпа! Страшная вещь — такое *сборище*, да еще на пожаре (Л. Соболев. Морская душа).

Указать в таких случаях, какие контексты слова *сборище* типические, затруднительно. Их, как и признаки этого слова, обнаруживает только употребление, которое воспринимается как сдвиг. (Ср. слово *диалог*, типические контексты которого можно было восстановить лишь после выявления его дифференциальных и интегральных признаков.)

Сдвиг, который ощущается в приведенных ниже цитатах, выявляет только презрительную окраску слова *сборище*. В них явно несоответствие между презрительным тоном, который вносит в тексты слово *сборище* (в знач. 'толпа, стечение людей'), и очевидным отсутствием задания выражать презрение: Эти три *сборища*, шедшие вместе — кавалерийское депо, депо пленных и обоз Жюно, — все еще составляли что-то отдельное и цельное, хотя и то и другое, и третье быстро таяло (Л. Толстой. Война и

мир); При значительных *сборищах* гостей обоего пола по различным торжественным дням... моей матери (бывшей крепостной) приходилось оставаться на своей половине (Н. Морозов. Повести моей жизни).

В этих цитатах слово *сборище* применено к тем, кто может вызывать к себе отрицательное отношение отправителя речи. Поэтому можно предположить, что именно поэтому в них не ощущается сдвиг относительно отрицательной оценки.

Однако и в текстах, исключающих отрицательную оценку соответствующих лиц, ощущение сдвига основывается только на несоответствии презрительной окраски слова *сборище* эмоциональному заданию отправителя речи: Огромные *сборища* эксплуатируемых рабочих, безземельное крестьянство восстало (Ленин. Чрезвычайный съезд советов крестьянских депутатов).

Только сдвиг относительно презрительной окраски ощущается и при употреблении слова *сборище* во втором значении в текстах, исключающих как презрительное отношение отправителя речи к соответствующим лицам, так и отрицательную их оценку: Страстно любил он... вечерние *сборища* по избам, по тем избам, где большие семьи, где тепло, где огонь горит (Бунин. Деревня); Каждое воскресенье собиралась в Потапове вся деревенская молодежь из окрестностей, человек до пятисот и более. Настоящей пропаганды здесь избегали, но такие *сборища* служили прекрасным способом для завязывания знакомств (Н. Морозов. Повести моей жизни); Вера приводила на вечерние *сборища* молодых рабочих, и на зеленой поляне хором пели они стройные песни (Перегудов. Солнечный клад).

Ср. употребление этого слова в устарелом значении ‘сбор (большого числа людей)’: Банкету должна была предшествовать громадная торжественная процессия, к участию в которой приглашены были народ и национальная гвардия. *Сборище* предполагалось на площади Магдалины (Русская мысль, 1883).

Таким образом, *сборище* отпечатлелось в сознании как в контекстах, где выражается и отрицательное мнение, и презрение к соответствующим лицам, так и в контекстах, где выражается только презрение. Следовательно, образцом его привычных контекстов являются такие: Было чем хвалиться: с меньшим количеством людей бригада закончила косьбу и вязку овса на два дня раньше других. До этого первую бригаду называли *сборищем* лодырей, золотой ротой (Замойский. Лапти);— Это что за *сборище*?— С высоты коня Эдвард Могельницкий окинул презрительным взглядом столпившихся на площади (Н. Островский. Рожденные бурей); Петроград показался ему почти не изменившимся. Новым были лишь непрерывные митинги и *сборища*, возникавшие в каждом скверике, в воротах дома, в очереди у булочной, порой даже на трамвайных путях (И. Кремлев. Большевики).

Но «вобрало» оно в себя только информацию о презритель-

ном отношении к какому-либо скоплению людей или собранию людей для совместной работы, развлечений и т. п. Это подтверждают и немые контексты. Ср.:— Ты не знаешь, что это там за *сборище*?— А ты тоже был на этом *сборище*? Или: Ты не знаешь, что там за *сборище* школьников? А ты тоже был на этом *сборище* наших бывших соучеников?

Неодобрение, отрицательное мнение, фамильярность, которые слышатся в тех или иных цитатах — это результат влияния особенностей контекстов.

К числу слов, которые переняли не все обобщенные признаки своих привычных контекстов, принадлежат и слова *обречь, обрекать*. Эти слова отпечатлелись в сознании не просто в сочетаниях *обречь на муку, гибель, позор* и т. п., но в контекстах, где ощущается сожаление или сочувственное отношение к соответствующему лицу, а также возвышенный эмоциональный тон. Как привычные воспринимаются такого рода контексты этого слова: Протасов *обрек* себя на мучительное одиночество (Ильенков. Большая дорога); Не я *обрек* твои младые годы На жизнь без счастья и свободы (Пример из СУ); Поняла, что сын ее *обрек* себя навсегда чему-то тайному и страшному (М. Горький. Мать); Ковалевский вдруг понял, что атака, в успехе которой он не сомневался еще утром, *обречена* на провал (Сергеев-Ценский. Преображение России); В нас есть суровая свобода: На слезы *обрекая* мать, Бессмертье своего народа Своею смертью покупать (Симонов. Слава).

Характеристика того, что уготовано, с неизбежностью предназначено кому-то, как нежелательного, тяжелого, мучительного, выявляется в сочетаниях типа *обречь на успех, обречь на любовь к одной женщине*. Кстати отметим, что СУ не включает в определение значение слова этого указания, а все другие словари характеризуют то, что уготовано кому-то, как участь, обычно тяжелую. Очевидно, что не только определение СУ, но и определения других словарей не отражают действительности. Замечания «обычно» и «преимущественно» допустимы только в случае, если слово употребляется чаще всего в каких-то определенных условиях, но представляется вполне возможным и в других условиях, т. е. если соответствующий нюанс еще не сформировался (ср. историю формирования у слова *диалог* указания на обмен мнениями, сведениями между двумя лицами). Слово *обречь* с полной определенностью указывает на тяжесть, мучительность чего-либо: в сочетаниях *обречь на успех, обречь на любовь к одной женщине* оно используется в специальных целях — для создания шутливо-иронического тона или для выражения субъективного мнения.

В слове *обречь* отложился и возвышенный эмоциональный тон привычных контекстов. СО справедливо дает этому слову помету *высок*. Возвышенная окраска слова *обречь* обнаруживается, если употребить его в «противопоказанных» условиях — без намерения с пафосом подчеркнуть важную, роковую роль

чего-то в жизни данного лица. Например:— Ты же сама *обрекла* себя на это неприятное занятие!

Но указания на осуждение самого действия и на сочувствие к тому, на кого оно направлено, слово *обречь* в себе не заключает. Это обнаруживается при употреблении, исключающем сочувствие и сожаление: Этот мятеж против законного правительства был *обречен* на провал. Никакого противоречия в этой экспериментальной фразе нет.

Приобретению данного нюанса мешают общеизвестные строки стихотворения Пушкина: Как ныне сбирается вещий Олег Отмстить неразумным хозарам. Их села и нивы за буйный набег *Обрек* он мечам и пожарам (Как ныне сбирается вещий Олег...). Применение предлагаемого метода анализа слов помогает также уточнить, что представляют собой нечетко выраженные, неопределенные, диффузные признаки слов.

Есть слова, которые приходят на память в определенного рода контекстах и представляются в них столь естественными, что не обращают на себя внимания, но вместе с тем и в контекстах противоположного характера не кажутся неуместными или вызывают лишь некоторое недоумение.

Так, автору представляются наиболее подходящими для слова *беспрецедентный* такие контексты: (Верховный суд США) допустил совершенно *беспрецедентное* незаконное вмешательство в дела международного Трибунала (Ромашкин. Военные преступления империализма); На фоне *беспрецедентного* по своим масштабам валютного хаоса и разгула инфляции в капиталистических странах особенно ярко видны преимущества денежной системы Советского Союза (А. М. Алексеев. Военные финансы капиталистических государств).

Употребление этого слова в нейтральных контекстах кажется вполне допустимым: Пеленая, она старалась выпрямить эти упрямые ножки — бесполезно. Матвей подтягивал их обратно и спал. В случаях особо затяжного сна вызывали из мужского общежития Сережку Коха (ему удалось выхлопотать постоянный пропуск — случай *беспрецедентный*!) (И. Грекова. Кафедра).

Употребление же в положительном контексте лишь слегка «скребет по сердцу»: Газета указывает на *беспрецедентный* характер заключенного на 25 лет соглашения между СССР и ФРГ (Радио, 9 мая 1978).

Очевидно, в сознании автора, как, видимо, и в сознании многих носителей литературного языка, начало формироваться, но еще окончательно не сформировалось представление о слове *беспрецедентный* как о заключающем в себе отрицательную оценку. (В словарях оценочные свойства этого слова еще не отмечены.)

Слово *содеять* также отпечатлелось в сознании автора в текстах, указывающих на отрицательный характер каких-либо действий. В таких, например: Злоумышленники все же позвонили,

и это позволило полиции найти двух из них, быстро добиться признания в *содеянном* ими преступлении и выяснить, где был спрятан гроб (Неделя, 1978, № 20).

Но и в текстах типа: Казалось, что такому напряжению радостно разъяренной силы ничто не может противостоять, она способна *содеять* чудеса на земле (М. Горький. Мои университеты); Гражданам этого города (Москвы) было суждено совершить небывалое, невиданное, нечто такое, что затмило все до сих пор *содеянное* на земле (Никулин. Московские зори),— оно не кажется недопустимым.

Такое восприятие отражает проходящий в наше время процесс возврата былой оценочной нейтральности этого слова, которую оно приобрело к концу 30-х годов вместе с возвышенной окраской [20].

Возвышенная окраска слова *содеять* выявляется в таких текстах: Редко выделяется человеку такой удачливый вечер, когда его осенила бы счастливая мысль или выпало ему совершить нежданно великолепный поступок. А вот минуты, в которые человек способен нежданно *содеять* такое, из чего потом и не выпутаешься, случаются чаще (В. Померанцев. Однажды в молодости).

Неопределенное, диффузное восприятие свойственно и нелингвистам. Лицу с архитектурным образованием был задан вопрос, в каких соечтаниях приходит ему в голову слово *инициатор*. Ответил: *инициатор внедрения рационализаторских предложений, Советский Союз был инициатором мирных переговоров, инициатор движения за ударный труд.*

— Значит, в цитатах: У кузнецов развертывается движение за рационализацию, которое возглавляет его *инициатор*, наш уважаемый мастер Иван Степанович Лосев (Караваева. Разбег); Одним из его замечательных начинаний было книгоиздательство «Знание», где Горький был не только *инициатором*, но и душою всего дела (Телешов. Записки писателя),— *инициатор* на своем месте?

— Вполне!

— Ну, а *инициатор драки*?

— Ни в коем случае!

— Почему же?

— Драка — это же плохо.

После некоторого раздумья: — Да, но *инициатором второй мировой войны была Германия* приемлемо.

— Ну, а так: — Нет также сомнения, что в этом деле не он *инициатор*. Он был только глупым, нанятым орудием (Чехов. Шведская спичка)?

---

[20] СУ не отмечает его оценочности ни специальной пометой ни в определении значения, но иллюстрирует его только употреблением в отрицательных контекстах: «Содеять... (книжн. устар., теперь ритор.) Совершить, сделать, *С. преступление. Все, содеянное этим негодяем...*

— Нормально. Пожалуй, и *инициатор драки* ничего. Нет, все же не очень! Масштабность не та.

Таким образом, информант, когда кончились его колебания относительно оценочности слова *инициатор*, обнаружил в слове признак, уже вполне сформировавшийся: указание, что соответствующие действия происходят в сфере общественной жизни или производства. Этот признак отчетливо выступает в такой, например, немой фразе:

(Доронин) не сомневался, что Нырков, как один из *инициаторов* зимнего лова, примет близко к сердцу поведение Венцова (Чаковский. У нас уже утро).

Хотя здесь и ничего не сказано, о каком лове идет речь, читатель понимает, что не о лове с удочкой в воскресный день.

Подвергнув анализу собственное языковое сознание, исследователь получает возможность критически оценивать как стилистические пометы словарей, так и стихийные проявления языкового чутья носителей литературного языка. Для него важна сама отрицательная реакция получателя речи на немотивированный сдвиг относительно предполагаемого признака слова. Поэтому даже по высказываниям, неточно и неверно объясняющим причину неприятия того или иного словоупотребления, он вправе сделать заключение, что данное лицо воспринимает искомый признак.

Самое же главное, исследователь получает возможность, во-первых, целенаправленно испытывать языковое сознание своих современников, а во-вторых, по особенностям употребления слова «реконструировать» языковые представления тех или иных отправителей речи.

ВОЗМОЖНОСТИ И СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ РЕЧИ

Прямыми вопросами, как представляется, можно достигнуть цели только при выявлении особенностей предметного содержания (Сколько человек участвует в диалоге? Чем отличается заяц беляк от русака? И т. п.). На прямые вопросы об эмоционально-стилистических или функционально-стилистических признаках слова могут ответить разве что специалисты — лексикологи и лексикографы.

Наиболее целесообразно «провоцировать» проявление представлений современников о слове, предлагая им смещенные тексты, с помощью которых исследователь проверял собственное языковое сознание. (Немые тексты для опроса рядовых носителей литературного языка не годятся.) Причем, если это цитаты, то лучше давать их без указания источника. Все сказанное ниже о возможностях и необходимости опросного метода при стилистической квалификации слов основывается на двух опытах широкого опроса носителей современного русского литературного языка, которые были проведены автором в связи с

работой над коллективной монографией «Русский язык и советское общество», поэтому представляется необходимым обратиться еще раз к их организации и результатам [21].

Первый опрос имел целью проверить действенность опросного метода. Для эксперимента было отобрано 13 слов: *выхваливать* ‘очень хвалить, выставлять на вид чьи-н. достоинства’, *законник* ‘искусный толкователь законов’ или ‘человек, строго соблюдающий законы’, *картинный* ‘достойный изображения на картине, как бы с картины’, *красивость* ‘мнимая красота’, *наводнять* ‘наполнять чрезвычайно большим количеством кого-или чего-н.’; *плодовитость* ‘способность легко и быстро создавать художественные или научные произведения’, *подогревать* ‘возбуждать, выводить из пассивного состояния’, *полчище* ‘очень большое количество кого- или чего-н.’; *ретивость* ‘усердие, старательность’, *рыскать* ‘ходить, ездить в поисках чего-н. или без строго определенной цели’, *рьяный* ‘старательный, энергично и с увлечением делающий что-н.’, *сорт* ‘категория’ (о людях), *усердствовать* ‘проявлять усердие’.

Перечисленные слова, как предполагалось, воспринимаются не только автором, но и большей частью говорящих на современном русском литературном языке как эмоционально-оценочные, тогда как в прошлом господствующим было восприятие их как нейтральных в эмоционально-оценочном отношении.

О былой эмоционально-оценочной нейтральности этих слов свидетельствует СУ. Слова *выхваливать*, *законник*, *картинный*, *плодовитость*, *подогревать*, *полчище*, *ретивость*, *рыскать*, *рьяный*, *сорт*, *усердствовать* даются в этом словаре без эмоциональных помет. У слов *сорт* и *ретивость*, кроме того, не отмечено указание на отрицательную оценку обозначаемого предмета. Отсутствие помет к этим словам говорит о том, что в 30-х годах восприятие их как нейтральных в эмоциональном отношении имело еще широкое распространение. У слова *красивость* в СУ также нет эмоциональной пометы, но указано его теперешнее предметное содержание (мнимая внешняя красота; претензия на красоту). Слово *наводнить* получило в этом словаре определение, которое характеризует действие как нежелательное, и помету, говорящую о тенденции к приобретению указанным значением эмоциональной окраски.

Предположения о былой эмоционально-оценочной нейтральности перечисленных слов подтверждаются случаями употребления их в XIX в., первых десятилетиях XX в. и позднее — представителями старшего поколения писателей в контекстах, исключающих выражение насмешки, пренебрежения и т. п. и (это касается слов *наводнить*, *ретивость*, *сорт*) отрицательного

[21] Подробнее см.: *Петрищева Е. Ф.* Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (опыт лингвистического эксперимента). — В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965, и в кн.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка, § 68—72, 75—86. М.: Наука, 1968.

мнения об обозначаемых ими предметах, а слова *красивость* — в контекстах, где оно выступает как эквивалент слова *красота*.

Вот некоторые примеры употребления исследуемых слов как неоценочных: Я не знаю, можно ли достойно *выхвалить* этого редкого человека (Гоголь. Письмо Высоцкому, 19 марта 1827 г.); За мною, на западе, *картинно* рисовалась в необозримой дали гряда меловых гор (Бунин. На Донце); Я не признаю в нем (Кюи) большой творческой силы, но у него есть изящество, *красивость* в гармонии и вкус (Чайковский, Письмо Н. Ф. Мекк, 26—27 ноября 1879 г.); Мы уже требуем *красивости* в костюме (Женский журнал, 1928, № 3); С проведением здесь железной дороги все эти миллионы десятин... *наводнили* бы и рисом, и масличными продуктами, и хлопком мировой рынок (Гарин-Михайловский. Из дневника кругосветного путешествия); Надо уметь брать от природы, а не ждать, что она даст тебе... В первом высказывается *плодовитость* воображения, а в другом — бедность фантазии (М. Антокольский. Письмо В. В. Стасову, 9 июня 1887 г.); После первого действия послышались аплодисменты,— живая игра Евмении *подогрела* даже сонную петербургскую публику (Мамин-Сибиряк. В горах); Первое передвижение рыбных *полчищ* начинается в южных частях Каспийского моря (Соколов-Микитов. Промысел Кумбаши); Часовые у денежного ящика и у трапа стояли, как вкопанные. Эта матросская *ретивость* к службе... казалась офицерам непонятной и даже пугала их (Лавренев. Выстрел с Невы). Ср. также употребление слова *ретивый*: В субботу командир полка полковник Греков смотрел полк и благодарил господ офицеров и казаков за *ретивую* подготовку и бравый вид (Шолохов. Тихий Дон); Объятый тоскою могучей, Я *рыщу* на белом коне (А. Блок. На поле Куликовом); Коммунизма призрак по Европе *рыскал* (Маяковский. Ленин); Ему помогала жена, тоже зарекомендовавшая себя *рьяной* большевичкой (Саянов. Лена); От того-то лучший *сорт* девушек, которые в 60-е годы пошли бы на медицинский факультет и т. п., кинулся так или иначе в искусство (Щепкина-Куперник. Дни моей жизни); Он силился стянуть с барина полотняный плащ и побежал вперед с балкона. Ему хотелось сегодня *усердствовать* (Боборыкин. Василий Теркин).

Предположение о том, что к 60-м годам восприятие рассматриваемых слов как эмоционально-оценочных получило широкое распространение, стало господствующим, основывалось на реакции на отмеченное выше употребление и автора, и окружающих как на употребление необычное, смещенное[22].

Анализируемые слова были поставлены в экспериментальные тексты (составленные на основе реальных), сдвинутые по отношению к предполагаемой эмоциональной окраске этих слов,

[22] Изменения, которым подверглись некоторые из рассматриваемых слов, нашли отражение в СС (т. 1 — Л.: Наука, 1970; т. 2 — Л.: Наука, 1971) — *картинный, ретивый, рьяный, усердствовать* и в СО 1972 — *выхваливать, усердствовать*.

слова *наводнять*, *ретивость*, *сорт* — в тексты, исключающие также и выражение отрицательного мнения, а слово *красивость* было употреблено в соответствии с его прежним предметным содержанием (‘красота’):

Хорошо, что ты заботишься о *красивости* наряда дочери; Я рада, что мой сын такой *законник*, он не будет использовать служебное положение в личных целях; Наши подводные лодки *рыщут* у берегов родины; Я довольна, что мой сын — *рьяный* фотолюбитель; Мне очень нравится, что он *усердствует* в работе; Первое передвижение рыбных *полчищ* начинается в южных частях Каспийского моря (цитата из Соколова—Микитова без указания автора) [23]; Как он любит младшего брата! Я всегда восхищаюсь, когда он его *выхваливает*; Я восхищаюсь *ретивостью* этого молодого учителя; Радует, что книжные магазины *наводнены* произведениями писателей нашего времени; Как хорошо, что пианист, *подогреваемый* нашими аплодисментами, исполнил несколько произведений сверх программы; Меня восхищает этот *сорт* девушек, гордых, с чувством собственного достоинства; Мне нравится *картинная* поза этой девушки; Я восхищаюсь *плодовитостью* этого гениального писателя.

Тексты были предложены двум группам лиц (по 50 чел. в каждой группе): 1-я — лица со средним и высшим образованием, родившиеся в 1907—1912 гг., т. е. не менее чем за 5 лет до революции, и 2-я — также со средним и высшим образованием, родившиеся в 1924—1946 гг.

Информанты должны были зачеркнуть слова, представляющиеся им неуместными, неправильно употребленными.

Предполагалось, что если опросный метод принципиально верен и практически применим, в результате опыта обнаружится количественная разница в ответах представителей старшего и представителей младшего и среднего поколений по крайней мере в отношении большей части взятых для эксперимента слов: от первой возрастной группы ожидалось больше ответов, что исследуемые слова в предложенных текстах уместны.

Приступая к опросу, мы заранее ожидали, что резкая разница в ответах представителей разных возрастных групп в принципе не обязательна. Языковые нормы представителей старшего поколения не остаются неизменными, а представители младшего поколения могут «получить в наследство» прежние языковые навыки. Поэтому и в первой группе информантов могут быть лица, воспринимающие то или иное слово в соответствии с его

[23] Проверять на эмоциональную оценочность слово *полчище*, очевидно, было бы целесообразнее не на переносном, а на прямом его значении — ‘огромное неприятельское войско’. Оно также дается в СУ без эмоциональной пометы, причем в его определение не включен присущий ему сейчас смысловой признак: неприятельское войско. То, что СУ отразил старые нормы употребления этого слова, подтверждается цитатами: Татары заманивали русские *полчища* в пески и безводье (А. Толстой. Петр I). Образно: А между тем пашни лемешевские вспахивались, прошел май и июнь и на них уже стояла *полчищем* колосистая рожь (Гл. Успенский. Побирушки).

новыми функциями, и среди второй — те, кто воспринимает это слово в соответствии со старыми его функциями. Однако казалось несомненным, что в большинстве случаев следы изменений должны в той или иной мере сохраниться.

Было также очевидно, что не все ответы будут отражать языковое сознание и речевые навыки информантов, что часть ответов в известной мере может быть обусловлена влиянием различных случайных причин. Однако не вызывало сомнения, что при опросе указанного числа носителей литературного языка влияние случайных причин нивелируется и обнаружатся искомые закономерности.

Результаты опроса подтвердили правильность предположений. Количество ответов, свидетельствующих о восприятии слов как эмоционально-окрашенных, во всех случаях оказалось больше у представителей младшего и среднего поколений. Причем в 10 случаях из 13 количество таких ответов у представителей этой группы превышает 60%.

Полученные данные были подвергнуты статистической проверке с целью установить, зависят ли количественные различия в ответах представителей старшего и младшего поколений от возрастного фактора, или же они обусловлены случайными обстоятельствами. Проверка данных по словам *красивость*, *законник*, *рыскать*, *рьяный*, *усердствовать*, *полчище*, *выхваливать*, *ретивость*, *наводнять*, *подогревать*, *сорт* подтвердила, что разница в ответах между информантами указанных групп обусловлена возрастным различием. Не получили такого подтверждения слова *картинный* и *плодовитость*.

Таким образом, выявилась практическая действенность опросного метода изучения эмоциональной окрашенности слов.

При втором опросе исследовалось восприятие 30 слов представителями разных социальных и возрастных групп носителей литературного языка. Одни из этих слов в советское время стилистически окрашивались, т. е. увеличивался круг лиц, оценивающих эти слова как стилистически окрашенные, о чем можно было судить а) по более частому использованию этих слов в текстах, противопоказанных стилистически окрашенной лексике того или иного типа, в досоветский период по сравнению с нашим временем; б) по более частому употреблению слов в такого рода текстах в советское время лицами, языковые нормы которых сложились до революции, в сравнении с лицами, языковые нормы которых сложились после революции; в) по материалам словарей, последовательно дающих словам стилистическую характеристику. Другие утрачивали свою окраску, о чем свидетельствовали данные словарей и высказывания современников. Третьи подвергались сначала окрашиванию, а затем нейтрализации.

Проверялось: восприятие как возвышенных слов *воин*, *воздвигнуть*, *во имя*, *избранник*, *кончина*, *ныне*, *озарить* ‘осветить’, *посланец*, *стяг*; восприятие как разговорного слова *беспрерывно*;

восприятие как фамильярных слов *вожак* ‘руководитель’, *запевала* ‘инициатор’, *орудовать* ‘использовать для доказательства’, *хватка*; восприятие как оценочных слов *вмешиваться, законник, закулисный* ‘тайный’, *замышлять, зачинщик, издохнуть* (о человеке), *насаждать, огласка, ополчиться* ‘выступить против кого-н.’, *прямолинейность* ‘простота, откровенность’, *расчетливость, сговор, соучастник, твориться* ‘делаться’, *толкнуть* ‘заставить сделать что-н.’, *ублажать.*

Целью опроса была проверка не столько предположений о судьбе данных слов, сколько (на примере этих слов) предположений о направлениях процесса стилистических перемещений в послеоктябрьский период в связи с изменением экстралингвистических, социальных факторов, обуславливающих эти перемещения.

Наблюдения над стилистическим употреблением слов в речи и высказывания современников давали основания для общего вывода о двух этапах процесса стилистических перемещений в изучаемый период. На первом этапе интенсивно протекал и процесс стилистического окрашивания, и процесс стилистической нейтрализации слов, для второго был наиболее характерен процесс стилистической нейтрализации. Особенно активизировался этот процесс приблизительно с 40-х годов. Случаи употребления стилистически окрашенных слов без специальной мотивировки за пределами тех разновидностей речи, за которыми такие слова были закреплены, с этого времени стали довольно частыми. Определился круг слов, наиболее часто встречающихся в таких условиях.

Опрос проводился с помощью Вопросника по лексике современного русского языка (М.: Наука, 1964), который содержал три стилистических задания (17, 18 и 19).

Часть исследуемых слов была включена в связный текст — сочиненную автором «заметку из заводской многотиражной газеты»:

«На днях на нашем заводе состоялось профсоюзное собрание. Еще за месяц до этого дирекция сколотила группу по проверке выполнения плана, и на собрании разговор шел не только о профсоюзных, но и о производственных делах. Все выступавшие с одобрением говорили о том, что местком постоянно вмешивался в работу профоргов и вместе с партбюро оказывал помощь комсомольской организации. Н. Петров был избран секретарем этой организации впервые. Неопытного вожака вовремя поправляли, подсказывали ему правильное решение. Местком стремился насаждать среди молодежи прогрессивные взгляды на искусство. Несколько раз организовывались читательские конференции, коллективные посещения музеев и театров.

Много хороших слов говорилось о молодежи. Как известно, в прошлом году было воздвигнуто два пятиэтажных жилых дома для рабочих и служащих завода. Молодежь внесла достойный вклад в досрочное окончание строительства. Зачинщиками

этого важного дела явились комсомольцы. Началось с того, что Саша Попов и Леша Кузьмин условились после работы ходить на стройку. Об их сговоре узнали другие комсомольцы этого цеха и решили присоединиться к ним. Эта инициатива получила широкую огласку, и все юноши и девушки выразили желание стать соучастниками строительства. Замечательные дела творились на стройке!

Комсомол выступил инициатором ряда других начинаний. Так, комитет комсомола толкнул руководителей предприятия на то, чтобы завод взял шефство над детдомом. Ныне комсомольцы замышляют соорудить спортивную площадку для подшефных.

Учетчик К. Сидоров со свойственной ему искренностью и прямолинейностью выступил с резкой критикой бригады ремонтников. Он призвал коммунистов ополчиться против недостатков, тормозящих работу бригады.

На собрании присутствовал депутат горсовета, пользующийся среди рабочих большой популярностью. Секрет его успеха в том, что он подходит к депутатской деятельности с рабочей хваткой. Присутствующие попросили народного избранника рассказать о решениях совета, о том, как намечено их выполнять».

Информанты должны были зачеркнуть в этом тексте слова, которые кажутся им неуместными, неправильно употребленными.

Задание 18 также состояло в том, чтобы вычеркнуть кажущиеся неуместными слова, но уже в отдельных фразах:

Жители Токио, протестующие против размещения иностранных баз на территории Японии, шли со стягами и транспарантами; С глубоким вниманием слушали мы маститого ученого, как всегда умело орудовавшего фактами и цифрами; Меня восхищает ваша забота о родителях. Как вы их ублажаете!; Сын ее сейчас в армии. Воин часто присылает матери письма; Среди строителей и зодчих проводятся творческие дискуссии об организации проектирования; О кончине старушки—соседки он узнал только на днях; Сторонники гонки вооружений не всесильны, миролюбивые народы могут навязать им свою волю; Корреспондент спросил: «Товарищ директор, сколько лет вы заправляете делами на заводе?; Враг мечтал, что осажденные во имя спасения собственной жизни потребуют от руководителей обороны сдачи города; Мы помогли энскому заводу, направив туда группу сварщиков. Позавчера мы получили письмо от наших посланцев; Она хорошая, экономная хозяйка. У нее каждая копейка на счету. Благодаря своей расчетливости она в состоянии одна содержать большую семью; В биографии говорилось: «В 1958—1959 г.г. товарищ Иванов был запевалой социалистического соревнования на заводе»; Я восхищаюсь им. Какой он законник! Он не будет использовать служебное положение в личных целях; Мне очень жаль его: от всех этих неприятностей

и неудач он совсем развинтился; Автострада в этом месте беспрерывно пересекается проселочными дорогами; Маленькая уютная комнатка озарена светом электрической лампочки; При раскопках были найдены останки древних людей.

19-е задание требовало, чтобы информант ответил, какое из предложенных в скобках слов он употребил бы в фразах:

Я очень горевала, когда заболел и (издох, подох, околел, умер) один из медвежат — самый ласковый и умный; Мне нравится это (старомодное, старинное) выражение; Мы, участницы Всемирного конгресса женщин, обращаемся к странам — членам НАТО с призывом прекратить (тайные, закулисные) переговоры о передаче ядерного оружия Западной Германии.

Вопросник распространялся среди различных слоев населения, преимущественно городского, не только в пределах РСФСР, но и в национальных республиках. Всего было возвращено вопросников с ответами на стилистические задания свыше тысячи.

Для того, чтобы детализировать ход стилистических изменений в лексике советского периода, информанты были разбиты не на две возрастные группы, как в предыдущем опыте, а на пять. При этом мы исходили из следующих соображений.

Стилистическое восприятие отдельных слов может меняться на протяжении жизни у каждого человека. Но изменения, протекавшие в пору интенсивного усвоения тем или иным лицом родного языка, оставляют в его языковом сознании наиболее глубокий след. Период наиболее интенсивного формирования языковых лексических норм длится приблизительно до 17—20-ти лет. У лиц, родившихся до 1911 г. (I возрастная группа), этот период падает в основном на дореволюционное время, у лиц 1911—1920 гг. рождения (II возрастная группа) — в основном на 20-е и 30-е годы, у лиц 1921—1930 гг. рождения (III возрастная группа) — в основном на 30-е и отчасти на 40-е годы, у лиц 1931—1940 гг. рождения (IV возрастная группа) — в основном на 40-е и 50-е годы, у лиц 1941—1950 гг. рождения (V возрастная группа) — на 50-е годы. Сопоставление ответов информантов этих пяти возрастных групп на вопросы, имеющие целью выявить стилистическое восприятие слов носителями литературного языка, дает возможность установить разницу между тенденциями стилистических изменений в разные периоды развития современной русской лексики.

Процентное соотношение ответов, которые свидетельствуют о восприятии слов как окрашенных, у представителей разных возрастных групп подтвердило предположение о ходе изменений как отдельных слов, так и процесса стилистических перемещений в советское время.

Было сочтено целесообразным не подвергать статистической проверке данные этого опроса, но для наглядности они были представлены в виде графиков. Графики строились следующим образом: по пяти вертикалям откладывался процент ответов, подтверждающих восприятие слов как стилистически окрашен-

ных представителями каждой из названных выше возрастных групп («подтверждающие» ответы).

На двух таблицах были даны графики слов, по которым у представителей II возрастной группы наблюдается увеличение процента «подтверждающих» ответов, что свидетельствует о происходившем в 20—30-х годах процессе перемещения этих слов в состав соответствующих групп стилистически окрашенной лексики. В большинстве случаев процент таких ответов увеличивается и у представителей III возрастной группы, отражающей в наиболее полной степени лексические нормы 30—40-х годов. Исключение — слова *ныне*, *зачинщик*, *воин*, *вмешиваться*, *орудовать*. Почти все они принадлежат к числу слов, активно «нейтрализовавшихся» в 50—60-х годах, поэтому уменьшение процента «подтверждающих» ответов у представителей данной группы могло быть следствием позднейших изменений. У представителей IV и V возрастных групп процент «подтверждающих» ответов увеличивается только у слов *избранник*, *кончина*, *ополчиться*, *насаждать*, *воин*; как правило же, он становится меньше.

На третьей таблице были даны графики слов, по которым у представителей II возрастной группы наблюдается уменьшение процента «подтверждающих» ответов, что свидетельствует о происходившей в 20-х годах стилистической нейтрализации этих слов. У представителей III возрастной группы процент «подтверждающих» ответов заметно увеличивается у слов *воздвигнуть*, *издохнуть*, *посланец*, *старомодный* и в меньшей степени у слов *запевала*, *беспрерывно*, *закулисный*, *вожак*. У представителей IV возрастной группы процент «подтверждающих» ответов почти во всех случаях вновь уменьшается.

Более пестры данные V группы, что можно объяснить еще неустоявшимся (к моменту опроса) характером стилистических норм у этого поколения.

Таким образом, второй опрос также показал действенность метода изучения стилистического восприятия слов носителями литературного языка — представителями разных социальных, возрастных и т. п. групп с помощью смещенных контекстов.

ВОЗМОЖНОСТИ И СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТПРАВИТЕЛЕЙ РЕЧИ

Как было отмечено, Х. Касарес считает, что произвести реконструкцию стилистического восприятия слов по текстам, т. е. через отправителя речи, не представляется возможным. В высказываниях Ю. М. Скребнева по тому же поводу наблюдается непоследовательность: утверждая, что лингвист получает представление о порождающей текст системе, т. е. о языке, в итоге изучения текста, и тем самым исключая возможность получить это представление через получателей речи, он вместе с тем пре-

доставляет исследователю руководствоваться своим индивидуальным опытом.

Возможности познания стилистического восприятия слов по текстам, действительно, ограниченны, но тем не менее они есть. Поскольку исследователь, выявляя по текстам восприятие отправителя речи, сам выступает как получатель речи, эти возможности зависят от условий понимания получателем речи замыслов и установок ее отправителя.

Очевидно, следует различать такие ситуации:

1. Восприятие отправителя речи совпадает с восприятием получателя речи: а) тот и другой не воспринимают признака слова; б) и отправитель и получатель речи воспринимают признак слова.

2. Восприятие отправителя речи не совпадает с восприятием получателя речи: а) в сознании второго слово отпечатлелось с тем или иным признаком, в сознании первого без этого признака; б) признак слова воспринимает, напротив, только отправитель речи.

Безусловное понимание отправителя речи ее получателем имеет место только в ситуации 1а, когда отправитель речи, употребляя слово, не преследует ни цели сообщить те или иные сведения смыслового или стилистического характера, ни цели как-то обыграть их, а получатель речи и не помышляет о возможности какого-либо специального задания. Безусловное непонимание — в ситуации 2б: какую бы цель ни преследовал отправитель речи, используя слово, эта цель останется не понятой тем получателем речи, который не воспринимает признака слова, а то, что для отправителя речи этот признак существует — скрытым для него.

Отсюда следует, что лингвист может судить по текстам о том, воспринимает ли отправитель речи тот или иной признак слова, только в том случае, если этот признак существует для него самого.

Ситуация 2а (в сознании получателя речи слово отпечатлелось с тем или иным признаком, в сознании отправителя речи — без этого признака). Невосприятие отправителем речи признака слова оказывается для получателя речи очевидным при условии, что контекст полностью исключает не только задание сообщить соответствующие сведения, выразить субъективную точку зрения, шутить или иронизировать и т. д., но и возможность оговорки или описки. Так, то, что К. Чуковский не ощущает у слова *озираться* фамильярной окраски, явствует из цитаты: Когда на склоне лет замечательный исторический деятель принимается писать воспоминания, естественно ожидать от него, что он, *озираясь* на пройденный путь, будет больше всего вспоминать о себе и о своих знаменитых трудах (К. Чуковский. Репин как писатель). Восприятие М. Шолоховым предлога *за* (употр. с творит. падежом для указания причины) как не закрепленного за официально-канцелярским стилем проявляется в таком упо-

треблении этого слова: (Давыдов) сознавал, что стесняет Макара, но *за* суетой и тревогой первых дней как-то не было времени подыскать квартиру (М. Шолохов. Поднятая целина). Ср. употребление слов *мерещиться* и *померещиться* в текстах, исключающих фамильярное отношение к предмету речи: Я мысленно покинул Париж и на мгновение *померещилась* мне вся Россия (Бунин. Поздней осенью);— Ты *мерещилась* мне в самые трудные дни рядом со мной (Н. Емельянова. Четыре весны). Ср. также немотивированное употребление слова *отстоять* за пределами научной и официально-деловой речи: Госпиталь *отстоял* от вокзала версты на три, грязь была невылазная (А. Игнатьев. 50 лет в строю); Почти у самых дверей топилась низкая печка, устье ее *отстояло* едва на четверть от пола (И. Новиков, Пушкин в изгнании).

Но смещенные тексты, позволяющие подозревать, что слово употреблено с какой-то специальной целью, не дают возможности получателю речи судить, воспринимает ли отправитель данный признак слова.

Как известно, предмет, обладающий каким-нибудь признаком, может быть назван и словом, указывающим этот признак, и словом, не заключающим в себе такого указания (например, пеструю курицу можно назвать и пеструшкой, и просто курицей). Отрицательный «предмет» можно назвать и словом, содержащим в себе оценку, и словом, нейтральным в оценочном отношении (например, можно употребить по отношению к преступному соглашению не слово *сговор*, а слово *соглашение*). В какой-либо специфической речевой ситуации может быть использовано и слово, закрепленное за этой речевой ситуацией, и слово стилистически нейтральное (так, в обиходной речи можно сказать и *выбежала на улицу в халате* и *выскочила на улицу в халате*). Читатель же или слушатель, для которого признак слова существует, получит соответствующие сведения независимо от того, имел ли говорящий или пишущий намерение их сообщить. Эти сведения вносит в текст для получателя речи, воспринимающего признак слова, его собственное языковое сознание.

Невозможность судить о восприятии слова отправителем речи по тем текстам, которые не исключают задания внести в речь определенные сведения или какой-либо специальной стилистической цели, можно показать на примере употребления слова *сонмище* Д. Фурмановым. В романе «Мятеж» слово *сонмище* употреблено в авторской речи в сочетании со словом *враг*: Не то что сочувствовали они мятежникам, а просто боялись оставаться маленькой кучкой против такого *сонмища* врагов.

На основании этой цитаты можно было бы сделать заключение, что по представлениям Фурманова слово *сонмище* несет в себе отрицательную оценку. Однако у Фурманова встречается и такое употребление этого слова: Со всех концов идут, сжимают, близятся они (красные полки), эти *сонмища* неведомых

людей, распаляя всюду костры восстания, полымя за собою, новые, все новые и новые толпы людские (Д. Фурманов. В 18-м году). Это употребление с несомненностью свидетельствует, что в сознании Фурманова слово *сонмище* существовало как нейтральное в оценочном отношении, и что в «Мятеже» он его употреблял без задания выразить отрицательное отношение к врагам (что, конечно, не значит, что он испытывал к ним теплые чувства).

Делать заключение о том, что отправитель речи воспринимает признак слова, основываясь на случаях употребления им этого слова в типических, соответствующих предполагаемому признаку контекстах, можно лишь при условии, что в нетипических условиях без специальной мотивировки он его никогда не употребляет. Причем такое заключение будет только предположительным, поскольку нельзя быть полностью уверенным, что невосприятие признака данным лицом просто не нашло отражения в его словоупотреблении.

Так, все 11 случаев употребления слова *зачинщик* Пушкиным относятся к лицам, начинающим отрицательные действия (*зачинщик мятежа, бунта, смятения, ссоры*). Например: Но я уверена, что не вы *зачинщик* ссоры (Капитанская дочка); Он был свидетелем усмирения мятежа и казни *зачинщиков* (История Пугачева);

Но имеем ли мы право категорически утверждать, что Пушкин считал уместным слово *зачинщик* только в такого рода сочетаниях, что он ощущал в этом слове отрицательную оценку?

Свои оценочные свойства слово *зачинщик* приобрело в процессе «размежевания» со своим близнецом — словом *зачинатель*. Первоначально оба они соотносились с двумя значениями мотивирующего глагола *зачинать* — 'полагать чему-н. начало' (В 1383 г. какой-то поселянин *зачинал* поселение близ той горы, где покинут был образ.— Костомаров. Северо-русские народоправства) и со значением 'начинать делать что-н.' (Турки зашевелились за своими завалами, приняли нас пушечными выстрелами, и вскоре *зачали* отступать.— Пушкин. Путешествие в Арзрум), и оба не заключали в себе никакой оценки. Ср.: Сие происходило 12 числа августа; а о *зачинателе* того умысла еще подлинно ничего не известно (Московские Ведомости, 1758, № 95); Англия есть *зачинательница* сея разорительныя войны (Московские Ведомости, 1759, №47) и: Н. Утин был в петербургском университете; его имя, как имя Кельсиева, знакомо нашим читателям; он был в числе *зачинщиков* петербургской демонстрации (Герцен. И. Кельсиев и Н. Утин); г. Марлинский был первым нашим творцом или, лучше сказать, *зачинщиком* русской повести (Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя).

«Размежевание» слов *зачинщик* и *зачинатель* проходило путем постепенного сокращения употребительности у слов *зачин-*

щик — сочетаний, соотносительных с первым значением глагола *зачинать*, у слова *зачинатель* — сочетаний, соотносительных со вторым значением этого глагола. Сокращение употребительности соответствующих сочетаний существительных *зачинщик* и *зачинатель* началось, как видно, еще в XVIII в. Но Нордстет (1780) еще считает эти слова тождественными по значению: Зачинатель. я, м., siehe зачинщик. Как тождественные характеризуют их и САР 1789 (хотя и отмечает слово *зачинщик* только в сочетании со словами, обозначающими отрицательные действия — *крамола, раздор, ссора*), и СА ,1847, и Даль. Эта характеристика подтверждается употреблением слова *зачинщик* еще во второй половине прошлого века в контекстах, исключающих выражение отрицательного отношения к предмету речи: Основной, существенный факт европейских событий начала нынешнего столетия есть воинственное движение масс европейских народов с запада на восток и потом с востока на запад. Первым *зачинщиком* этого движения было движение с запада на восток (Л. Толстой. Война и мир). Как оценочное слово *зачинщик* отмечено впервые в СА 1905 (Тот, кто первый зачинает, или зачал что-н., инициатор, коновод, бунтовщик).

Пушкин, несомненно, был очень чуток к намечавшимся в литературном языке тенденциям изменений. Но, повторяем, можно ли с полной уверенностью считать, что он уже в начале прошлого века воспринимал слово *зачинщик* в соответствии с функциями, которые оно окончательно приобрело только в конце века?

В ситуации 1б (и отправитель, и получатель речи воспринимают признак слова), получатель речи обычно понимает текст в соответствии с замыслами отправителя речи. Исключение составляют слова, которые содержат в себе разнородные указания. Это можно показать на примере слова *бабка*.

Выше было отмечено, что это слово в современном русском литературном языке имеет грубое и оскорбительное звучание. Вместе с тем большинству представителей образованных слоев общества нашего времени оно известно и как нейтральное в эмоционально-оценочном отношении. В этом качестве оно воспринимается, во-первых, как особенность речи лиц, не являющихся носителями литературного языка, а именно, сельских жителей, в связи с чем имеет окраску внелитературного просторечия. Такое восприятие слова *бабка* находит отражение в использовании его в художественной литературе (как в речи персонажей, так и в авторской речи) в характерологических функциях. Во-вторых, оно воспринимается (в меньшей мере, как представляется, молодым поколением) как факт словоупотребления носителей литературного языка прошлого века, а также лиц, получивших образование еще до революции. Кроме того, часть современной интеллигенции, преимущественно представители старшего поколения, продолжают употреблять это слово в соответствии со старыми нормами — только как нейтральное

в эмоционально-оценочном отношении [24]. Поэтому в наше время изредка наблюдается употребление его без какой бы то ни было стилистической мотивировки, в чисто номинативных целях: Как-то ему довелось увидеть настоящую плакальщицу, которая переняла это искусство еще от своей *бабки* (Человек и закон, 1975, № 5).

Тот факт, что отправитель речи (как наш современник, так и лицо, жившее в прошлом или позапрошлом веке) не воспринимает слово *бабка* как грубое, оскорбительное, будет понято в наше время получателями речи только в том случае, если текст полностью исключает как характерологическое задание, так и цель выразиться о ком-то оскорбительно: Владимир мог...— увидев наконец, подобно великой *бабке* своей, заблуждение язычества — искать истины в разных Верах (Карамзин. История государства Российского).

Если же текст не исключает грубости и оскорбительного отношения к названному лицу, цель выразить такое отношение приписывается отправителю речи независимо от его истинных намерений: Городской сюртук распугивал деревенских ребятишек, которые за отсутствием старших, ушедших в поле, остаются дома со слепыми *бабками* или с неподвижными от старости дедами (Левитов. Целовальничиха).

Безусловным сигналом характерологического задания или принадлежности того или иного отправителя речи к внелитературной среде служит для получателя речи только употребление слова *бабка* в сочетании с именем, фамилией или прозвищем, потому что такое употребление для литературного языка не характерно: У дедушки Нечаева три дня назад умерла его жена, тихая, безответная старушка. Жили они вдвоем, дети разъехались. Старушка Нечаева, *бабка* Нечаиха, жила незаметно и умерла незаметно (Шукшин. Горе). Если же слово *бабка* употреблено вне такого сочетания, оно понимается как элемент внелитературной речи только при очень ясной и отчетливой мотивировке, как, например, в собственно-авторском повествова-

[24] Слово *бабка* еще в начале XX в. не обладало нынешней эмоциональной окраской, причем в значении 'старая женщина' применялось только к жителям деревни. В 20-х годах *бабка* в этом значении стало употребляться по отношению к старым женщинам любого общественного положения, получив при этом свойство выражать грубое, непочтительное отношение к ним. Его окраска не замедлила распространиться и на первое значение слова *бабка* 'мать отца или матери'. Однако по крайней мере до середины 30-х годов при широко распространенном восприятии его как грубого (об этом свидетельствует СУ) оно представлялось вполне уместным и в официально-деловой документации. Не случайно в Кодексе законов о браке, семье и опеке 1934 г. используется именно слово *бабка*. Очевидно, контингент лиц, сохранивших старое его восприятие или, по крайней мере, памятовавших о прежней его нейтральности, был еще достаточно велик. Но постепенно в языковом сознании носителей литературного языка все более укреплялось представление о нем как о грубом и оскорбительном. В связи с этим при составлении Кодекса законов о браке и семье РСФСР 1969 г. оказалось необходимым принять в качестве официального наименования данной степени родства другое слово — *бабушка*.

нии рассказа Лихоносова «Брянские»: Как хорошо-то у них, как здорово проходить по двору с пряслами, опять видеть корову под шелковицей, *бабку* за дойкой, старика, сидевшего на земле, приморившегося за день на выпасе. *Бабка* воспринимается здесь как просторечное на фоне областного *прясло* и просторечного *приморится*, использованных при описании деревенского быта.

При недостаточной мотивированности (что отнюдь не редкость) даже употребление, приписываемое сельскому жителю, воспринимается как проявление грубости, оскорбительного отношения к соответствующему лицу, а не как употребление, преследующее характерологические цели. Ср. реплику деревенской девушки, нашей современницы, обращенную к человеку городскому в кинофильме «Дожди»: — Знакомьтесь, это моя *бабка*.

Возможность непонимания отправителя речи ее получателем можно продемонстрировать также на примере слова *зачинщик*. Оно, как и слово *бабка*, имеет две окраски: эмоционально-оценочную и просторечную (окраску речи лиц, не владеющих нормами литературного языка).

С середины 50-х годов слово *зачинщик* стало сравнительно часто (по сравнению с 40-ми годами) использоваться в сочетании со словами *разговор, переписка, веселье* и т. п. в текстах, исключающих выражение отрицательного отношения к названному *зачинщиком* лицу и к начатым или вызванным им действиям. Отголоски такого употребления доходят и до наших дней: Демидовцы — постоянные *зачинщики* трудового рабочего соревнования (Телепрограмма «Время», 1975).

Активизация неоценочного употребления слова *зачинщик* в эти годы была вызвана двумя причинами. Во-первых, склонностью к стилистически сниженному тону и народному колориту речи, вызвавшей широкое употребление просторечных слов не только в речи персонажей художественных произведений, газетных очерков и т. п., но и в собственно авторском повествовании. Ср.: Припасли их задолго до того, как *думка* о новом клубе созрела (Из газет, 1965); — А что в Кузовлеве? — Есть одна *думка* о чистых парах (Л. Овалов. История одной судьбы); Не было и пьесы. Было нечто такое, что можно было принять за первоначальную *задумку* (Из газет, 1964); По вечерам они чисто умывались и шли туда, где собирается молодежь совхоза, где играют гармони, где *зачинаются* песни (Вл. Солоухин. Рождение Зернограда); На одной из строек создалось тяжелое положение. На *подмогу* решили попросить квалифицированную бригаду бетонщиков из другого управления (Из газет, 1964); Он подбадривающе улыбнулся и *подсобил* (Из газет, 1963).

Вторая причина — склонность к оживлению внутренней формы слов и к использованию их без тех немотивированных наслоений, которые они получили после утраты внутренней формы. Такое употребление часто преследует цель (особенно в газетно-публицистической речи) создать эффект необычности,

неожиданности словоупотребления. Оценочные свойства слова *зачинщик* словообразовательно не мотивированы: ни глагол *зачинать,* ни суффикс *-щик* их не имеют. Авторы, склонные к экспрессии необычности словоупотребления, восстанавливая внутреннюю форму слова *зачинщик*, отметают, отбрасывают эти свойства. Ср., например: Ну, кто хочет быть *зачинщиком*? Никто? Понятно: привыкли считать, если *зачинщик*, то обязательно драки, ссоры, неприятности... Даже в словарях слово «*зачинщик*» объясняется как обидчик. А почему? Разве зачинать — начинать можно только плохое? Давайте, ребята, докажем обратное! Согласны? (Из газет, 1964).

Однако в конкретных случаях определить, с чем связано неоценочное употребление слова *зачинщик* — преследует ли оно характерологические или экспрессивные цели или отражает представление говорящего об этом слове как о неоценочном, как правило, затруднительно. В ситуации, когда и получатель, и отправитель речи воспринимают признак слова, первый объективно понимает словоупотребление в соответствии с замыслами и целями второго. Однако судить с уверенностью о характере восприятия слова отправителем речи получатель речи не может: как уже отмечено, отличить случаи, когда слово употреблено с целью сообщить соответствующие сведения, от случаев, когда эти сведения вносит в текст языковое сознание самого слушающего или читающего, практически невозможно.

ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В каждый данный период одно из конкурирующих представлений о признаке лексической единицы — его восприятие или невосприятие — может быть господствующим. Если так, для данного языкового факта объективно существует семантическая или стилистическая норма. В других случаях оба конкурирующих представления о признаке слова имеют приблизительно равное распространение в коллективе носителей литературного языка. Следовательно, объективно существует два варианта нормы.

Если те или иные языковые представления являются господствующими, при кодификации нормы следует ориентироваться именно на них. В таком случае кодифицированная норма безусловно будет оказывать консервирующее влияние на литературный язык, так как требованиям ее неукоснительного выполнения будет естественно подчиняться большинство. Иное дело, если объективно существуют две нормы. Так как норма-кодификация устанавливается на длительное время, наличие незначительных, могущих сгладиться через некоторое время расхождений в частоте конкурирующих оценок того или иного языкового факта не может служить основанием для признания одной

из этих оценок нормативной, а другой ненормативной. Преимущество должно отдаваться тому, что более перспективно, следовательно, необходимо учитывать, какая из оценок представляет собой явление новое, распространяющееся, а какая старое, убывающее, какая из них распространена в более влиятельных в языковом отношении группах населения и т. д. В некоторых случаях, вероятно, допустимо признание вариантов не только произносительной, морфологической и т. п., но и семантической и стилистической нормы. Существование таких вариантов может быть указано замечаниями типа «слово преимущественно такое-то» (пока их неправомерно применяют к словам, которые употребляются для субъективной характеристики предмета или обстоятельств речи).

Если же признак слова имеет диффузный характер, т. е. если значительное количество носителей литературного языка, считая естественным употребление слова в определенного рода контекстах, в то же время снисходительно относится к немотивированному использованию его в контекстах противоположного характера (если оно воспринимается, например, и как оценочное, и как неоценочное), то это говорит не о вариантах нормы, а об ее отсутствии. В таких случаях лексикографу не остается ничего другого, как руководствоваться своими пристрастиями.

Таким образом, в идеале для стилистической квалификации лексической единицы требуется выяснить, как воспринимает ее то количество информантов (исходя из общего числа носителей литературного языка), при котором результаты обследования как можно более приближались бы к речевой действительности. Необходимый объем выборки мог бы быть определен статистическим методом.

Но достижим ли этот идеал? И обязательно ли стремиться к его достижению?

Для суждений о коллективных стилистических представлениях в прошлом исследователь, как сказано, располагает характеристиками слов современниками и письменной речью изучаемого времени. Суждения по текстам о коллективных языковых представлениях, как и суждения о стилистических представлениях отдельных лиц, могут иметь лишь предположительный характер. Причем более обоснованными являются предположения о невосприятии того или иного признака. Восприятие признака слова отправителями речи обычно остается скрытым для получателя речи, потому что слова чаще употребляют так, что цель внести в речь соответствующую информацию или какая-то специальная стилистическая цель имеет в тексте то или иное подтверждение (синтаксическими, интонационными средствами, с помощью слова, заключающего в себе ту или иную информацию и т. п.) или может быть заподозрена. Но именно поэтому даже отдельные случаи использования слова в «противопоказанных» контекстах позволяют предполагать, что дан-

ный признак слова не воспринимают более или менее значительная часть языкового коллектива, особенно если эти предположения подтверждаются свидетельством словарей и высказываниями современников.

Так, употребление слова *сонмище* в XVIII, XIX вв. и даже в советское время в текстах, исключающих выражение отрицательного отношения к собранию тех или иных лиц, в прошлом веке безусловно было господствующим, и даже в 20-х годах нашего века еще имело довольно широкое распространение: Демон. Клянуся *сонмищем* духов, Судьбою братий мне подвластных, Мечами ангелов бесстрашных, Моих недремлющих врагов (Лермонтов. Демон); Начать песнопенье готов я стою — О чем же я старый и бедный спою Пред *сонмищем* сим величавым? (А. К. Толстой. Слепой). Ср. также переносное употребление слова *сонмище* в сочетании с существительными, обозначающими не людей, а предметы (в широком смысле): Четыре монастыря, два собора и двадцать четыре церкви — как живописно издали такое священное *сонмище* (Муравьев. Путешествие по святым местам Руси); Или я живой, и во мне есть неживые частицы, называемые клеточками, или есть *сонмище* живых клеточек, а мое сознание жизни не есть жизнь, а только иллюзия (Л. Толстой. О жизни).

СУ (т. 1, 1940), дав этому слову помету *книжн. устар.*, теперь *пренебр.*, как очевидно, отразил незадолго перед тем завершившиеся изменения.

Случаи употребления слов *насаждать, насадить, насаждение* в XIX начале XX в. и в советское время лицами, получившими образование до революции, в текстах, исключающих как указание на насильственность распространения, внедрения каких-нибудь взглядов, порядков, методов и т. п., так и отрицательную оценку этих действий, также дают основание считать, что некогда носители литературного языка не воспринимали соответствующих признаков этих слов: Анализируя историческую часть книги г. Исаева, я выделил из нее сведения... об артелях, *насаженных* земством в конце 60-х и начале 70-х годов, как об артелях новейшего времени (Русская мысль, 1883); Нужно развивать производственные силы страны, нужно расширять сеть железных дорог, нужно *насаждать* школы (Стеногр. отчеты Гос. думы, 1907); Можно ли было в 1912 году, во время процесса Бейлиса, представить себе, что через шесть лет гражданин Виппер будет сотрудничать в Калужском продовольственном комитете и способствовать *насаждению* советского социалистического строя? (Крыленко. Обвинительные речи, 1919); Проект этот является началом осуществления грандиозной программы в области *насаждения* специального образования среди широких рабочих масс (Из газет, 1920); Позволю себе остановиться на антрепренерах вообще, *насаждавших* сценическое искусство в провинции (Ю. Юрьев. Записки); Я с ним расхожусь. Он считает, что в человеке надо *насаждать* хоро-

шее, а я считаю, что надо бороться с плохим (Федин. Первые радости).

Использование слова *озарить*, имеющего теперь значение ‘ярко осветить’, писателями досоветского времени и советскими писателями старшего поколения в значении ‘осветить’ в текстах, где торжественный или поэтический тон речи не соответствует заданиям авторов, говорит, что это слово не всегда имело возвышенную окраску и заключало в себе указание «ярко»: Это тусклый и лучистый, желтоватый блеск замерзшего окна, за которым вокзальный фонарь. Он мутно и неприятно *озаряет* сумрак вагона (Бунин. Новая дорога); —Ну-ну,— только и сказал Гаврила, *озаряя* его (портрет) свечой (А. Н. Толстой. Петр Первый); Люди ели подсолнухи, раздавалось пение, комнатный желтый свет падал на тротуар, ярко *озарялась* съестная лавка (Ю. Олеша. Лиомпа); Заседание Совнаркома началось, как всегда, под председательством Ленина, сидевшего у окна за письменным столом, уютно *озаренным* настольной электрической лампой под круглым зеленым абажуром (Раскольников. На боевых постах).

Использование в прошлом веке и в советское время писателями, языковые нормы которых сложились до революции, слов *давеча* и *зачать* в речи персонажей — представителей образованных слоев общества при общении их с лицами своего круга и в собственно-авторской речи позволяет сделать заключение, что в прошлом эти слова воспринимались как равно уместные и в речи народных масс, и в речи говорящих на литературном языке.— Я тебе уже *давеча* раз уступил,—опять стукая молотком в землю, кричал Игнатий,— ты еще *давеча* нарушил правила (Бунин. На даче); [Потехин (Мастакову)] *Давеча* я тут говорил... Все это можно было сказать иным тоном, конечно (М. Горький. Чудаки); Когда я писал *давеча* об языке Островского, я тогда же подумал о гр. Толстом (Северный вестник, 1886, № 6); Шепот, который Авилов слышал *давеча* за стеной, перешел в сдержанный, но довольно громкий разговор (Куприн. Ночлег); Приятное возбуждение, то самое, с каким *давеча* танцевал мазурку и слушал музыку, теперь томило его и вызывало в нем множество мыслей (Чехов. Черный монах); Он опять, как и *давеча*, поперхнулся и заплакал (С. Подъячев. За язык пропадаю); Резервы, которые он *давеча* заметил с мельницы, приближались густыми массами (А. Н. Толстой. Хмурое утро); Он достал пакет, который *давеча* принес экспедитор, и стал просматривать (Ю. Тынянов. Пушкин).

Что может иметь своим последствием образование на месте ядра, в котором бы *зачалось* единение вместо розни, взаимная поддержка вместо постоянной борьбы? (Русская мысль, 1883, кн. I); Там, где в двери балкона лампа смутно светила, *Зачинались* песни, И веселые речи Молодых голосов Раздавались неясно... (Бунин. Поздним летом...); Ему было стыдно перед божьим светом, перед *зачинающимся* днем (Федин. Братья);

В свою очередь это пришло от парижских новинок, любования импрессионизмом и *зачинавшегося* еще только неоимпрессионизма (И. Грабарь. Моя жизнь).

Если слово, заключающее в себе какие-либо сведения, стало использоваться в «противопоказанных» условиях, это дает основание для заключений о начавшемся процессе утраты этого признака. Такие заключения оправданы еще и потому, что необычное употребление слова в письменной речи, особенно если оно исходит от авторитетного лица, может оказаться заразительным (впрочем, в основном для лиц, недостаточно уверенных в правильности своей речи).

Так, А. М. Селищев отмечает, с одной стороны, употребление в 20-х годах разговорных слов в деловых документах, свидетельствующее о их нейтрализации: Необходимо городскому активу серьезно проработать все эти вопросы (Из постановления ЦК РКП, 1925). С другой стороны,— нейтрализацию книжных, в частности, возвышенных слов: «В течение времени некоторые из этих слов с распространением в широких кругах становились терминами обиходной речи, равнозначащими с прежними словами, близкими к ним по значению»[25]. Вот некоторые из приведенных им примеров употребления книжных слов в разговорной речи: Какие предпосылки для этого? Я не мыслю, чтобы это было так. Мы еще не знаем, поскольку (=потому что) секретарь отсутствует (из речи рабфаковца). Я его знаю, поскольку я живу здесь (из разговоров на базаре в Городце, Нижегор. г.).

Немотивированное употребление в 50—60-х годах слов *воин, останки, прах* 'тело умершего', *ныне, врачевать* и др. в текстах, исключающих возвышенный эмоциональный тон, говорит о появлении контингента носителей литературного языка, не воспринимающих окраски этих слов: К нам приходит много демобилизованных *воинов* с довольно смутным представлением о рыбацкой профессии (Из газет, 1964); Об этом свидетельствуют бронзовые горняцкие орудия труда, найденные рядом с *останками* древних людей (Вокруг света, 1962); По другой версии, Грозный был отравлен. Действительно, анализ *праха* выявил в нем два отравляющих вещества: мышьяк и ртуть (Из газет, 1964); Что он *поведал* мне? Производственное управление освободило его от заведования фермой в совхозе «Кальпинский». На этой должности Байзаков не проработал и года (Из газет, 1963); Накануне сева условились платить свекловодам за каждый центнер собранных корней по рублю (*ныне* по 75 копеек) (Из газет, 1962); Неизбежный отход этого производства — азот. *Ныне* его выбрасывают в атмосферу (Из газет, 1964); Наконец, до войны было немало специальных учреждений — диспансеров и лечебниц, лечебно-трудовых колоний, где алкоголи-

[25] *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928, с. 47.

ков и *врачевали*, и, главное, воспитывали трудом (Из газет, 1963); Женщины и дети *воочию* увидели, как сыщики вели закованного в наручники Освальда (Из газет, 1963).

Употребление книжных слов *надобно* и *нежели* в речи, отличающейся сниженным стилистическим тоном, свидетельствует о распространении восприятия их как нейтральных: — Еще *надобно* купить садовых ядов и перечислить за бензин и покрышки (В. Лукашевич. Перепеловский председатель, 1955); Легче отработать две смены подряд, *нежели* добраться на работу или с работы... (Из письма в «Известия», 1965).

Использование слова *газетчик* в текстах, исключающих фамильярный тон: Газета берет человека всего, и тот, кто познал атмосферу редакционного дома, полюбил свежий, пахнущий типографской краской газетный лист, нашел друга-читателя,— тот человек станет *газетчиком* на всю жизнь (Из газет, 1956), слов *вмешиваться* и *соучастник* в речи, где о соответствующих действиях говорится с одобрением: Я считаю работу месткома хорошей. Местком, например, постоянно *вмешивается* в работу профоргов (Запись устной речи, 1963); Мы просим *вмешаться* в нашу жизнь, дать возможность, чтобы мы могли прийти с работы в свой угол и отдохнуть (Из газет, 1964), позволяет предполагать, что число лиц, которым эти слова ничего не сообщают об отношении отправителя речи к соответствующим лицам или действиям, увеличилось. В совокупности же использование как нейтральных и этих, и большого числа не отмеченных здесь слов говорит о том, что нейтрализация эмоционально- и функционально-стилистической лексики была специфической чертой этих десятилетий. Показательно, что этот процесс захватил и слова, приобретшие окраску к концу прошлого — началу нашего века (*зачинщик, соучастник*) или даже в советское время. Так, о былой нейтральности слова *газетчик* свидетельствует такое замечание В. Маяковского: Чистые литераторы орут — газета снижает стиль, газета повседневностью оттягивает от углубленных тем. «*Газетчик*», с легкой руки Тальникова, начинает становиться в определении писательских размеров чуть ли не бранным словом (Журналист, 1929, № 4).

Установить по текстам в о с п р и я т и е какого-нибудь признака языковым коллективом гораздо сложнее.

Предположения о распространенности в о с п р и я т и я признака слова в коллективе носителей литературного языка не могут основываться только на случаях его регулярного употребления в типических контекстах (соответствующих предполагаемой у слова информации). Слово *сонмище*, например, будучи нейтральным в эмоционально-оценочном отношении, широко употреблялось в сочетании со словами, обозначающими лиц отрицательных: Сей змий, который нам от адских мраков дан, Кого здесь *сонмище* злодеев обознало, В изгибах хитрости свое вращая жало, Там нашего отца стремился уязвить (Я. Княжнин. Владисан); Но как ни громадно *сонмище* равно-

душных, населяющих вселенную, я не могу причислить к нему моего друга Крамольникова (М. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы). Отрицательное отношение ощущается и при употреблении этого слова вне сочетаний и в сочетании со словами, обозначающими лиц, которые в разных ситуациях могут оцениваться по-разному: Много *сонмищ* пировало За трапезой твоей (П. Вяземский. Ночь в Ревеле).

В тех цитатах из произведений прошлого века, где так или иначе выражено шутливо-ироническое задание (или можно допустить, что оно имеется), современный читатель ощущает обыгрывание не только возвышенной окраски, но и оценочных свойств слова *сонмище*: Всем *сонмищем* гостей, отцов, матерей и посторонних зрителей и любителей с удовольствием вязли мы по колено в жирных и глубоких пластах накопившегося в скотнике навоза (Г. Успенский. Кой про что).

Совершенно очевидно, что Я. Княжнин и М. Салтыков-Щедрин, употребляя это слово в сочетании со словами *злодей, равнодушный*, не имели в виду подчеркнуть свое отрицательное отношение к названным отрицательным лицам, П. Вяземский — выразить субъективное отрицательное мнение о собрании каких-то не названных в цитате лиц или указать на отрицательность их поведения в данной ситуации, а Гл. Успенский — усилить шутливо-иронический тон текста.

Ср. употребление слова *озарить* в XIX в., когда оно было стилистически нейтральным (см. выше), в поэтически и патетически окрашенных текстах: Утихшее озеро алело; берега, *озаренные* и спокойные, изображались в нем, как в зеркале (Жуковский. Вадим Новгородский); И *озарен* луною бледной, Простерши руку в вышине, За ним несется Всадник Медный На звонко скачущем коне (Пушкин. Медный всадник).

Предположение о распространенности восприятия признака должно основываться на закономерностях формирования языковых представлений. Делая на основании текстов заключения о восприятии какого-либо признака слова, лексикограф или лексиколог должен учитывать не только регулярность употребления этого слова в соответствующих контекстах, но и влияние факторов, сдерживающих или, напротив, способствующих тому, что обобщенные признаки таких контекстов в сознании носителей литературного языка становятся признаком самого слова, в частности, влиятельность тех или иных речевых сфер и отдельных авторов, причины социального характера и т. д.

Если исследуются факты языка прошлых периодов, исследователь вынужден довольствоваться такими ограниченными возможностями изучения, как письменные тексты и высказывания современников о способности слова вносить в текст ту или иную информацию или о неуместности его в каких-либо речевых условиях. При изучении современных норм, он, во-первых, может опираться на собственные языковые представления. А, во-вторых, исследователя окружают живые носители лите-

ратурных норм, и он может использовать их не только в качестве отправителей речи (причем как письменной, так и устной), но и в качестве получателей речи, наблюдая их непосредственные реакции на слово и провоцируя эти реакции экспериментальным путем.

Возможности изучения коллективных языковых представлений через получателей речи в принципе неограничены: опросить с помощью смещенных текстов можно любое количество информантов, и результаты массового обследования могут быть подвергнуты вероятностно-статистической проверке. (Представляется, однако, что использование этого метода для оценки результатов обследования не может иметь большого значения. Статистический метод помогает установить, случайно ли различие в частоте обследуемых явлений или оно закономерно, обусловлено предполагаемыми исследователем факторами. Особенно важна статистическая проверка гипотез при равновероятностных колебаниях частоты сопоставляемых явлений, но при установлении нормы, как отмечено, именно в этих случаях требуется не статистический, а лингвистический подход. Иной точки зрения придерживается Л. К. Граудина. Она считает возможным определять статистическим методом, что признавать «нормой» в случае равновероятностных колебаний вариантов, например, для отдельной неустойчивой падежной формы[26].)

Однако при проведении опросов выявилась не только большая их трудоемкость, но и трудности чисто психологические. С готовностью и охотой работала над вопросником, в частности над его стилистическими заданиями, сравнительно небольшая часть информантов (причем некоторые из них не ограничивались зачеркиванием неуместных или подчеркиванием наиболее уместных слов, но и предлагали синонимические замены, объясняли причины неуместности). Достаточно сказать, что из более чем 3000 вопросников, которые были возвращены в Институт (нередко после неоднократных напоминаний и просьб, а значительная часть и вообще не была возвращена), все три стилистических задания были выполнены приблизительно в одной трети. Многие информанты «устали» уже от предыдущих заданий. И дело, видимо, не только в занятости или пассивности, но и в боязни ошибиться, показать свою некомпетентность, хотя при заполнении анкеты не требовалось указывать фамилию. Эта боязнь особенно давала о себе знать при первом опросе, когда экспериментальные тексты предлагались знакомым. Очевидно, что включать в вопросник более 30—35 слов нецелесообразно. Следовательно, массовому обследованию может быть подвергнуто лишь очень ограниченное (по сравнению со всей массой лексики, маркированной в эмоционально-оценочном или функционально-стилистическом отношении) число слов.

---

[26] *Граудина Л. К.* Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая — чаю*).— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VII. М.: Наука, 1966.

Учитывая трудности массового обследования, придется признать, что от лексикографов и лексикологов при стилистической квалификации слов можно лишь требовать учета не только собственного языкового чутья, но и чутья некоторого числа представителей образованных слоев общества.

Но не означает ли сказанное неизбежного субъективизма стилистической кодификации? Опыт опросов позволяет ответить на этот вопрос отрицательно. Предположения автора о широком распространении восприятия или, напротив, невосприятия функционально-стилистической и эмоционально-оценочной окраски слов в коллективе носителей литературного языка в целом и в отдельных возрастных и социальных группах, основанные на самоанализе, на наблюдениях над употреблением слов и разного рода высказываниях современников (включая сюда пометы словарей, ориентирующихся на языковое чутье), полностью подтвердились и при первом, и при втором опросе, т. е. при обследовании 43 слов. Некоторое несовпадение результатов ожидаемых и результатов полученных относится только к количественной стороне дела. Так, предполагалось, что процесс нейтрализации слова *зачинщик* в 50—60-х годах повлиял приблизительно на 30% носителей литературного языка, т. е. что ответов, отражающих восприятие его как оценочного будет около 70%. Получено же их было при втором опросе 56,6%.

Очевидно, что лексикограф и лексиколог может определить, какое восприятие является наиболее распространенным, и уловить тенденции изменений в слове и без массового опроса. Не случайно стилистические пометы СУ в основной своей массе представляются справедливыми и в наши дни. (Несовпадение, как правило, объясняется изменением стилистического статуса слов.) Пометы этого словаря, как и других словарей, ориентирующихся на языковое чутье, представляют собой важные свидетельства коллективного сознания своего времени.

Прибегать к опросу следует тогда, когда обойтись без него решительно невозможно.

* * *

Итак, начинать изучение стилистических признаков слова следует с самоанализа. Сопоставление исследуемого слова с его безусловно стилистически нейтральным или безусловно стилистически окрашенным синонимом имеет при самоанализе важную, но вспомогательную роль: само по себе такое сопоставление не может выявить признаки слова, оно только усиливает впечатление от изолированного слова или слова в тексте, причем не только то, которое исходит от самого слова, но и то, которое придает ему контекстное окружение.

Оба вторичных признака стилистически окрашенных слов — их окраска и их «идеальная» (в языковом сознании) контекстная закрепленность выявляются уже при непосредственном об-

ращении к языковому чутью. Дифференциальный признак таких слов — заключенная в них дополнительная (непредметная) информация выявляется подбором «немых», т. е. не содержащих подозреваемой у слова информации, и смещенных, т. е. содержащих сведения противоположного характера, контекстов, как реальных, так и придуманных самим исследователем.

Языковые представления современных получателей речи можно установить по их реакции на предложенные им смещенные относительно предполагаемого признака слова тексты. В принципе этим способом можно опросить любое количество носителей литературного языка. Но трудности организации опроса, а главное, то, что восприятие лексиколога или лексикографа, как правило, соответствует восприятию большей части его современников, в том числе представителей наиболее авторитетных в языковом отношении групп населения, позволяет ограничиваться опросом сравнительно небольшого числа лиц.

Языковые представления носителей литературного языка как своих современников, так и лиц, живших в прошлом, исследователь может реконструировать по текстам. О невосприятии отправителем речи предполагаемого признака слова говорят случаи употребления этого слова без какой-либо мотивировки в смещенных относительно данного признака текстах. Употребление его в этих условиях разными лицами свидетельствует, что данный признак не воспринимает значительная часть коллектива носителей литературного языка. Если отправитель речи употребляет слово только в типических для данного признака контекстах, можно предположить, что в его сознании слово существует с предполагаемым признаком. Основанием для предположений о восприятии какого-либо признака слова значительной частью говорящих на литературном языке может служить регулярное употребление этого слова в контекстах, содержащих подозреваемую у него информацию, и существование факторов, которые могли способствовать его закреплению за такими контекстами.

Для суждений о коллективных языковых представлениях, особенно в прошлом, важны также критически осмысленные исследователем на основе самоанализа характеристики слов писателями, общественными деятелями и т. п., и особенно стилистические пометы словарей.

ЧАСТЬ II

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ВИДЫ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Итак, дифференциальным признаком стилистически окрашенной лексики (признаком, которым она отличается, с одной стороны, от стилистически нейтральной лексики, а с другой — как от конструктивно-стилистической, так и от ассоциативно-стилистической лексики) является заключенная в ней непредметная информация, тогда как ее способность вызывать то или иное стилистическое впечатление и особенности ее употребления — это признаки побочные, с синхронной точки зрения вторичные и производные. Отсюда следует, что в основу ее классификации должен быть положен именно данный признак. Это, разумеется, не значит, что исследователям нужно отказаться от характеристики стилистического впечатления, которое вызывает то или иное слово, та или иная группа слов. Напротив, указание окраски — обязательный элемент стилистической характеристики слов, потому что, как будет показано далее, за схожей стилистической окраской может стоять разная, и даже принципиально разная дополнительная информация.

Непредметная информация, которую несут в себе слова, соответствует тем экстралингвистическим обстоятельствам, которые в лингвостилистике принято называть стилеобразующими факторами. Это та или иная характеристика формы речи, сферы общения, назначения речи, ее содержания, взаимоотношений между говорящим и адресатом речи, отношения говорящего к предмету речи, самого говорящего — с точки зрения его принадлежности к той или иной социальной, возрастной, по уровню образования и т. п. группе населения. Непредметной информацией являются и характеристики самого слова как вульгарного, неприличного, неправильного, устарелого и т. п., содержащиеся в некоторых лексических единицах. Причем в одной и той же лексической единице могут сосуществовать разные характеристики.

Но признание непредметной информации дифференциальным признаком стилистически окрашенной лексики еще не дает оснований считать, что непредметная информация всегда имеет стилистический характер. Поэтому необходимо остановиться, рассмотрев те случаи, когда семантический характер предметной информации и стилистический непредметной не вы-

зывает сомнений,— на разнице между семантическими и стилистическими признаками слов.

Представленный в первой части анализ слов и приведенный ниже материал показывают, что отправители речи используют лексику не в соответствии с заключенной в ней непредметной информацией не только в шутливо-иронических целях и ради эффекта неожиданности, необычности словоупотребления, но и для того, чтобы дать субъективную характеристику тем конкретным неязыковым обстоятельствам, в которых протекает речь. Например, чтобы внести струю холодности, отчужденности в отношения между близкими людьми или, наоборот, создать обстановку непринужденной дружественности отношений между лицами, находящимися в деловых, официальных отношениях; чтобы приподнять предмет речи над уровнем обыденности или, напротив, отразить обиходно-бытовой взгляд на него; чтобы выразить одобрительное отношение к отрицательному явлению или неодобрительное к положительному. Поэтому непредметная информация в принципе не ограничивает возможностей применения слов в нетипических контекстах. «Одно и то же можно сказать или написать по-разному. Содержание, мысль могут остаться при этом вполне неизменными, но изменится тон и окраска самого изложения мысли, а это, как известно, существенно влияет на восприятие содержания и предопределяет разные формы реакции на услышанное или прочитанное»[1]. Правда, возможности употребления стилистически окрашенных слов не в соответствии с их окраской и заключенной в них дополнительной информацией не беспредельны. Их ограничивают требования жанра (более или менее строгие, что связано со степенью их функциональной оправданности), а также речевые привычки и правила речевого этикета,— т. е. норма-узус. Так, включение разговорной лексики в такие официально-деловые жанры, как заявление в дирекцию, судебный приговор, объяснительная записка к проекту, инструкция к прибору или механизму, даже если оно вызвано осознанным стремлением говорящего внести в документ стилистически сниженный тон, подойти к предмету речи с позиций обиходно-бытовой жизни, будет воспринято не только специалистами, но и неспециалистами как резкое отклонение от сложившихся норм словоупотребления. Точно так же фамильярный тон по отношению к покойнику неуместен, а патетический по поводу разбитой чашки смешон, пусть даже он оправдан эмоциями говорящего и его намерением выразить эти эмоции. Подобного рода употребление представляет собой речевую стилистическую ошибку. Языковой же стилистической ошибкой является ничем не мотивированный сдвиг, вызванный оговоркой: *Мне повезло, я нарва-*

[1] *Винокур Г. О.* О задачах истории языка.— В кн.: *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз Мин-ва просвещения РСФСР. 1959, с. 221.

лась на хороших людей. Ой, как я сказала! (Устная речь, 1964), намеренным игнорированием признака слова: *Теннис высокого класса — это всегда поединок интеллектов, дуэль мыслей. Теннисист должен действовать на корте пусть и страстно, но непременно расчетливо* (*какой бы неприятный оттенок ни имело это слово*) (Из газет, 1965), или тем, что в сознании говорящего слово по тем или иным причинам запечатлелось без данного признака: *Я получила от моей знакомой М. письма с настойчивым приглашением приехать в Сочи и познакомиться с ее братом. Так как наше знакомство было преднамеренным и, самое главное, все понравились друг другу, мы решили зарегистрироваться* (Из газет, 1964).

Иное дело применение слова к предмету, не обладающему тем признаком, на который оно указывает. Такое употребление не может служить цели высказать субъективное мнение о данном предмете: сдвиги относительно предметного содержания слова возможны только при его обыгрывании — метафорическом, метонимическом, шутливо-ироническом, в целях создать эффект неожиданности способа выражения (см. выше о современном использовании слова *диалог*). Всякий предметный сдвиг, не преследующий целей обыгрывания сведений о признаках обозначаемого предмета, представляет собой ошибку. В одних случаях,— если сдвиг объясняется незнанием предметных признаков слова,— это ошибка по отношению к языку. Ср., например, употребление слова *подать* в значении ‘дать’: *Юноша подал водителю пять рублей.— Плати, как договорились,— сказал водитель. Юноша подал ему еще три рубля* (Литература и жизнь, 1959,— пример из словаря-справочника «Правильность русской речи». М.: Наука, 1965). В других — ошибка неязыкового характера. Так, если кто-нибудь назовет пеструю курицу чернушкой, то вовсе не для того, чтобы выразить субъективное мнение, что пестрый и черный одно и то же, а потому, что он видит какую-то курицу черной (скорее всего из-за плохого освещения). В темноте можно зайца принять за кошку и назвать его кошкой; не зная отличительных особенностей волка, назвать его собакой; будучи дальтоником, назвать красное зеленым.

Очевидно, что употребление слова, заключающего в себе сведения о содержании речи, ее назначении, взаимоотношениях между ее адресантом и адресатом и т. п., для субъективной характеристики конкретных обстоятельств общения и для создания соответствующего речевого колорита имеет стилистический характер: при таком употреблении реализуются потенциальные стилистические возможности слов. Таким образом, непредметную информацию следует считать стилистической, если слова, которые ее в себе содержат, могут быть использованы в указанных целях.

Необходимо также остановиться на принципах классификации стилистически окрашенной лексики.

Поскольку в основу выделения этой лексики положена заключенная в ней непредметная информация, ее классификация должна отражать объективные связи и соотношения между соответствующими неязыковыми обстоятельствами.

Между сферой общения, оценкой говорящим обозначаемого словом предмета, оценкой им самого слова, принадлежностью его к той или иной группе населения нет отношений частного к общему. Это равноправные, независимые друг от друга экстралингвистические факторы. Поэтому нет оснований считать, что слова, содержащие в себе одни из указанных сведений (например, сведения о сфере общения), составляют типы стилистически окрашенной лексики, а содержащие другие — их виды и разновидности. В современном русском литературном языке существует четыре самостоятельных типа стилистически окрашенной лексики: лексика, характеризующая сферу своего употребления, лексика, характеризующая отношение говорящего к предмету речи, лексика, характеризующая говорящего, лексика, заключающая в себе «самооценку» (эта лексика в работе специально не рассматривается, отмечаются лишь отдельные слова, содержащие данный тип непредметной информации). Поскольку за лексикой, несущей в себе стилистическую информацию, оставлено (как условное) наименование *стилистически окрашенная лексика*, ее типы целесообразно называть, признавая условность терминов, соответственно *функционально окрашенной лексикой, лексикой экспрессивной окраски, социально окрашенной лексикой, эстетически окрашенной лексикой.* То, что одни лексические единицы несут в себе какой-то только определенный тип информации, а в других заключена информация разнотипная, говорит, что выделенные типы лексики лежат в пересекающихся плоскостях. Если лексическая единица несет в себе разнотипную информацию, она одновременно входит в состав разных типов стилистически окрашенной лексики.

Каждый из трех первых типов стилистически окрашенной лексики (четвертый составляет исключение ввиду разнохарактерности сведений о слове) распадается на два подтипа, противопоставленных друг другу (по характеру сведений о соответствующих экстралингвистических факторах) и лексике, не содержащей в себе никаких сведений данного типа. Отсюда следует, что стилистическая нейтральность лексических средств должна рассматриваться применительно к каждому типу стилистически окрашенной лексики в отдельности. Нейтральная в функционально-стилистическом отношении лексика может быть ненейтральной в эмоционально-оценочном отношении и т. д.

Что касается заключенных в словах сведений о форме речи, ее содержании, назначении, взаимоотношениях между общающимися, то они представляют собой характеристику отмеченных факторов как принадлежащих той или иной сфере общения. Следовательно, лексические единицы, заключающие в себе соответствующие сведения (причем эти сведения также могут

сосуществовать — в разных комбинациях — в одной и той же лексической единице), составляют разновидности функционально окрашенной лексики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЕКСИКА, СООБЩАЮЩАЯ О СФЕРЕ СВОЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

К этому типу относится часть (как представляется, бóльшая) той лексики, которую принято называть, имея в виду производимое ею стилистическое впечатление, разговорной и книжной и характеризовать как функционально-стилистическую. С точки зрения дополнительной информации наименованиям разговорная и книжная соответствует лишь незначительная группа слов, сообщающих о сфере своего употребления,— те, что указывают форму речи. Тем не менее представляется целесообразным сохранить эту терминологию за всей лексикой данного типа.

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА

Исследование информации, стоящей за разговорной окраской, в наше время осложнено тем обстоятельством, что современная речевая стилистическая норма, норма-узус, которая, как было отмечено, обладает не только ограничивающей, но и разрешающей способностью, допускает разговорные интонации за пределами обиходно-бытовой сферы жизни почти во всех ситуациях общения. Не говоря уже о том, что разговорная лексика, причем лексика с яркой разговорной окраской, широким потоком включается в собственно авторское повествование художественных произведений, она обычна в мемуарной литературе, в публицистических произведениях, в научно-популярных статьях и книгах, в научной речи, и не только устной (ср., например, использование разговорных элементов в выступлении диссертанта на Ученом совете: сейчас уже прошло *страшно* много времени; славянский термин, который *прочно сидит* в терминологической системе; я всегда *ужасно* боялась; как он определяет..., ну, *кучу разных* понятий; поскольку у меня нет больше разногласий с оппонентом, то я кончу *разговоры* по поводу этих *вещей*), но и в письменной, правда, чаще не в журнальных статьях, а в монографиях, где автор имеет больше прав на индивидуальный стиль.

Как чужеродные разговорные слова ощущаются в некоторых деловых и официальных документах (статьях законов, судебных приговорах, объяснительных записках к проектам, ин-

струкциях к сложным приборам и механизмам и т. п.): вызываемые ими ассоциации с небрежной по оформлению, непринужденной устной речью бытового содержания, обращенной к хорошо знакомому собеседнику, резко противоречат назначению этих документов — объективно, предельно точно, исключив возможность разных толкований, зафиксировать в письменном виде (причем, не для отдельных лиц, а для группы лиц или общества в целом) сведения, факты из научной, производственной, административно-управленческой и т. п. областей жизни. Так, в приведенном ниже примере словом *кладовка* (ему соответствует нейтральное *кладовая*) нарушен стиль судебного приговора: Хищения производились путем непосредственного изъятия продуктов из *кладовки*, продажи продуктов за наличный расчет и присвоения денег. В ответе на вопрос анкеты о родителях представляются неуместными слова *мама* и *папа*, употребленные вместо принятых в качестве официальных наименований *мать* и *отец*: *Мама* врач, *папа* инженер. В адресе на конверте — слово *девчата*: Пермская обл., г. Кунгур, Ленина 53-а, общежитие *девчат* (следовало бы — женское общежитие).

Характер дополнительной информации разговорно окрашенных слов ярко проявляет себя и при объединении их с контрастными им по окраске книжными элементами. Ср. пример, взятый из описания журналистом поездки на рыболовецком судне: Из-за горизонта медленно *лезет светило* (Вокруг света, 1964, № 4).

В основном же о характере разговорных слов приходится судить на основании того, что они вносят в тот или иной «книжный» по своим неязыковым показателям текст несвойственную этому типу текстов стилистическую струю.

Среди лексики с разговорной окраской обнаруживается больше, чем среди лексики с книжной окраской, слов, которые указывают лишь на форму речи.

К ним принадлежат, например, *ведь* (и как союз, и как частица), частица *то*, *чуть* и т. п. Наиболее употребительные в устной обиходно-бытовой речи (например: Как музыке идти? *Ведь* вы не так сидите.— И. Крылов. Квартет; Вам, Андрюша, сапоги-*то* починить надо бы,— так вы ноги простудите!— М. Горький. Мать; Моя мать, *чуть* случится ей заболеть, сейчас же пьет можжевеловую настойку.— Сергеев-Ценский. Преображение России), они вместе с тем не останавливают на себе внимание при любом содержании устной речи, при любых отношениях участников речевого акта. Так, слушатели не ощутят никакой нарочитости, никакого задания создать сниженный стилистический тон при использовании таких слов в устном научном докладе, тем более при разговоре аспиранта с научным руководителем. Но в письменную речь, даже в речь автора-повествователя в художественном произведении они вносят интонации устной речи. Ср.: Но *чуть* я только упомянул об Англии,

Степан Александрович окинул меня своим тяжелым взглядом (Н. Лесков. Бесстыдник); *Чуть* прихрамывая, вошел в комнату Белозеров (Саянов. Лена). В научных текстах эти интонации должны быть особенно заметны, так как они хотя и допускаются современной стилистической нормой-узусом, но остаются чуждыми таким текстам, не отвечающими их прямому назначению. Ср., например, слово *чуть* в устной научной речи, где оно вне всяких сомнений осталось бы незамеченным слушателями: *Наречие характерно обладает чуть заметной книжной окраской*, и в той же фразе в письменной речи. Ср. также эффект от замены *так как* на *ведь*: *В научных текстах эти интонации должны быть особенно заметны, так как эти интонации, хотя и допускаются...— В научных текстах эти интонации должны быть особенно заметны. Ведь эти интонации, хотя они и допускаются...* В устной речи такое употребление также осталось бы незамеченным.

Отдельные слова с разговорной окраской характеризуют речь, за которой они закреплены, не только как устную, но и как неподготовленную, характерную для непринужденно-дружеского общения, когда говорящий не связан необходимостью следить за способом своего выражения.

Таково, например, слово *может* в значении вводного слова. Оно, как и рассмотренные выше слова, широко употребительно в устной обиходно-бытовой речи (например: — Ты, *может*, нездоров, Павлуша?— спрашивала она его иногда.— Нет, я здоров!— отвечал он.— Худой ты очень!— вздохнув говорила мать. М. Горький. Мать) и также не останавливает на себе внимания ни в лекции о международном положении, ни в речи председательствующего на научной конференции (*Может*, еще кто-нибудь хочет выступить с сообщением?) и т. д. В авторское повествование оно тоже вносит интонации устной речи. Ср.: Давно уж, лет десять, а *может* и пятнадцать, как жил он в Диканьке (Гоголь. Ночь перед рождеством). Но в письменный научный текст оно вносит диссонанс. Ср., например, замену: Для уточнения выводов, *может быть* (или *возможно*), следует проделать эксперимент — на: Для уточнения выводов, *может*, следует проделать эксперимент.

Такую же по характеру, но более интенсивную окраску имеет наречие *так* в значении ‘как есть, без дополнительных средств, усилий, труда и т. п.’: — Кто же ее (рыбу) чистить будет?— Буркнул Петро.— Для чего чистить?— удивился Саша.— Не надо чистить. *Так*, целиком ее едят (В. Беляев. Старая крепость); Никогда не забыть мне пальцев Оськиной матери, которыми она брала почерневшие, с ростками картофелины. Она их не чистила, осторожно кусала прямо *так* (В. Белов. Калорийная булочка).

Но гораздо больше разговорно окрашенных слов, которые указывают на свою закрепленность и за устной формой речи, и за обиходно-бытовым содержанием высказывания.

Так, *видно* в значении вводного слова, типическим контекстом которого является такой, например: [Дарья Васильевна:] Что это там за шум такой? [Билетерша:] *Видно*, доклад кончился (Ромашов. Великая сила), при включении его в письменный научный текст (в устном оно почти не выделяется на фоне других слов) вносит в него не столько интонации устной речи, сколько интонации обиходно-бытовые. Ср.: Для подтверждения выводов, *по-видимому* (или *очевидно*), следует провести эксперимент — и: Для подтверждения выводов, *видно*, следует провести эксперимент.

Довольно часто такие слова указывают также и на непринужденно-дружескую обстановку общения. Таковы, например: *неважно* ‘не очень хорошо’ (— Живешь-то как? — Да *неважно*), *ничего* ‘довольно хорошо, сносно’ (— Ну, как живешь, можешь? — *Ничего.*— Решетников. Ставленник), междометие *ну* (—Больно же, пустите, *ну* вас к дьяволу. А. Н. Толстой. Гадюка), *там* в значении частицы: [Губин:] Здорово, Василий... [Достигаев:] Вот не ожидал! Рад... очень рад... [Губин:] Ну, *где там* — рад? (М. Горький. Достигаев и другие) и т. д.

Среди слов с разговорной окраской много также таких, которые, указывая обиходно-бытовую сферу своего употребления, безразличны к форме речи. К ним относится, например, частица *бывало*: — А матушка-то, *бывало*, прикроет синие глаза да так заведет песню на великую высоту (М. Горький. Детство); Простой воспитанник природы, Так я, *бывало*, воспевал Мечту прекрасную свободы (А. Пушкин. Кн. Голицыной. Посылая ей оду «Вольность»).

Безразличны к форме речи (чувствительны только к ее содержанию) слова *печка, стенка, коленка* и т. п. Ср. типичные контексты их употребления в письменной речи (в авторском повествовании): Оська пошел к *печке* (к тому времени мать лежала уже в самой *печке*), понес пригоршни «блинков» (В. Белов. Калорийная булочка); Грузовик ревел, дребезжала фара, *коленки* у Кузьмича подпрыгивали и были как железные (Е. Носов. Мост); Дворы обнесены толстыми низкими *стенками* из камней (Гладков. Энергия).

Слово *кладовка*, отмеченное в судебном протоколе и вносящее в него диссонанс, принадлежит именно к этой группе разговорных слов. Очевидно, что и слова *стенка, коленка, печка* в аналогичных условиях обнаружили бы заключенную в них информацию. В более слабой степени они ее обнаруживают при переносном их использовании. Ср.: Незаметно вырастала роковая *стенка*, навсегда разделяющая самых близких людей (Мамин-Сибиряк. Мать-мачеха).

Часть разговорных слов не просто сообщает о своей принадлежности к речи обиходно-бытового содержания, но относит соответствующую реалию к обиходно-бытовой сфере жизни, указывает, что она рассматривается с обиходно-бытовых позиций, с обиходно-бытовой точки зрения. Приведенная ниже цитата на

слово *картофель* (...Блюдо будет называться *картофель* по-касплянски. Повар — Гореликова Евдокия Ивановна) имеет такое продолжение: *Мы съели по две порции этой картошки; настолько она была вкусна и привлекательна.* Изменение точки зрения на соответствующий предмет — официально-деловой на обиходно-бытовую,— здесь проявляется с достаточной отчетливостью.

Обиходно-бытовой подход к обозначаемому предмету отражают и слова *морковка, кино, пятерня* 'кисть руки' (типический контекст этого слова: Солдат начинает яростно скрести *пятерней*: сначала голову, затем грудь. — А. Куприн. Ночная смена), *сноровка* (Это дело требует *сноровки*) и др.

К этой же группе относятся слова *высыпать* (*Высыпали* на улицу все от мала до велика.— М. Шолохов. Тихий Дон), *выскочить* (Из-за рощи *выскочил* грузовик с пустыми снарядными ящиками.— К. Симонов. Третье лето), *повалить* (Публика с шумом *повалила* к выходу.— Фадеев. Молодая гвардия), *застрять* и *выбраться* (Машина *застряла* в дороге и не может *выбраться* из грязи.— Чаковский. Это было в Ленинграде), *пристроиться* (Я только что *пристроился* на одном (суку), как вдруг из загороды вышла Афониха.— В. Белов. Калорийная булочка), *разыграться* (К этой поре война, которую все в деревне считали недолгой, *разыгралась* не на шутку.— Там же), *покатиться со смеху* (Вронский *покатился со смеху.* И долго потом, говоря уже о другом, закатывался он своим здоровым смехом, выставляя свои крепкие сплошные зубы.— Л. Толстой. Анна Каренина), *примоститься* (*Примостившись* в углу возле печки, он долго разговаривал с хозяйкой.— Саянов. Лена), *приткнуться* (Емельян расположился на печке... Марья с двумя ребятишками *приткнулась* в углу на кровати.— Неверов. В плену), *натянуть* (*Натянув* на плечи жакетку, она быстро пошла прямо через круг.— Л. Володин. Полинька из Лесного) и т. п.

Эти слова не только относят соответствующие действия, предметы и т. п. к обиходно-бытовой сфере жизни, но, благодаря своей внутренней форме, дают им специфически бытовую характеристику.

Среди слов с разговорной окраской особую, хотя и весьма немногочисленную группу, составляют слова *мама, папа, тетя, дедушка.* Следует отметить, что в прошлом веке разговорная окраска была свойственна и слову *бабушка.* Причем оно, как и слово *дедушка*, имело ясную внутреннюю форму: носители литературного языка не только знали, но и непосредственно воспринимали производность слова *бабушка* от *бабка*, а *дедушка* от *дед*, выделяя в них суффикс *-ушк.* Поэтому оба эти слова не были нейтральны по эмоционально-стилистическому тону. Словарь Академии Российской 1789 г. и Словарь церковно-славянского языка, сост. Вторым отд. Академии наук (т. 1, СПб., 1847) характеризуют их как приветственные. Словарь русского языка,

сост. Вторым отд. Академии наук (т. 1, вып. 1, СПб., 1891; вып. 3—СПб., 1895) — как ласкательные к *бабка* и *дед*. По-видимому, в прошлом веке они звучали приблизительно так, как в наше время *нянюшка, хозяюшка, скворушка, соседушка, тестюшка.*

Но после перехода слова *бабка* в разряд грубой лексики *бабушка* уже не могло восприниматься как ласкательное к этому слову и вскоре утратило свою эмоциональную окраску. На первых порах оно продолжало употребляться по преимуществу в разговорной речи. Но по мере все большего огрубления слова *бабка* это слово в его 1-м значении (мать отца или матери) все чаще стало употребляться вне обиходно-бытовых условий общения не для того, чтобы внести в речь разговорные интонации, а несмотря на эти интонации, потому что иного способа избежать грубости не было. В результате такого вынужденного употребления его ассоциативные связи с обиходно-бытовыми контекстами становились все слабее, пока оно полностью не утратило стилистическую окраску. Не случайно в Кодексе законов о браке и семье РСФСР 1969 г. оно было принято вместо слова *бабка* как официальное наименование данной степени родства. См., например, статью 83 «Обязанности *деда* и *бабушки* содержать своих внуков».

Дедушка под влиянием изменений в слове *дед* также утратило эмоциональную окраску ласкательности. Но полной его нейтрализации в 1-м значении препятствует то, что роль официального наименования этой степени родства выполняет слово *дед*.

Слова *мама, папа, тетя* и *дедушка* представляются наиболее естественными в употреблении соответственно сыновей, дочерей, племянников, внуков при обиходно-бытовом общении и в устной, и в письменной форме как с лицом, названным тем или иным из этих слов, так и с другими родственниками. Причем в употреблении лиц любого возраста. Отметить это необходимо потому, что СА 1847 г. дает такое определение слову *мама*: «Имя матери, которым называет ее младенец». Изменения произошли, как очевидно, в связи с выходом из употребления слов *маменька* и *матушка.*

Здорова ли *мама*? Поцелуй ее за меня (В. И. Ленин. Письмо М. И. Ульяновой 25 декабря 1894);— *Мама*,— сказал Павел,— вы сходите, принесите книг (М. Горький. Мать).

— *Папа*! Ну, *папа* же!— плаксиво взывал Петя к отцу (Катаев. За власть Советов).

Надев чувяки, дедушка легко встает и раскладывает прутья в две кучи, одну, совсем маленькую, для меня и огромную для себя.— *Дедушка*, я больше могу,— говорю я,— давай еще... (Ф. Искандер. Дедушка).

Это типические контексты указанных слов. Какую же информацию заимствовали они из этих контекстов?

Употребление слов *мама, папа, тетя, дедушка* детьми или очень молодыми девушками и юношами, не являющимися соот-

ветственно сыновьями или дочерьми, племянниками или внуками тех, кто назван этими словами, воспринимается как особенность словоупотребления этого контингента носителей языка:

— Вы *мама* Павла Власова?— Да,-- ответила мать (М. Горький. Мать); По-моему, великолепные статьи,— сказала Таня с глубоким убеждением.— Вы прочтите, Андрюша, и убедите *папу* писать почаще (А. Чехов. Черный монах); — Девочки, лектор пришел!— слышит Дорофея.— Это не лектор,— говорит другой голос.— Лектор мужчина. Это Люсина *тетя* (В. Панова. Времена года).

Такое же употребление их взрослыми воспринимается как «цитация» словоупотребления детей или как отражение чужого восприятия.

— Что *мама*?— спросил он, водя рукой по гладкой, нежной шейке дочери (Л. Толстой. Анна Каренина);— Ну, Валичка, я не могу учить девушку, как целовать любимого человека,— сказал режиссер.— Но так, как вы это делаете, можно целовать только свою *тетю* (Кетлинская. Дни нашей жизни).

Интересный случай обыгрывания такого восприятия слова *мама* находим у С. Баруздина: А я, верно, знаю Сережку сто лет. Со дня рождения!... И *маму* его, *мать*, знаю с тех лет (Я люблю нашу улицу).

И в том, и в другом случае впечатление необычности употребления обнаруживает, что слова *мама, папа, тетя, дедушка* заключают в себе характеристику отношений между соответствующими лицами и их детьми, племянниками, внуками как интимно-родственных и душевных.

Другая информация, которую заключают в себе перечисленные слова, обнаруживает себя при употреблении их детьми, племянниками, внуками соответствующих лиц при общении их с людьми, с которыми у говорящих нет ни родственных, ни дружеских отношений. Употребление их в этих условиях придает обстановке речи какой-то домашний, интимный характер, создает стилистическое впечатление дружеской непринужденности между говорящим и адресатом речи, что, однако, может показаться последнему (или третьему лицу) несколько вольным, не вполне уместным. Ср., например:— Знакомьтесь, это моя *мама* (моя *тетя*, мой *папа*, мой *дедушка*) в речи начальника, обращенной к подчиненному при их случайной встрече, или, напротив, в речи подчиненного, обращенной к начальнику.

Ощущение неуместности этих слов в употреблении посторонних лиц возникает, если такое употребление нельзя оправдать «цитацией» или заданием отразить восприятие данного лица, особенно если говорящий не состоит в дружеских отношениях с этим лицом. Ср., например:

С тех пор как она стала одна — *мама* умерла вскоре после ее развода с мужем...,— она и научилась по-особенному ценить и беречь свое не зависимое ни от кого сосредоточенное одиночество (Ю. Скоп. Техника безопасности).

Или в беседе врача, предназначенной для взрослых: И *мама* проявила здесь настоящее упорство, без маминой помощи мы не смогли бы вылечить Витю (Радио, 1974). Ср. также замечания в спортивных передачах, типа:— Это тренер и *мама* чемпионки.

Резкое впечатление неуместности возникает и тогда, когда слово *мама* употребляет сын или дочь, слово *тетя* — племянник или племянница и т. п., но в условиях, когда «демонстрация» родственной привязанности, родственной интимности отношений оказывается по меньшей мере лишней, а задание создать тон непринужденной дружественности отношений с адресатом речи— не оправданным обстоятельствами. Такая ситуация возникает при необходимости назвать соответствующее лицо в официальной обстановке общения (ср. в ответе на вопрос анкеты: *Мама* врач, *папа* инженер).

Употребление слов *мама*, *папа*, *тетя*, *дедушка* в условиях, где они создают диссонанс, как правило, связано с сомнениями и колебаниями отправителя речи и объясняется тем, что *мать* и *тетка* в этих условиях представляются еще более неуместными из-за их грубости. Показателен рассказ филолога о выступлении на суде в качестве свидетельницы: Когда судья спросил меня:— Кем доводится вам гражданка Ситникова?— я растерялась. Как сказать: *тетка* как-то грубо, *тетя* слишком интимно. Сказала все-таки *тетка*.

Не испытывают сомнений при использовании этих слов за пределами обиходно-бытовой речи только те, кто или не ощущает второй окраски слов *мать* и *тетка* (окраски официального наименования), или страдает стилистической глухотой.

В меньшей мере связано с сомнениями использование в указанных условиях слова *дедушка*. С одной стороны, *дед* здесь кажется менее неуместным (ср.: Кем вам доводится гражданин Сидоров? — Это мой *дед*), а с другой, разговорная окраска слова *дедушка* слабее, чем *мама*, *тетя* и не столь резко констрастирует с требованиями официально-деловой речи. Кстати, постановка в этот же текст слова *бабушка* подтверждает отсутствие у него разговорной окраски.

Совсем не связано с сомнениями употребление в официальных условиях слова *папа*, поскольку слово *отец* имеет только одну окраску официального наименования. Но именно поэтому использование слова *папа* в этих условиях представляет собой редкое явление: оно свидетельствует о безразличии говорящего к стилистическому эффекту, создаваемому употреблением слов в неподходящих условиях.

КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА

Стилистическая информация сосуществует в знаменательном слове на равных правах с предметной.

«Служебные слова как лексемы лишены тех номинативных значений, которые характеризуют самостоятельные слова: они

не называют предметов, свойств, действий; их лексические значения — это значения, абстрагированные от тех отношений, в которые вступают предметы, свойства и т. п., названные самостоятельными словами, и в выражении которых служебные слова принимают участие» [1].

Так, союзы *потому что, так как, поскольку, вследствие того что, в связи с тем что, в силу того что, благодаря тому что, ибо, потому как, потому* указывают на причинные отношения между главным и придаточным предложениями и служат для выражения синтаксической связи между ними. При этом «союзы *потому что, так как* и *поскольку* противостоят всем остальным, т. к. они способны выражать причинные отношения наиболее общего и отвлеченного характера: в зависимости от семантического наполнения предложения придаточная часть может содержать указание как на непосредственную причину, так и на более отдаленные содействующие или объясняющие обстоятельства, например: *Никто сегодня огород не копал, потому что* (*так как*) *весь день шел дождь*; ...*потому что* (*так как*) *еще вчера все вскопали*... Широта и отвлеченность семантики союзов *потому что, так как* и *поскольку* позволяет им выражать не только собственно причинные отношения, но и отношения логического обоснования... Другие союзы предложений гибкой структуры не могут выражать отношений логического обоснования; все они имеют частные собственно причинные значения, определяющиеся семантикой входивших в их состав предлогов. Союз *благодаря тому что* обычно выражает благоприятствующую причину; союз *вследствие того что* — причину, непосредственно вызывающую результат; союз *в связи с тем что* — собственно причинную зависимость... Вводимая союзом *ибо* придаточная часть заключает поясняющее, обосновывающее и подтверждающее комментирование» [2].

Очевидно, что и общее указание причинной обусловленности, и ее нюансы, характерные для отдельных союзов, составляют их основную информацию.

Но различия между перечисленными союзами не ограничиваются тем, что отмечено Грамматикой-70.

Поставим союз *потому что* в экспериментальную фразу: *В этом году мы успели собрать весь урожай, потому что до октября стояла сухая погода.* Эта фраза, как очевидно, была бы равно уместна и в дружеском разговоре с человеком, приехавшим в деревню в гости, и в письме к близким, и в газетной статье, и в докладе перед официальными лицами. Союз *потому что* не заключает в себе сведений относительно сферы своего употребления. Он звучит естественно и в устной обиходно-бытовой речи: *Не ем, потому что не хочу* (речение из СУ), и в речи

---

[1] Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970 (Грамматика-70).

[2] Там же, § 1569.

повествователя в художественном произведении при бытовом ее содержании: В залах... было темновато, *потому что* днем берегли газ (А. Куприн. Гамбринус), и в патетически окрашенной устной речи: Мы победим, *потому что* мы — с рабочим классом! — уверенно и громко сказала Софья (М. Горький. Мать) и т. п.

Поставив в ту же фразу союз *так как*: *В этом году мы успели собрать весь урожай, так как до октября стояла сухая погода*, обнаружим, что в устный обиходно-бытовой по содержанию и по отношениям между общающимися разговор эта фраза внесла бы чуждый ему стилистический «аромат». В то же время в письме к близким при том же содержании она не обратила бы на себя внимание, казалась бы вполне естественной (ср. употребление этого союза в авторском повествовании бытового содержания: Спали в риге, *так как* в избе было душно. Сергеев-Ценский. Лесная топь). Это говорит о том, что союз *так как* сообщает о письменной форме речи (характеризуя ее как специфичную для надбытовой сферы общения, что и обусловливает стилистически повышенную окраску этого союза).

Ощущение неуместности в экспериментальной фразе союзов *в связи с тем что* и *вследствие того что,* неоправданности их включения в эту фразу (ср.: *В этом году мы успели собрать весь урожай, вследствие того что до октября стояла сухая погода; В этом году мы успели собрать весь урожай, в связи с тем что до октября стояла сухая погода*) основывается на том, что с вводом этих союзов содержание главного предложения получает характеристику как такое, которое нуждается в объяснении его причин, даже оправданий, тогда как оно такого объяснения, а тем более оправдания не требует (урожай-то убрали!), т. е. о семантическом сдвиге. Ощущение неловкости фразы исчезает, если ее смысл изменить на противоположный: *В этом году мы не успели собрать весь урожай, вследствие того что до октября стояла дождливая погода*; *В этом году мы не успели собрать весь урожай, в связи с тем что до октября стояла дождливая погода.* Обе эти фразы воспринимают как цитаты из какого-то официально-делового документа.

Таким образом, союзы *в связи с тем что* и *вследствие того что* заключают в себе указание на сферу своего употребления и на специфические для этой сферы цели высказывания. Обыгрывание той и другой информации в шутливых целях современный читатель ощущает в следующей цитате: Настал мой черед — сказать приветствие. Я его не повторю здесь, *вследствие... Вследствие того, что* у хорошего стихотворения Нет хорошего повторения (Д. Бедный. Кострома).

Ту же информацию содержит в себе и предлог *вследствие.* Ср. употребление этого предлога писателями прошлого: Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее и *в следствие* сего приготовился (Пушкин. Барышня-крестьянка); На пороге ее показалась.... Прасковья Савишна, почти

никогда, *вследствие* запрещения князя, не входившая к ней в комнату (Л. Толстой. Война и мир).

Союз *ибо* также представляется более уместным не в фразе: *В этом году мы успели собрать весь урожай, ибо до октября стояла сухая погода*, а в фразе: *В этом году мы не успели убрать весь урожай, ибо до октября стояла дождливая погода.* Однако он представляется уместным и в фразе с положительным смысловым содержанием: *В этом году мы успели собрать весь урожай, ибо труженики села проявляли чудеса трудового героизма.*

Дело, очевидно, в том, что союз *ибо*, в отличие от союзов *в связи с тем что* и *вследствие того что*, заключает в себе не указание на необходимость объяснения причин того, что сказано в главном предложении, а указание на их анализ, исследование; высказывание с *ибо* приобретает характер умозаключения.

С этим указанием связана закрепленность союза *ибо* за соответствующим содержанием — требующим анализа, исследования, и соответствующими разновидностями речи. Эти особенности союза *ибо* отчетливо обнаруживаются при использовании его в устной обиходно-бытовой речи:— *Давайте поторопимся, ибо наш поезд отходит буквально через пять минут* (Радио, 1968).

Ср. также современное звучание цитаты: Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, *ибо* тотчас голова закружится (Лермонтов. Княжна Мери) и ее же звучание при замене союза *ибо* союзом *потому что*: Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, *потому что* тотчас голова закружится.

Патетический, приподнятый тон, который ощущается в тексте: *В этом году мы успели собрать весь урожай, ибо труженики села проявляли чудеса трудового героизма* и в такой, например, цитате:— *Каждое твое желание будет выполнено, и б о ты заслужил это верной службой родине* (Бабаевский. Кавалер Золотой звезды), видимо, обусловлен особенностями контекста, а не заключен в самом союзе *ибо*.

Информация о целях высказывания и о сфере употребления, заключенная в рассмотренных союзах, создает им окраску книжности. Эта информация сосуществует в них с информацией грамматической, являясь по отношению к ней информацией дополнительной.

Уже пример существительного *диалог* и рассмотренных союзов показывает разнообразие той дополнительной информации, которая создает стилистическое впечатление книжной окраски. Слово *диалог* определенным образом характеризует содержание речи, в которой оно может быть употреблено без всякой специальной мотивировки, и отношение между участниками речевого акта; к форме речи оно безразлично. Союз *так как* предъявляет определенные требования к форме речи и безразличен

как к ее содержанию, так и к характеру отношений между общающимися. Союзы *вследствие того что, в связи с тем что, ибо* заключают в себе указание целей высказывания: первые два связаны с установлением причин описываемых событий, третий — с размышлениями, рассуждениями. При этом *вследствие того что* и *в связи с тем что* связаны и по содержанию высказываний и по позиции говорящего по отношению к адресату речи с речью официально-делового характера (но, так сказать, широкого профиля), союз же *ибо* не «привязывает» ни содержание речи, ни говорящего к какой-либо сфере жизни или деятельности.

Степень интенсивности книжной окраски и ее характер зависят от того, на какие условия речи (за пределами обиходно-бытовой сферы жизни) указывает слово. Показать здесь все эти условия не представляется возможным, ограничимся лишь основными.

Слабую степень книжной окраски имеют те слова, которые подобно союзу *так как*, указывают только на письменную форму речи (но их, как представляется, немного).

Слабую окраску имеют слова, закрепленные за рассуждениями, размышлениями, если они не связаны с каким-либо определенным содержанием или разновидностью книжной речи.

Таково, например, наречие *характерно* в синтаксической позиции *характерно, что...* и *...что характерно.* Если слово *ибо*, имеющее яркую книжную окраску, характеризует содержание речи как далеко отстоящее от обиходно-бытовой повседневности, то *характерно* лишь своей закрепленностью за рассуждениями, размышлениями несколько приподнимает как содержание речи, так и самого говорящего над уровнем обыденности. Заключенная в этом слове информация обнаруживает себя при использовании его в устной обиходно-бытовой речи. Интересен такой пример. В компании интеллигентов, потешаясь над неким малокультурным человеком, передают его рассказ о приеме, устроенном за границей для делегации, в состав которой он входил: «В первой комнате все на подачку. И *что характерно* — и во второй тоже.» Один из присутствующих иронически замечает: — Этакий интеллектуал! (Устная речь, 1973). Способность слова *характерно* придавать речи окраску рассуждений и «приподнимать» ее содержание проявляется и в таком немом тексте:— Или возьмем, например, Славика. Теперь в Институт иностранных языков, *что характерно*, поступил, женился и уже трое детей.

Указание на закрепленность за речью, в которой рассматриваются причины и следствия, значение каких-либо фактов, действий и т. п. и которая ведется вне сферы обиходно-бытовой жизни, но не связана с какой-либо определенной областью деятельности, содержат в себе *причем, с тем чтобы, период, явление, предварительно.* Об этом можно судить по текстам:

— И мне пришлось одному ремонт делать *в условиях* темноты (говорит шофер; Кинофильм «Расскажи о доме своем»);— *Причем* я уверена, что она вцепилась в него мертвой хваткой (Кинофильм «Горожане»);— Я открыла форточку, *с тем чтобы*, когда вернусь, в комнате был свежий воздух (Устная речь, 1976);— Я всю жизнь работал.— Ты и работал, и не работал. Был *период*, когда ты не работал (Устная речь, 1974);— Ростепель кончится. Это временное *явление* (кинофильм «Вдовы»); Инспектор долго молчал, а когда подошли к автобусной станции, сказал на прощанье:— Давайте в конце лета к нам за грибами. У нас их пропасть!— *Предварительно* созвонимся,— пообещал Губенко (Л. Словин. Дело без свидетелей).

Очень слабую книжную окраску имеют официальные наименования лиц, предметов, действий и т. п. (например, *картофель*, *морковь*, *кинотеатр*, *супруги* и т. п.). Они закреплены не за какой-либо разновидностью речи или группой разновидностей речи, а вообще за такими речевыми ситуациями, когда требуется строго, исключив возможность каких бы то ни было ассоциаций, свойственных их синонимам, принятым в бытовой речи, назвать данный объект.

Так, типическим для слова *кинотеатр* является такой, например, контекст: В последнее время на экраны *кинотеатров*, домов культуры и клубов страны выходит большое количество киноспектаклей в постановках лучших театральных коллективов (Р. Захаров. Искусство балетмейстера).

Типическим для слов *картофель* и *морковь* — такого рода употребление (возможное например, в газетной заметке): *В этом году собран хороший урожай картофеля и моркови*; *В магазины города завезли молодой картофель.* Или:— *...Блюдо будет называться картофель по-касплянски. Повар — Гореликова Евдокия Ивановна* (говорит заведующая столовой) (Наш современник, 1978, № 11).

Осознание носителями языка отмеченного назначения таких слов отражено в цитате: Часы, проведенные с Александровым, Степановым и другими *сапожниками* (их чаще называют *обувщиками*, и один из них объяснил почему: «Потому что «сапожник» звучит теперь как ругательство»), убедили меня, что причина рассудительности не только в «сидячем образе жизни» (Из газет, 1976). Правда, значение слова *обувщик* понято здесь неверно: обувщики это не сапожники (точно так же швейники это не портные), а все, кто причастен к производству обуви.

Естественно, что речевые ситуации, за которыми закреплены официальные наименования, специфичны для общения за пределами обиходно-бытовой сферы жизни, что и является причиной стилистической окрашенности таких слов.

При использовании их в условиях обиходно-бытовой речи (особенно устной) они не кажутся неуместными, не создают диссонанса, но обнаруживают непринятость такого их употребле-

ния. Ср.: Пойдем в *кинотеатр*? Фильм, говорят, отличный!; Люблю молодой *картофель*; Муж-то твой кто? — *Обувщик* он у меня.

Стилистический характер слова *супруги* обнаруживает себя в таком тексте:— Итак, *супруги* Рэнник, Юлия и Ардо Рэнник (репортаж о соревнованиях по фигурному катанию, 1978).

Ярче окраска у тех слов, которые указывают, что говорящий выступает как лицо, которое делится с адресатом речи своим жизненным опытом, своими наблюдениями, рассказывает о событиях далекого прошлого, свидетелем которых он был. Таково, например, слово *впоследствии*. Заключенная в нем информация обнаруживается в таком, например, тексте:— Ему девятый день. Всего девятый день. Ну, что с него спросишь? *Впоследствии* будет парень что надо (Кинофильм «Сережа»).

Ср.: Что сталось *впоследствии* с Бурмакиным, я достоверно сказать не могу (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина) и: Что сталось *потом* с Бурмакиным, я достоверно сказать не могу.

Типическим для этого слова контекстом представляется такой: Здесь раньше были хорошие лиственные леса, *впоследствии* уничтоженные пожарами (Арсеньев. По Уссурийскому краю).

Таковы же слова *поведать*, *минуть*, *впервые* и т. д.

Ярче окраска и у слов, закрепленных за речью делового содержания и назначения. Таково, например, *полагать*; ср. эффект от использования его в тексте обиходно-бытового содержания:— Тебе нравится подметать полы? Тогда подметай. Я ведь *полагала*, что ты насильно себя заставляешь, я не знала, сыночек (Афиногенов. Мать своих детей).

К этой же группе принадлежат *далее* (типический для него контекст: *Далее* он пишет о том, что...), *и так далее*, *затем* и т. п. Ср. изменение стилистического впечатления при замене слова *потом* словом *затем* в цитате: Под окном залаяли собаки, *потом* (*затем*) скрипнула калитка, и в хату вошел человек (Солоухин. Рождение Зернограда). И напротив, при замене слова *затем* словом *потом*: В Мугайском заводе я пробыл недели две, а *затем* (*потом*) уехал в другую часть Урала (Мамин-Сибиряк. Авва).

Ярче окраска у слов, связанных с речью, в которой что-то исследуется, анализируется. Ср. употребление одного из таких слов в речи обиходно-бытового содержания: Пахло керосином, тухлой рыбой и еще чем-то сладковатым, что всегда *привносит* запах бакалеи (Г. Марков. Строговы).

Таково же слово *конфигурация*. Его стилистические свойства обнаруживаются не только в экспериментальном тексте устного обиходно-бытового типа:— Ой, какая странная *конфигурация* у этой вещи!, но и в цитатах: Паром-пароход быстро... направляется в свою ячейку— шлюз. Шлюз имеет точную *конфигурацию* парома, это как бы его футляр (Первенцев. В Исландии); Хирург поднес к свету снимок, на котором было четко видно

инородное тело странной *конфигурации.* Что бы это могло быть? (Из газет, 1964).

Типическим для него контекстом представляется такой, например: *Конфигурация* морских берегов, островной или материковый характер суши оказывают громадное влияние на всех ее обитателей (В. Комаров. Происхождение растений).

Закрепленность за какими-то определенными областями деятельности и общения влияет не столько на интенсивность окраски, сколько на ее характер.

СУ иллюстрирует *в качестве кого-, чего-либо* двумя речениями: *Некоторые наречия употребляются также в качестве предлогов* и *Мы пригласили его в качестве опытного лица.* Второе из этих речений позволяет сделать заключение, что *в качестве,* в отличие от *как* указывает не только на наличие у кого- или чего-либо каких-то признаков, но и на выполнение кем- или чем-либо какой-то роли, каких-то функций.

Но отличие *в качестве* от *как* этим не ограничивается. *В качестве* указывает на свою закрепленность за речью, которая ведется за пределами обиходно-бытовой сферы общения и имеет назначение — изложить положение дел в какой-либо области деятельности, констатировать существование каких-то фактов, явлений и их взаимоотношения (такое назначение может иметь и научный, технический и т. п. текст, и текст официально-деловой). Это выявляется в обиходно-бытовых текстах типа: *Я использую эти блюдца в качестве поддонов;— Кто эта старушка?— Она работает у моих соседей в качестве няни.*

Таково же слово *путем.* Ср. его сдвинутое (в шутливо-иронических целях) употребление: Получали недавно тринадцатую зарплату рабочие одного завода. Выдача была обставлена торжественно:... Рядом с кассиром сидел заместитель председателя цехового комитета профсоюза и поздравлял каждого рабочего *путем* пожатия руки (Из газет, 1969).

Типический для этого слова контекст такой: Дуня продолжала:— *Путем* воспитания можно воздействовать на свойства любого растения (Николаева. Жатва).

Слово *супруга* в последнее время часто употребляют «без тени улыбки» в текстах типа:— *Приходите к нам в воскресенье. И супругу с собой захватите.* Такое употребление отражает восприятие слова *супруга* как заключающего в себе окраску почтения, уважения, но не имеющего книжной окраски. Однако значительная (и наиболее культурная) часть носителей литературного языка ощущает его как книжно окрашенное. Показателен случай, рассказанный сотрудником проектного института (1978 г.):— Когда я сказал начальнику: «Вам звонила супруга», одна моя сослуживица очень возмутилась:— Какая она *супруга,* она жена. *Супруга* только у посла или президента.

Женщина, о которой здесь рассказывается, интерпретировала сдвиг, который она ощутила при отмеченном употреблении слова *супруга,* как предметный (семантический). Однако осо-

бенности этого слова имеют стилистический характер: оно, действительно, наиболее уместно в применении к жене посла или президента, но только в официально-деловой речи. В текст:— *Посмотри-ка, а ведь это идет супруга мексиканского посла*, оно вносит такой же диссонанс, как и в обращение к начальнику:— *Вам звонила супруга.*

Слово *указанный* закреплено как за научно-деловой, так и за официально-деловой речью, *ввиду, вышеназванный* — за официально-деловой.

Ср. немотивированное использование *ввиду* в авторском повествовании (Шевельнуться нельзя *ввиду* близости перепелки.— Пришвин), а *вышеназванный* — в статье на моральные темы в институтской многотиражке «Менделеевец» (1968 г.): С некоторыми положениями *вышеназванной* статьи можно не соглашаться, спорить, но то несомненно, что она затронула весьма важный вопрос, на который нельзя не реагировать.

Вменять имеет официально-канцелярский характер:— А что касается посещения на дому — одно время требовали, а сейчас это не *вменяют* нам в обязанность (учительница в разговоре с пионервожатой).

Особую группу книжных слов составляют слова, основное назначение которых — поставить предмет речи над уровнем обиходно-бытовой жизни или отнести его к какой-либо определенной области деятельности. Таково, например, слово *всесторонне.* Характеристику содержания речи, которая в нем заключена, обнаруживает такой текст: *Мы с женой всесторонне обсудили твою просьбу приехать к тете на лето.*

Глагол *возложить* (венок) указывает, что действие рассматривается как некий официальный акт и производится представителями какой-то организации, делегацией, а не частными лицами. Ср. использование его вне этих условий: Постояли над могилой старого большевика, *возложили* к подножию обелиска венок (Пальман); Они прислали нам деньги, чтобы мы купили цветы и *возложили* их на могилу Володи Дубинина (Радио, 1970).

Ср. также: А еще порадовало письмо однофамилицы, девчонки-восьмиклассницы: «Здравствуйте, уважаемая работница ткацкой фабрики Иванникова Мария Сергеевна. Я, Иванникова Мария Федоровна, *проживаю* в Липецкой области Долгоруковского района в селе Долгуша. Учусь в восьмом классе. Глядя на вас, решила стать ткачихой» (Из газет, 1970); Разве могла она, кроха, понять, что книга была дана ей не только для того, чтобы ее наградить, но и для того, чтобы поставить галочку о выполнении «*мероприятия* по награждению» (Из газет, 1971); Однажды она все-таки зашла в одну деревню. *Продовольственные запасы* у нее кончились, а есть очень хотелось (Шамякин. Наташа); В связи с этим в иных здравницах виртуозно наращивают хлебные остатки. Нарезанный увесистыми ломтями хлеб высокими пирамидами выставляется на столы с утра в полной

мере. Простояв до обеда, он обветривается. *Потребление* его падает. К ужину он становится настолько непривлекательным, что его уже почти не *потребляют* (Из газет, 1969); У этой селедки *вкусовые качества* не такие (Разговор в магазине, 1975); А маму в школе все помнили.— У ней были великолепные *внешние данные*,— сказала учительница литературы (А. Алексин. Не мое дело);— Подснежники, конечно, лучше всего.— А где они *произрастают*? (Кинофильм «Подснежники»); Упали *клубни* на дорогу (Заголовок в газете, 1970); Сегодня он проделал те же па: два шага в сторону, шаг назад, но ощутил не холод стены, а тепло чьего-то живота. Скосив глаза, он *опознал* Сидорова, который тоже опоздал и тоже прятался (Неделя, 1974, № 13).

Анализ лексики рассмотренного типа подтверждает, что группы, на которые она делится,— лексика разговорная и лексика книжная, противопоставлены не только по стилистическому впечатлению, но и по сферам общения, за которыми они закреплены в сознании носителей литературного языка. Разговорно окрашенная лексика характеризует сферу своего употребления как обиходно-бытовую, т. е. указывает, что может быть применена без какой бы то ни было специальной цели при общении в обиходно-бытовых условиях. Книжно окрашенная лексика характеризует сферу своего употребления как возвышающуюся над уровнем бытовой повседневности. В составе этой лексики выделяются разновидности, закрепленные за специальными, более или менее узкими областями общения. С разграничениями в составе книжной лексики связана как степень интенсивности ее окраски, так и степень ее противопоставленности лексике разговорно окрашенной.

Однако как разговорная, так и книжная лексика, как правило, характеризуют сферу своего употребления не прямо, а через характеристику предмета речи, ее назначения, ее формы, взаимоотношений между общающимися как свойственных соответствующей области общения. Большая часть разговорных и книжных лексических единиц характеризует предмет речи. Лексических единиц, заключающих в себе характеристику формы речи (т. е. в собственном смысле слова книжных и разговорных), мало, особенно среди книжно окрашенной лексики: эту функцию выполняют, главным образом, книжно окрашенные синтаксические единицы. Напротив, характеристику назначения речи содержат в себе книжно окрашенные единицы лексики, что, видимо, связано с отсутствием специфически обиходно-бытового назначения речи. Собственно именно эти единицы лексики и следовало бы называть функционально-стилистическими. Некоторые разговорно окрашенные слова характеризуют отношения между общающимися как непринужденные, интимно-родственные или дружеские. Им противостоят слова книжно окрашенные, указывающие на холодность или официальность отношений между адресантом и адресатом речи. Но только в составе книжной

лексики есть единицы, которые указывают позицию говорящего или пишущего по отношению к его собеседнику, характеризуя его как лицо, более опытное, более знающее или как представителя какой-либо специальной сферы деятельности.

Непосредственно указывают сферу своего применения только штампы, в основном, канцелярские и газетные, т. е. те языковые факты, о которых Л. В. Щерба говорит: «Во всех этих разновидностях существуют бесполезные пережитки вроде, например, архаического *оный* канцелярского стиля»[3]. В наше время они довольно быстро себя изживают.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛЕКСИКА, СООБЩАЮЩАЯ ОБ ОТНОШЕНИИ ГОВОРЯЩЕГО К ПРЕДМЕТУ РЕЧИ

Во введении и первой части книги говорилось о спорах по поводу эмоционально окрашенной (эмоционально-оценочной, экспрессивно-стилистической, экспрессивно-эмоциональной и т. п.) лексики. Оспаривается ее принадлежность к стилистически маркированным средствам языка (в частности, в связи с тем, что ее отличительные свойства рассматриваются как элемент семантики слов) и даже ее существование (на том основании, что оценки, направленные на сам объект называния, как правило, имеют контекстуальный характер, а у отдельных слов являются «надстройкой» над стилистическими разграничениями). Нет единства взглядов на состав этой лексики. Все еще обсуждается вопрос, принадлежат ли к ней такие слова, обозначающие положительные или отрицательные явления (в частности, чувства), как *радость*, *нежность*, *ужас*, *злоба*, *смерть*, *война*, *грязь*. Не решен вопрос о ее дифференциации: общепризнаны как ее разновидности только лексика бранная, шутливая и ироническая.

Разногласия отчасти связаны с разным пониманием отличительных признаков этой лексики: одни авторы характеризуют ее как лексику, обладающую эмоциональной окраской или экспрессией (см., например, СА4, СУ), другие — как лексику, содержащую эмоциональную оценку обозначаемого явления (см. СО) или выражающую отношения, оценки (см. СС). Анализ предложенными способами лексического материала показал неоднородность слов, которые исследователи относят к эмоционально окрашенной лексике. Одни из таких слов, обозначающие

[3] *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 119.

отрицательные или положительные предметы, действия и т. п., вызывая у получателя речи определенное эмоциональное отношение к объекту называния, создавая особую атмосферу эмоциональной оценочности, вместе с тем не могут сообщить ему ни о том, как относится к этому объекту говорящий, ни о том, имеет ли говорящий намерение высказывать это свое отношение. К числу таких слов и принадлежат *радость*, *злоба*, *смерть*, *война*, *грязь* и т. п. Они обладают ореолом эмоциональной оценочности и принадлежат к ассоциативно-стилистической лексике. Другие — и среди них не только слова, обозначающие отрицательные или положительные явления, но и слова с нейтральным предметным содержанием (к их числу принадлежат, например, *бабка, сонмище, сборище, сластена* и т. п.),— обладают способностью сообщать получателю речи об эмоциях говорящего, а следовательно, заключают в себе соответствующую непредметную информацию. Таким образом, они обладают тремя признаками, которые — по определению — свойственны стилистически окрашенной лексике: информацией, не имеющей отношения к признакам обозначаемого явления, способностью вызывать определенное стилистическое впечатление и «идеальной» (в сознании носителей литературного языка) контекстной закрепленностью. Что касается возможности их использования в целях субъективной характеристики, то она не требует доказательств: эмоции по самой своей природе субъективны.

Итак, лексика типа *бабка*, *сонмище*, *сборище*, *сластена* принадлежит к стилистически окрашенной лексике, а именно к лексике, сообщающей об отношении говорящего к предмету речи. Виды эмоционально окрашенной лексики рассматриваются во втором разделе главы. В первом же разделе будет рассмотрен еще один вид лексики, сообщающей об отношении говорящего к предмету речи. Лексика этого вида заключает в себе оценку, которая, в отличие от оценки, которую несет в себе одна из разновидностей эмоционально окрашенной лексики — лексика эмоционально-оценочная, идет не от сердца, а от разума, от рассудка. Поэтому по аналогии с эмоционально-оценочной лексикой ее целесообразно называть рассудочно-оценочной [1].

Рассудочно-оценочная лексика до недавнего времени не подвергалась изучению. В словарях нет для нее специальных помет. Лексические единицы, обладающие этого рода оценочностью, часто остаются неотмеченными (см., например, в СО: Спешка... (разг.). Старание сделать что-н. как можно быстрее, торопливость), а если отмечаются, то или вводом соответствующих характеристик в определение значений, причем часто с указанием «обычно» или «преимущественно» (ср. в СО: Пособник...

[1] Термин «рассудочно-оценочный» представляется более удачным, чем ранее предложенный нами «интеллектуально-оценочный» (см.: *Петрищева. Е. Ф.* Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени.— В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1965).

Помощник в дурных, преступных действиях; Твориться... (разг.). Делаться, происходить (обычно о чем-н. странном или предосудительном), или с помощью пометы *неодобрит.*, которая служит для выделения эмоционально окрашенной лексики (см. в СО: Сговор... (неодобр.). Соглашение в результате переговоров). Кстати, помета *неодобрит.*, как и помета *одобрит.*, не применяемая ни в одном из словарей, больше подходит именно к рассудочно-оценочной лексике. Соответствующее этой оценке эмоциональное отношение к предмету речи — неудовольствие и удовольствие.

Информация об эмоциональном отношении к предмету речи может наслаиваться на рассудочную оценочность (ср. *рифмоплет*, *писака*), но слово может содержать и только какой-то один из этих видов оценки.

РАССУДОЧНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА

Говоря об оценочности слов, лингвисты имеют в виду только положительную и отрицательную оценки, а в тех случаях, когда ставится вопрос о соотносительности функционально-стилистических и эмоционально-оценочных окрасок, обсуждают только зависимость положительной оценочности от книжной окраски, а отрицательной оценочности — от разговорной. Ср.: «Ведь слова высокого стиля далеко не всегда называют предметы, оцениваемые положительно (ср. *гонитель*, *зоил*, *цербер*, *ворог*, *презренный*). С другой стороны, и слова сниженных стилей очень часто не вносят в речь никаких отрицательных оценок» [2].

Между тем лексические единицы могут содержать в себе характеристики обозначаемых предметов не только с точки зрения их достоинств, но и с точки зрения их важности, значимости. Эти характеристики, как очевидно, тоже относятся к рассудочным оценкам.

Ср., например, слова *поручение*, *задание*, *миссия*. Первое не заключает в себе никаких характеристик. Второе указывает на принадлежность обозначаемого предмета к сфере общественной, производственной и т. п. жизни, но оценки с точки зрения его важности тоже в себе не заключает. Его типические контексты: Ехал он... с трудным *заданием* переманить удачливого бригадира в рыбацкий колхоз (Диковский. Рыбья карта); Рогов получил *задание* двинуться в глубь острова; прокладывать трассу нового участка (Ажаев. Далеко от Москвы). Ср. его смещенное употребление, которое и выдает то, что в нем заключены указанные сведения: — Отвезешь Танюшу в аэропорт и скорее обратно... Ну, ну, получил *задание* и иди («задание» хотя и исходит от начальника, но имеет не служебный характер). Слово

---

[2] *Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). — В кн.: Развитие современного русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 6.

миссия, заключая в себе то же указание, что и слово *задание*, указывает кроме того на его важность, большое общественное значение. Ср. его типический контекст: «Я стал искать офицеров, чтобы узнать о мерах, принятых для охраны селений... Начальник, узнав с величайшим удивлением о моей *миссии*, объяснил, что никаких распоряжений... он не получал» (Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

Указание на важность, значительность занимаемой должности содержит в себе слово *пост*: «Граф Иван Михайлович... по истечении сорока лет достиг поста министра» (Л. Толстой. Воскресение).

Лексические единицы, содержащие в себе характеристику предмета с точки зрения его значимости, важности, как и единицы, характеризующие предмет с точки зрения его достоинств, также составляют две группы, противопоставленные друг другу и лексике, не заключающей в себе оценки. К словам, которые характеризуют предмет как незначительный, несущественный, относятся, например, *пустяк*, *мелочь*, *малость*, *чепуха* и т. п. [Тузенбах:] Какие *пустяки*, какие глупые *мелочи* иногда приобретают в жизни значение вдруг, ни с того, ни с сего (Чехов. Три сестры);— Какая, брат, силища! Ведь это положительно гений (Чехов) в изображении жизненной *чепухи*! (Вересаев. Встреча).

Информация об отрицательной или положительной оценке предмета речи неоднородна. С одной стороны, это характеристики с точки зрения его достоинств (доброкачественности, соответствия стандартам). К лексике, обладающей такой оценочностью, принадлежат слова, которые включают в себя слово-оценку *плохой*, *дурной*, *хороший*, *доброкачественный* и т. п.[3] Таковы, например, *рифмоплет*, *зловоние* и т. п.

Во-вторых, это оценки предмета речи с точки зрения его желательности—нежелательности, нужности—ненужности, полезности—вредности. Такую оценку заключает в себе, например, слово *предосудительный*. Ср. тексты: Он совершил действие, заслуживающее осуждения.— Он совершил *предосудительное* действие. Текст, в котором раскрыто предметное содержание сло-

---

[3] Следует отметить, что слова *отвратительный*, *восхитительный*, *предосудительный* и т. п. принадлежат не к словам-оценкам, а к оценочной лексике. Слова-оценки не имеют предметного содержания, никаких признаков не обозначают. Но *отвратительный* значит 'вызывающий отвращение', *восхитительный* 'вызывающий восхищение', *предосудительный* 'заслуживающий осуждения'. Оценка наслаивается у них на это предметное содержание. Она выявляется при сравнении немых текстов, один из которых содержит то или иное из этих слов, а в другом раскрывается предметное содержание этого слова: Ветер донес до нас какой-то *отвратительный* запах.— Ветер донес какой-то *вызывающий отвращение запах*; Он совершил *предосудительное* действие.— Он совершил действие, *заслуживающее осуждения*. При проверке тем же способом неоценочных слов с отрицательным предметным содержанием никакой разницы между сопоставляемыми текстами не обнаруживается: Ветер донес какой-то *приятный* запах.— Ветер донес какой-то *доставляющий удовольствие* запах; Он совершил *преступное* действие.— Он совершил действие, *нарушающее закон*.

ва *предосудительный*, отличается от текста с этим словом тем, что не содержит в себе характеристики отношения говорящего к действию, о котором идет речь.

Такую же оценку заключает в себе слово *сговор*. В наше время оно естественно по отношению к соглашениям, рассматривающимся как нежелательные из-за их преступного характера: Она отражает то главное, что память народа связывает с мюнхенским *сговором* Чемберлена и Даладье с фашистскими фюрерами Гитлером и Муссолини (Из газет, 1963); В «манифесте» пятого конгресса троцкистских ренегатов провокационно утверждалось, будто СССР «вступил в *сговор* с империалистическими державами» (Из газет, 1963); Молодой режиссер показал... *сговор* между спекулянтами недвижимостью и политиканами из правых партий (Искусство кино, 1964). В прошлом оно применялось и к общественным явлениям, и к бытовым (в этом случае оно было эквивалентно слову *уговор*), и не имело оценочного характера: Выбору такой комиссии должен предшествовать некоторый *сговор*; *сговор* в заседании не удобен, а поэтому я предложил бы не завтра, а в следующем заседании решить этот вопрос (Стеногр. отчеты Гос. думы, 1907); Каждый полк, нарушая предварительной *сговор*, действовал в зависимости от того, как складывались обстоятельства (Шолохов. Тихий Дон).

По своей материальной обеспеченности группы лексики, дающие противоположную — отрицательную и положительную оценку, различаются очень резко. Первая весьма многочисленна, тогда как слов, представляющих вторую, мало, причем их оценочность обычно выражена слабо. К числу таких слов принадлежит *инициатива*. Из немых текстов благодаря этому слову читатель извлекает сведения о нужности, необходимости каких-то действий: Перевод фирмы на хозрасчет — *инициатива* Лукьяныча (Панова. Ясный берег). При применении его к действиям отрицательным текст получает ироническую окраску.

Если же ирония исключается, текст приобретает комический характер, как в газетном заголовке: Вредная *инициатива* (1968). Таково же и прилагательное *инициативный* (ср. *предприимчивый*).

К числу слов, заключающих в себе положительную рассудочную оценку, принадлежит *красочный*. В наше время типическими для этого слова контекстами являются такие: *Красочная* вывеска с веселой головой лошади и аршинными буквами «Красный кавалерист» была укреплена как раз на козырьке парадного входа (С. Бабаевский. Свет над землей); Отец купил ему книгу сказок с *красочными* иллюстрациями (Б. Изюмский. Призвание). Его оценочность выявляется в старых текстах, где оно использовано при выражении отрицательного отношения к соответствующим явлениям: В этой работе, полной колоритных достоинств, деревья слишком *красочны*. Хотя бы они были окрашены осенью на самом деле в десять раз сильнее, все же

они не могут казаться такими при таком освещении (Пример из СА 1916); Картина же «Развалины», поросшие диким виноградом в саду, невозможна — *красочна* и неприятна (Сев. вестник, 1886, № 6).

Положительную рассудочную оценочность имеют слова *безвозмездный* (заключенная в нем положительная оценка делает невозможным употребление его без специальных целей при выражении осуждения, например: Предатель Сидоров *безвозмездно* сообщал оккупантам о нашей подпольной группе), *неоценимый* (оно также не может быть употреблено без специальных целей при выражении осуждения, например, в тексте: Предатель оказал врагам *неоценимые* услуги) и др.

По «месту» в лексических единицах рассудочной оценки выделяются три группы рассудочно-оценочной лексики.

1) К первой относятся единицы типа *рифмоплет, писака, коновал* (о враче), *вонь, вонять, аромат, благоухание, благовоние, благоухать, зловонный, вонючий, душистый* (первые два из этих прилагательных противопоставлены прилагательному *пахучий* отрицательной оценкой запаха, третье — положительной), *пост, миссия, пустяк, мелочь* и т. п. Оценка занимает в них такое же место, какое в неоценочных словах — указание того или иного предметного признака. Ср., например, слово *ложь* и слова *рифмоплет, вонь*. Содержание слова *ложь* складывается из содержания слов *намеренный* и *неправда*. Точно так же содержание слова *рифмоплет* включает в себя содержание слова-оценки *плохой* и слова *поэт*, в содержание слова *вонь* входит содержание слова-оценки *дурной* и слова *запах*[4].

Таким образом, оценка в лексике рассмотренной группы выступает как признак обозначаемого предмета.

2) Ко второй группе относятся слова типа *зачинщик, главарь, пособник, соучастник, рассадник, обречь, твориться, насаждать* и т. п. Они дают оценку не только и даже не столько

---

[4] Слова *аромат, благоухание, благовоние* и др. определяются в словарях через слово *приятный*, что представляется справедливым. Но слово *приятный* не заключает в себе оценки. Об этом говорит адекватность текстов: Порыв ветра донес до нас какой-то *приятный* запах.— Порыв ветра донес до нас какой-то *доставляющий удовольствие* запах. Между тем из текста: Порыв ветра донес до нас какой-то *аромат* (какое-то *благоухание*) получатель речи узнает и нечто об источнике запаха (приятным может быть назван и запах жареной картошки, но ароматом или благоуханием этот запах может быть назван только в шутку) и о его положительной оценке.

В определение слов *вонь, писака, рифмоплет* и др. помимо слов-оценок лексикографы иногда включают оценочные слова, указывающие на тот или иной отрицательный признак предмета: в определение слова *вонь — отвратительный*, в определение слов *писака, рифмоплет — бездарный*, в определение слова *коновал — невежественный*. Вопрос, очевидно, в том, только ли вызывающий отвращение запах может быть назван вонью или зловонием, только ли лишенный поэтического дара поэт — рифмоплетом, только ли о малообразованном враче можно сказать коновал? Если такие ограничения существуют, соответствующие указания нужны. Во всяком случае оценка стоит в этих словах на первом плане, а предметные признаки выступают как объяснение оценки.

тому, что обозначается ими, сколько тому, что обозначается словами, в сочетании с которыми они используются. Типическими для них являются сочетания со словами, обозначающими отрицательные явления. Так, для слова *пособник* они в наше время такие: Девять человек, которых судят сейчас в Краснодаре — *пособники* фашистских оккупантов (Из газет, 1963); Он видел, что невольно становится *пособником* в грязных делах Вайсфельда, исполнителем его махинаций (Из газет, 1964). Для *главарь* такие: *Главари* третьего рейха преследовали лучших сынов немецкого народа (Из газет, 1963); Комсомольцы буквально парализовали деятельность баптистской секты, вывели на чистую воду ее *главарей*, занимавшихся далеко не святым делом (Из газет, 1962).

В примерах употребления, выявляющих оценочность многих слов, нет недостатка: во-первых, в прошлом они не выполняли оценочных функций и могли быть употреблены без задания дать оценку предмету или вызвать комический эффект в сочетании со словами, которые обозначают как нейтральные, так и положительные явления, а во-вторых, в наше время наблюдаются рецидивы старых норм: Но, стесняя печать, правительство лишает себя надежного *пособника* и помощника (Русская мысль, 1883); Режиссер должен быть самым верным другом и ближайшим *пособником* актера (Н. И. Собольщиков-Самарин. Записки); — Лес идет дружно, а все ж таки назавтра надо собирать бригаду. *Главарем* можно назначить Атаманова (С. Бабаевский. Кавалер Золотой звезды); *Главарем* пришедшей на помощь Яковлеву студенческой группы был Семен Борисович Урицкий (А. Глебов. Правдоха); Тут деды рядили: кому быть *главарем*, чтоб огневым делом править? (Н. Лесков. На ножах); Некоторые *главари* кружков..., ездили к Дурново просить разрешения организовать частную помощь голодающим (Чехов. Письмо Егорову, 11 дек. 1891); Теперь я среди товарищей занимал уже в некотором роде лучшее положение и являлся во многих случаях *главарем* тех или иных выдумок (Неизвестная автобиография выдающегося полярника Г. Я. Седова. Неделя, 1964, № 8); *Замышляем* соорудить спортивную площадку для детей (Запись устной речи, 1963); Мы *замышляли* провести конференцию аспирантов (Запись устной речи, 1964); Опытный методист и воспитатель, он творчески организует учебный процесс, твердой рукой *насаждает* воинский порядок и дисциплину (Авиация и космонавтика, 1964, № 4); Вы должны *насаждать* лингвистическую грамотность (Запись устной речи, 1964); Вряд ли пройдут даром в США уроки этих дней, показавшие, что поборники вооружений не всесильны и что миролюбивые народы могут *навязать* им свою волю (Из газет, 1963); Конечно, есть и хорошие образцы. Отлично *навязывают* свой образ, свой стиль плакаты Центрального театра кукол (Театр, 1961, № 1); Молодость его (алмазного края) строителей, молодость и свежесть всех дел, что *творятся* на просторах якутской

тайги и тундры (Вокруг света, 1962, № 8); Замечательные дела *творятся* на великих стройках пятилетки! (Радио, 1963).

Оценка у такого рода слов, таким образом, стоит на периферии предметного содержания.

3) У третьей группы рассудочно-оценочных слов она стоит за пределами предметного содержания. Это своего рода оценочный комментарий к тем признакам обозначаемого предмета, которые указываются словом.

Таково, например, слово *параллелизм*, указывающее на нежелательность обозначаемого явления. Немой текст: Я знаю о *параллелизме* в их работе (ср. отсутствие оценки в тексте Я знаю о *совпадении* в их работе) не эквивалентен: Я знаю о *нежелательном совпадении* в их работе (в противопоставлении совпадению желательному). Он эквивалентен: Я знаю о *совпадении* в их работе; *это нежелательно*. Таково же слово *указка*, которому противопоставлено в оценочном отношении слово *указание*: Иванов действовал по *указанию* Петрова — Иванов действовал по *указке* Петрова. Вторая фраза не значит: Иванов действовал по *нежелательному указанию* Петрова. Смысл ее эквивалентен: Иванов действовал по *указанию* Петрова; *это плохо, нежелательно*. Ср. слово *вмешиваться* 'принимать участие в чем-н.': Он *вмешивается* в его работу=Он *принимает участие* в его работе: *это плохо, нежелательно*.

К этому же разряду принадлежит слово *демонстративный* 'подчеркнутый (с целью обратить на что-либо чье-либо внимание)'. Ср.: Они говорили *подчеркнуто дружелюбным* тоном.— Они говорили *демонстративно дружелюбным* тоном. Смысл второй фразы: Они говорили *подчеркнуто дружелюбным* тоном; *это плохо, нежелательно*. Слово *безапелляционный* в наше время также, в отличие от слова *категорический*, заключает в себе отрицательное мнение о явлении, обладающем обозначаемыми этим словом признаками. Ср. его употребление в XIX в. и в советское время в текстах, которые не содержат осуждения описываемых событий и потому обнаруживают оценочные свойства этого слова: Но едва ли эти нападки на присяжных можно признать *безапелляционными* и ставить этот приговор в вину самой системе суда (Север, 1888, № 8); Зато, если Михеич отказывал в каком-нибудь облегчении, значит у него была резонная причина, и отказ был всегда решительный, *безапелляционный* (Короленко. Яшка);— А вдруг это будет некстати? А вдруг он не поймет?— Беру на себя, что будет кстати!— *безапелляционно* решила я (Щепкина-Куперник. Дни моей жизни). *Безапелляционный*=не допускающий сомнений, возражений, что нежелательно.

Такое же «место» занимает оценка и в словах *дилетант, дилетантский*. Теперь эти слова, противопоставленные словам *любитель, любительский*, характеризуют занятие наукой или искусством без специальной подготовки как явление отрицательное, нежелательное. Он занимается музыкой *дилетантски*=

= Он занимается музыкой *как неспециалист, что нежелательно*. Ср. неоценочное употребление этих слов в XIX в. и в советское время: Виельгорский был *дилетант* музыки, играл на виолончели и сочинял романсы (говорится с одобрением.— *Е. П.*) (Панаева. Воспоминания); Они могут преследовать еще одну цель, а именно — ближе подводить *дилетанта* из демократических кругов к интеллектуальному и эмоциональному осознанию открывающегося перед ним мира музыки (Луначарский. В мире музыки); Отец с молодых своих лет *дилетантски* занимался скульптурой, и тут, конечно, Антокольский являлся авторитетнейшим судьей его работ (В. С. Мамонтов. Воспоминания о русских художниках).

За пределами предметного содержания стоит рассудочная оценка, заключенная в словах *чрезмерно, слишком, избыточность*. Обозначая нейтральные явления (превышение какой-либо меры может иметь и положительную, и отрицательную значимость в зависимости от ситуации), они дают ему характеристику как отрицательному, нежелательному. Ср.: *Избыток* сластей и вин — *Избыточность* сластей и вин; Он *чрезвычайно* вежлив — Он *чрезмерно* вежлив, он *слишком* вежлив.

Ср. также замены: Он *вдался* в рассуждения — Он *больше чем следует углубился* в рассуждения; Он *измышляет* эти рассказы о своих подвигах — Он *выдумывает* эти рассказы о своих подвигах; Она *ластится* к матери, чтобы получить подарок — Она *ласкается* к матери, чтобы получить подарок; Он рассказал нам об этом *наукообразно* — Он рассказал нам об этом *научно лишь по форме*; Иванов *обелил* Петрова — Иванов *представил виноватого* Петрова *невиновным*; Он знал о его *предубеждении* против Петрова — Он знал о его *заранее сложившемся отрицательном мнении* о Петрове. Несмотря на «предметное» тождество приведенных пар фраз, в правых членах этих пар не ощущается, а в левых, напротив, отчетливо ощущается отрицательное отношение говорящего к соответствующим действиям, признакам и т. д.

Примером тех слов этой группы, которые обладают положительной оценочностью, может служить слово *красочный*. Его смысл раскрывается так: отличающийся яркими красками, что хорошо.

Какой же характер имеют рассудочные оценки — семантический или стилистический?

Как было отмечено выше, разница проявлений предметных (семантических) признаков слов и дополнительной стилистической информации состоит в следующем. Слова, указывающие какой-либо признак обозначаемого предмета, не могут быть употреблены по отношению к предмету, не обладающему этим признаком, для его субъективной характеристики. Для слов, заключающих в себе какую-либо характеристику обстоятельств общения, специфично употребление в обстоятельствах, которые не соответствуют этой характеристике, для того, чтобы выра-

зить субъективное отношение к ним говорящего, внести в текст «аромат» той речевой обстановки, на которую указывает слово.

Оценочность слов типа *аромат, рифмоплет* и т. п. проявляет себя так же, как и предметные признаки слов.

Если получатель речи услышит немую фразу: Какая *вонь* (или какое *зловоние*) от этих роз!, первое, что ему придет в голову в объяснение такого употребления, это что розы, о которых речь, почему-то имеют дурной запах. Он может решить также, что говорящий болен и запах роз его раздражает, или что у говорящего дефект обоняния (вспомните служанку, описанную Джеромом К. Джеромом: ... когда ей дали нюхать сыр, испускавший зловоние в несколько лошадиных сил, она сказала, что чувствует только слабый запах дыни). Менее вероятно, что он объяснит себе такое употребление шутливо-ироническими целями отправителя речи. Услышав фразу: Ты уже десять лет на *посту* завклубом,— получатель речи решит, что отправитель речи шутит, или что он принадлежит к тем, для кого должность завклубом стоит на том же уровне, что и должность министра или директора крупного предприятия. Показательно, что тот же эффект получатель речи ощутит и при замене отмеченных слов описательными оборотами: Какой *нехороший запах* у этих роз; Ты уже десять лет занимаешь *важную, ответственную должность* завклубом. В шутку можно назвать ароматом запах тухлой капусты, миссией — поручение сходить в магазин за хлебом и т. д.

Таким образом, оценочность слов типа *аромат, рифмоплет* носит семантический характер.

Слово *зачинщик*, как было отмечено, употребляется не в соответствии с заключенной в нем оценкой не только по ошибке или ради шутки и иронии, но и с целью указать, что то или иное нейтральное действие в данной ситуации приобрело отрицательный характер, стало нежелательным, и во-вторых, с целью выразить субъективное отрицательное мнение говорящего о том или ином нейтральном или положительном действии (*зачинщик пения и танцев, зачинщик борьбы против курения*).

Так же ведут себя и все другие лексические единицы второй группы. Слово *наводнить* в экспериментальной фразе: *Книжные магазины наводнены поэзией* сообщает получателю речи, что говорящий не любит поэзию и отрицательно относится к ее обилию в магазинах. Глагол *обречь* в приведенной выше цитате из М. Горького («*обречены* судьбою всю жизнь любить одну женщину») и в следующей цитате: В истории этой нет ни правых, ни виноватых. Каждый остался верен своей цели, своему назначению: Феодосия, *обреченная* любить и только любить, и Тредиаковский, предназначенный дать отечественному стихосложению новую систему и проложить дорогу русскому классицизму (Нагибин. Беглец),— указывает, что говорящий считает самоотверженную любовь к одному человеку чем-то нежелательным, тяжким.

Следовательно, рассудочная оценочность таких слов имеет стилистический характер.

Рассудочно-оценочная лексика третьей группы тоже принадлежит к стилистическому типу. Уже то, что оценка в словах *указка, избыточность, измышлять, безапелляционный* и т. д., стоит за пределами предметного содержания, имеет характер комментария, дает возможность употреблять их не только тогда, когда чьи-либо указания, большее, чем требуется, количество чего-либо, придумывание чего-либо не соответствующего действительности, категоричность каких-то утверждений и т. п. объективно нежелательны, отрицательны, но и тогда, когда их таковыми считает говорящий.

Из сказанного следует, что все слова второй и третьей групп рассудочно-оценочной лексики требуют стилистических помет *неодобрит.* и *одобрит.* Определения значений слов второй группы должны включать в себя указание на применимость их к отрицательным явлениям; при этом в замечаниях типа «обычно» или «преимущественно» нет необходимости, так как о возможности применить их к явлениям положительным говорит сама помета *неодобрит.*

Как сказано выше, исследователи отмечают отсутствие зависимости между положительной оценочностью и книжной (высокой) окраской, между отрицательной оценочностью и разговорной (стилистически сниженной) окраской. Действительно, такой зависимости нет. При изучении соотносительности между этими окрасками вопрос может стоять только о количественном соотношении слов, обладающих положительной или отрицательной оценочностью, в составе книжной или разговорной лексики. Как можно судить по приведенному материалу, слова, заключающие в себе отрицательную оценку, часто принадлежат к лексике, нейтральной как в функционально-стилистическом, так и в эмоционально-стилистическом отношении. Некоторые из них заключают в себе характеристику обозначаемого с точки зрения его принадлежности к той или иной сфере жизни; так, *сговор* относит обозначаемое им действие к общественно-политической сфере жизни, *зачинщик* — и к сфере общественной, и к сфере бытовой жизни. Но хотя эти признаки были приобретены словами *сговор* и *зачинщик* вместе с оценочностью, связи между теми и другими, как очевидно, нет.

Более определенна связь отрицательной и положительной оценочности с предметным содержанием. Об этом говорит история слов [5].

---

[5] Речь идет о частичном изменении предметного содержания при прежнем объекте называния. Случаи приобретения словом нового оценочного значения с утратой или сохранением старого здесь не рассматриваются. Например, слово *обыватель* первоначально означало 'постоянный житель какой-либо местности' и не было оценочным (ср.: В бричке сидело двое N-ских *обывателей*: N-ский купец Иван Иваныч Кузьмичев... и другой,— отец Христофор Сирийский.— Чехов. Степь). Затем у него возникло оценочное

Слова *насаждать, насадить, насаждение* в настоящее время указывают на насильственность распространения, внедрения каких-то взглядов, порядков, методов и т. п., которые оцениваются как отрицательные. Их типические контексты: В нем подвергаются сомнению... искренность и непредвзятость мнений коллективов махачкалинских заводов и фабрик, выразивших свой протест против *насаждения* феодальных нравов (Из газет, 1964); Били прежде всего по политике авантюризма, которую *насаждали* Никсон и его единомышленники (Из газет, 1964); Протесты против *насаждения* игорных домов вдоль швейцарской границы имеют основания (Из газет, 1963). Ср. его употребление в соответствии со старыми нормами: Анализируя историческую часть книги г. Исаева, я выделил из нее сведения... об артелях, *насаженных* земством в конце 60-х и начале 70-х годов, как об артелях новейшего типа (Русская мысль, 1883); Проект этот является началом осуществления грандиозной программы в области *насаждения* специального образования среди широких рабочих масс (Из газет, 1920); Позволю себе остановиться на антрепренерах вообще, *насаждавших* сценическое искусство в провинции (Ю. Юрьев. Записки).

Слова *порочить, опорочить, опорочивать, опорочение* помимо отрицательной оценки действия (представления его как плохого, недостойного, заслуживающего осуждения) приобрели указания на незаслуженность, беспочвенность обвинений. Ср.: Событие, скажу опять, принадлежит суду истории, которая одобряет успех и *опорочивает* неудачу (Жуковский. О происш. 1848 гг.); Эти люди могут быть очень полезными для Советской власти, и дело вовсе не требует *опорочения* и изъятия их по суду (Дзержинский).

Слово *пространный* раньше означало ‘подробный, обстоятельный’. С приобретением оценочности оно стало означать ‘с большим, чем требуется, количеством подробностей’. Ср.: И вот трест очень долго упрашивает учреждение с *пространным* названием Союзглавстройматериалы (Из газет, 1962) и: Генерал изложил весьма ясно и *пространно*, в чем состояло дело (Пушкин. Капитанская дочка); Абуль-Касим *пространно* начертал в своей книге картины героического (Павленко. Человек, который не умирал тысячу лет).

Изменили предметное содержание с переходом в группу рассудочно-оценочных слов слова *вдаться* ‘углубиться во что-н.’ (теперь — больше, чем требуется), *измышлять* ‘придумывать’ (теперь — то, что не соответствует действительности), *ластиться* ‘ласкаться’ (теперь — с целью извлечь для себя пользу), *наукообразный* ‘научный’ (теперь — научный лишь по форме), *обелить* ‘представить невиновным, оправдать’ (теперь — только

значение, в основе которого лежит совершенно новое предметное содержание — ‘человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий жалкими, личными интересами’ (СО), в результате чего первое значение вышло из употребления.

о виновном), *предубеждение* ‘заранее сложившееся мнение’ (теперь — отрицательное).

В отдельных случаях переход слов в разряд оценочных сопровождается их переосмыслением, оправдывающим их оценочность.

Слово *даровой* ‘бесплатный’ сейчас соотносится со словом *даровщина*, заключая в себе, как и это слово, «идею» получения чего-либо без труда, без затраты сил. Ср. употребление в немом тексте этого слова и слова *бесплатный*: Он ходит в театр по *даровым* билетам — Он ходит в театр по *бесплатным* билетам. Ср. также употребление его в тексте, где выражается искреннее одобрение: Хорошо, что у нас в стране *даровое* обучение! Как нейтральное в оценочном отношении оно связывалось по смыслу со словами *дар*, *дарить*, *дареный*: Общество обратилось за помощью к петербургской думе с просьбою оказать помощь курсам — или *даровым* отводом участка земли под дом для помещения высших курсов, или единовременной субсидией (Русская мысль, 1883); Не было принято никаких законодательных мер для обеспечения свободы гражданской и религиозной, равенства в разделе имущества, *дарового* и обязательного обучения и т. п. (Там же); Мы ехали по *даровому* билету (Щепкина-Куперник. Дни моей жизни); Мать по ночам не спала: все прикидывала, как они будут жить в Сибири.— Поставим мы избу о пяти углах из *дарового* лесу,— бормотала она (Паустовский. Австралиец со станции Пилево). Ср. определения значения этого слова в Словаре русского языка, сост. Вторым отд. АН, под ред. Я. К. Грота (*Даровой*... Получаемый или полученный в дар или даром, безвозмездно; бесплатный, не купленный) и в СА17 (Даровой... Полученный бесплатно, даром; неоплачиваемый, бесплатный... Приобретенный без труда, без затраты сил; незаработанный, незаслуженный).

С приобретением оценочности слова могут входить в новые смысловые ряды. Слово *дележ* было одним из немногих, образованных присоединением суффикса *-еж* к основе не с отрицательным значением и не имеющих оценочной способности (*платеж, терпеж*). Теперь слово *дележ* характеризует раздел чего-либо как предосудительный (раздел нечестно добытого, нечестный раздел и т. п.) или как ненужный, нежелательный. Его оценочные признаки обнаруживаются при сравнении немых текстов типа: *Дележ происходил при участии Иванова.— Раздел происходил при участии Иванова* и в текстах, соответствующих старым нормам, где оно выступает в сочетании со словами *справедливый*, *равный* и т. п. (в таких случаях возникает впечатление сдвига): Беглое упоминовение о равном *дележе* земли между спартанцами есть у Платона (Чернышевский. Критика и библиогр. 1855 г.). С появлением у него оценочных функций оно встало в ряд со словами *галдеж*, *грабеж*, *зубреж*, *долбеж*, *картеж*, *кутеж*.

Однако в большинстве случаев приобретаемые словами оце-

ночные свойства оказываются немотивированными. Такова, например, оценочность слов *соучастник, соучастие*: приставка *со-* не обладает способностью вносить в образованные с ее помощью слова отрицательную оценку (ср. *сотоварищ, совладелец, соученик*). Не оправдан переход одних прилагательных с приставкой *без-* при нейтральной основе в группу положительной, а других — в группу отрицательной рассудочно-оценочной лексики. Ср., например, с одной стороны, *бесценный, безвозмездный*, с другой — *безапелляционный, бесконтрольный* (приобретение ими оценочности сопровождалось переходом их в разряд качественных прилагательных). Немотивирована оценочность слова *спешка*: отглагольные существительные на *ка-* часто характеризуются сниженной стилистической окраской, но способность давать отрицательную оценку обозначаемого им не свойственна.

Неоправданной может оказаться и оценочность, приобретенная переносным значением. Так, оценочное значение слова *рассадник* ‘источник, средоточие чего-н. отрицательного’, получив оценочные свойства, утратило связь с прямым значением этого слова — ‘место, где выращивают молодые растения, питомник’. У слова *верхушка* не оправдана оценочность значения ‘руководящая часть какой-н. группы, класса’, у слова *обелить* — оценочность значения ‘представить невиновным, оправдать’ и т. д. Иногда же оценочный характер переносного значения противоречит прямому значению слова. Ср., например, *махровый* ‘ярко выраженный со стороны какого-н. отрицательного качества (махровость применительно к цветку — качество положительное) [6].

Можно предположить, что ясная внутренняя форма слов, их мотивированность, как словообразовательная, так и семантическая, является препятствием к возникновению у них оценочных свойств.

Что касается оценки предмета речи с точки зрения его важности, то можно предполагать гораздо большую зависимость ее и от информации о сфере употребления данного слова, и от сопутствующей ей в ряде случаев характеристики предмета как принадлежащего обиходно-бытовой или, напротив, общественной, производственной и т. д. областям человеческой деятельности. Тем не менее эта зависимость не безусловна. Слова, которые характеризуют предмет как важный, значительный, могут не иметь книжной окраски (ср. *пост*), так же как и соответствующих семантических признаков. Слова, оценивающие предмет как малозначительный, не представляющий важности, обычно имеют разговорную окраску, но редко указывают на принадлежность предмета к обиходно-бытовой сфере жизни.

---

[6] Об истории этого слова см.: *Сорокин Ю. С.* Махры — махровый.— Рус. речь, 1969, № 3.

ЛЕКСИКА ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ (ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННАЯ)

Эмоционально окрашенная лексика выделяется в словарях стилистическими пометами *бран., ирон., шутл.* (в СУ, СО, СА4), *неодобр., пренебр., презрит.* (в СУ, СО), *укор., торж., ритор.* (в СУ) по признаку особого стилистического впечатления, отличного от того впечатления, которое вызывает лексика функционально-стилистическая[7]. Естественно, что при таком подходе перечисленные пометы оказываются в одном ряду. Но если к выделению эмоционально окрашенной лексики подходить с точки зрения заключенной в ней дополнительной информации, обнаружится неоднородность этих помет. Лексика, получающая пометы *неодобрит., презрит., пренебр., торж., ритор.*, содержит в себе характеристику эмоционального состояния говорящего, лексика же, получающая пометы *ирон., шутл., укор.*, указывает на эмоциональное отношение (в собственном смысле этого слова) говорящего к предмету речи. И совершенно особые функции выполняет бранная лексика. Поэтому представляется целесообразным при классификации эмоционально окрашенной лексики исходить прежде всего из этих различий. Существенны и различия между эмоциями и отношениями оценочного характера (презрение, восхищение) и эмоциями и отношениями, принципиально не связанными с оценками (любовь, раздражение, досада). Однако лексика не дает достаточных оснований для такого рода разграничений. В частности, эмоции, на которые указывает эмоционально окрашенная лексика, всегда имеют оценочный характер.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА

Эмоционально-оценочная лексика указывает на чувства, которые обычно вызывают предметы, соответствующим образом оцениваемые обществом. Как и лексика рассудочно-оценочная, она тоже делится на две разновидности: лексику, сообщающую об отрицательной или положительной эмоциональной оценке предмета речи говорящим, и лексику, указывающую на эмоции, вызываемые предметами важными, значительными или, напротив, социально низкими, малозначительными, ординарными.

1. Лексика, содержащая отрицательную или положительную эмоциональную оценку предмета речи

В лексике не нашло отражения все многообразие чувств, испытываемых человеком.

Единичны слова, дающие положительную оценку предмета

[7] СУ и СА4 характеризуют применяемые в них помсты в соответствии с отмеченным признаком (СА4 как пометы, указывающие эмоциональную

речи, причем эта оценка, как правило, выражена слабо. К числу таких слов принадлежит, например, слово *белоснежный*. То, что оно заключает в себе оценку, и именно оценку эмоционального типа, выявляется при замене им в немых текстах соответствующих по значению слов *молочно-белый* и особенно *снежно-белый*, которые вносят в эти тексты только сведения об особенностях цвета: Она щелкнула ногтем по *молочно-белому* (ср. белоснежному) абажуру (Горький. Жизнь Клима Самгина); На крыльцо вышел дед Гришака. *Снежнобелая* (ср. *белоснежная*) голова его тряслась, выцветшие от старости глаза подслеповато щурились (Шолохов. Тихий Дон).

Положительную эмоциональную оценку содержит и слово *ослепительный* 'производящий сильное впечатление'. Ср. его со словом *эффектный*, имеющим то же значение: Она была очень *эффектна*, и ее стройная фигура, затянутая в черное платье, вызвала общий восторг (Телешов. Дети). Типическими для этого слова контекстами являются такие: И верно б согласились вы, Что Нина мраморной красою Затмить соседку не могла, Хоть *ослепительна* была (Пушкин. Евгений Онегин).

Таковы же слова *необъятный* и *бескрайний*. Ср. эффект от замены слова *неохватный* словами *необъятный* и *бескрайний* и и наоборот в следующих цитатах: Он видел *неохватную* долину (*необъятную* долину), по которой шла... река (Федин. Первые радости); Поезд тронулся на запад. Егор смотрел на *необъятные* снежные поля (*неохватные* снежные поля) (Арамилев. Снайпер); Я взошел на гору и сел там, глядя вниз на *бескрайнее* (*неохватное*) могучее море (Горький. Коновалов).

Отдельные слова выражают восхищение. Таковы *прелесть* — о том, что возбуждает восхищение, пленяет, чарует (Какая *прелесть*!), *ангел* — об очень доброй женщине (Она *ангел*!), *ангелочек* — о ребенке, молодой девушке милой, приятной внешности (— Что это у вас за *ангелочек* эта Адочка, что за прелесть! — Тургенев. Дворянское гнездо).

Среди слов, указывающих на те чувства, которые вызывают отрицательные явления, мало слов с нейтральным предметным содержанием; такие слова обычно содержат в себе рассудочную оценку. Характер эмоциональной оценки часто поддерживается внутренней формой слов.

Наиболее распространенными являются лексические единицы, указывающие на недовольство говорящего, на неприятие им предмета речи.

На нейтральное предметное содержание накладывается этого рода оценочность в слове *верзила*. Хотя это слово чаще употребляется по отношению к высоким людям нескладного сложения, оно, в отличие от *дылда* и *долговязый*, может быть применено и к пропорционально сложенному человеку высокого рос-

---

окраску слов, СУ как указывающие выразительные оттенки, экспрессию слов), по характеристике же СО они указывают, что в слове содержится эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого явления.

та: читатель или слушатель не усмотрит в таком употреблении никакого сдвига. Таково же слово *модничать* ‘одеваться по последней моде’. При сравнении немых фраз с этим словом и со словом *франтить* обнаруживается не только смысловая разница между этими словами, но и наличие в слове *модничать* отрицательной эмоциональной оценки действия: Что-то он начал *модничать* (*франтить*). Он дает ей средства *модничать* (*франтить*).

На рассудочную оценку наслаивается информация о недовольстве говорящего в слове *миндальничать* ‘проявлять излишнюю мягкость’ (ср.: Опять ты *проявляешь* к нему *излишнюю мягкость* — Опять ты с ним *миндальничаешь*), *любимчик* ‘тот, кто пользуется в ущерб другим чьей-н. пристрастной любовью’ (ср.: Ты всегда пользовался *пристрастной любовью* отца, а к нам он был равнодушен — Ты всегда был *любимчиком* отца), *вытворять* ‘совершать какие-то отрицательные, нежелательные поступки’ (ср.: Ты только представь себе, какие *отрицательные поступки* они совершают — Ты только представь себе, что они *вытворяют*). Слово *вилять* ‘уклоняться от прямого ответа, прибегая в хитростям, уловкам’ также имеет нейтральное предметное содержание (в определенных ситуациях, например, на допросе у врага уклоняться от прямого ответа, прибегать к хитростям, уловкам весьма желательно), отрицательную рассудочную и отрицательную эмоциональную оценочность: Никак не могу добиться от него правды! Он все время *прибегает к хитростям, уловкам, избегает прямого ответа* — Никак не могу добиться от него правды! Он все время *виляет*. (*Никак не могу добиться от него правды* вносит в текст отрицательную рассудочную оценку действия, так что разница между первым и вторым текстом состоит именно в эмоциональной оценке действия, внесенной во второй текст словом *вилять*.)

Отрицательной эмоциональной оценочностью при отрицательном предметном содержании обладает слово *выходка*: оно указывает не только на то, что названный им поступок заранее не подготовлен и неожиданен для окружающих, но и на то, что он противоречит принятым нормам, правилам поведения. Ср.: Я уже слышал о его *поступке, противоречащем правилам поведения* — Я уже слышал о его *выходке*. Таковы же слова *верхогляд* ‘тот, кто занимается чем-н. поверхностно, не вникая в суть дела’, *мотовка* ‘расточительная женщина’, *вертихвостка* ‘ветреная, легкомысленная женщина’, *бахвал* ‘тот, кто самодовольно и кичливо хвастается’, и т. д.

Недовольство, на которое указывает слово, эмоциональное неприятие говорящим предмета речи может быть более или менее сильным. От этого зависит степень яркости эмоциональной окраски слов. Ср. слова *лентяй, бездельник, лоботряс:* И муж у нее был *лентяй*, и сын таким же вырос. И муж у нее был *бездельник*, и сын таким же вырос. И муж у нее был *лоботряс*, и сын таким же вырос. В некоторых случаях оно приближается к ненависти. Такова, например, оценочность слова *мегера* — о

злой, злобной женщине. А жена у него — сущая *мегера*. Ср.: А жена у него — сущая *ведьма* (*фурия*). Дверь нам открыла какая-то *мегера* (какая-то *ведьма*, *фурия*). Очень большой силы эмоциональное неприятие обозначаемого заключено в словах *жмот* и *жила* (*скупердяй* заключает в себе иного рода эмоциональную оценку — пренебрежение). Ср.: Так ты надеялся на помощь этого *жмота* (этого жилы)? — Так ты надеялся на помощь этого *скупца*? Слово *мерзкий* определяется в словарях как 'возбуждающий отвращение'. Так же определяется и слово *гнусный*. Однако сравнение текстов: Он совершил *возбуждающий отвращение* поступок — Он совершил *мерзкий* поступок; Он совершил *возбуждающий отвращение* поступок — Он совершил *гнусный* поступок говорит о том, что предметное содержание слова *мерзкий* 'плохой, отрицательный', слова *гнусный* 'низкий, бесчестный', указание же на чувства говорящего имеет характер дополнительной стилистической информации. Типическими для этих слов являются контексты, в которых высказывается резкая отрицательная эмоциональная оценка лиц, действий и т. п. Вы *мерзкий*, *гадкий*, противный и невоспитанный мальчишка, и я с вами вовсе не хочу говорить (Степанов. Порт-Артур); [Николай:] Я краснею за себя: как я мог колебаться, как я мог слушать без негодования это *гнусное* предложение (А. Островский. Поздняя любовь).

Большую группу эмоционально-оценочной лексики составляет лексика, сообщающая о пренебрежительном отношении к предмету речи, отношении свысока. Среди слов этой группы особенно много таких, эмоциональная оценочность которых оправдана их внутренней формой.

К этому разряду лексики принадлежит, например, слово *мазня* 'небрежно, неумело написанная картина, рисунок'. Типический для него контекст: — В салоне вместо живописи какая-то *мазня*... Ни приятного освещения, ни одухотворенности, ни красивых красок (Эренбург. Хроника наших дней). Таковы же *мямля*, *рохля*, *размазня*. Типические для них контексты: — Даже ни разу не поцеловать хорошенькой девушки? Да вы просто *мямля* и тюфяк... Вас никогда женщины не будут любить (Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко); Это такой... *рохля*, что из-под носу у него утащат — он и не увидит (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); — В самом деле, вы не мужчина, а какая-то, прости господи, *размазня* (Чехов. Ариадна). Презрительная окраска, которую они иногда приобретают, имеет контекстуальный характер: — В том наша ошибка, что долгое время возле Хворостянкина находился не партийный руководитель, а мягкотелая *мямля*, трус и подхалим (Бабаевский. Свет над землей); — Растяпа, *размазня* вы, а не офицер! Надо было погрузить не по сорок, а по сто человек в вагон, посадить хоть на крышу, а ехать (Степанов. Порт-Артур). Контекстуальный характер имеет и презрение по отношению к хилому, болезненному человеку в цитате: Костлявые плечи, ввалившаяся

грудь и бескровное лицо придавали ему вид какого-то подвижника.— Эх, какая *дохлятина*!— с презрением подумал Башка (Мамин-Сибиряк. Башка). В этом слове, как и в слове *мозгляк*, заключена пренебрежительная оценка. Типическими для них являются тексты типа:— А нынче что за люди?.. *Мозгляк* на *мозгляке*,— смотреть даже неприятно (Мельников-Печерский. Бабушкины россказни).

Несколько менее многочисленна группа слов, выражающих презрение. Часто это слова, обозначающие явления из сферы общественной жизни. Таково *иуда* 'предатель': И где ж Мазепа? где злодей? Куда бежал *Иуда* в страхе? (Пушкин. Полтава). Окраска негодования, возмущения, которую имеет это слово у Фадеева (Этот *Иуда* выдал Остапчука, Валько, и мы еще не знаем, сколько наших шахтеров лежит на его черной совести! — Фадеев. Молодая гвардия), контекстуальна. Презрительный характер имеют слова *прихвостень* 'чей-н. приспешник' (Кулацкий *прихвостень*; Фашистский *прихвостень*; Мы даже просили Лазарева, чтобы этого поповского *прихвостня* убрали от нас в другую группу. — В. Беляев. Старая крепость), *прихлебатель* 'тот, кто угодничает, стремясь поживиться, пожить на чужой счет' (Среди генеральской свиты находились... человек десять штабных офицеров и просто *прихлебателей*, чающих получения различных благ. — Степанов. Порт-Артур), *дармоед* 'тот, кто живет на чужой счет' (Теперь он тоже трудится, и никто теперь не скажет ему, что он *дармоед*.— Н. Островский. Как закалялась сталь), *выкормыш* — о низком, подлом человеке, воспитанном какой-н. дурной средой (Фашистские *выкормыши*), *недобиток* 'тот, кто остался после разгрома кого-чего-н.' (Гитлеровские *недобитки*), и т. п.

Другие эмоциональные оценки или совсем не нашли отражения в лексике, или представлены лишь отдельными словами.

Интересно в этом отношении слово *счастливчик*. И свободное словосочетание *счастливый человек* и фразеологизированное сочетание *баловень судьбы*, и слова *счастливец*, *счастливчик* часто оказываются в контекстах, где выражается досада, вызванная счастьем, успехом, благополучием другого: Флаг-капитан принадлежал к тем *баловням судьбы*, которым жизнь дается очень легко (Новиков-Прибой. Цусима);— Между людьми есть *счастливцы* и несчастливцы. Посмотрите вы в жизни: один и глуп, и бездарен, и ленив, а между тем ему плывет счастье в руки, тогда как другой каждый ничтожный шаг к успеху, каждый кусок хлеба должен завоевывать самым усиленным трудом (Писемский. Тысяча душ); О чем же думал он? о том,... Что ведь есть Такие праздные *счастливцы*, Ума недальнего, ленивцы, Которым жизнь куда легка! (Пушкин. Медный всадник). Но только в слове *счастливчик* такие контексты отложились в виде дополнительной информации о том, что говорящий испытывает чувство зависти. Она обнаруживается в немых текстах. Отроду не встречал я *счастливца* более блистательного

(Пушкин. Выстрел). Эта фраза ничего не говорит об отношении говорящего к названному счастливцем лицу. Заменим слово *счастливец* на *счастливчик*: Отроду не встречал я *счастливчика* более блистательного. Теперь чувства говорящего уже не вызывают сомнений. Можно проделать и обратную операцию, препарировав предварительно цитату: Леша Шириков был *счастливчиком*. Ему везло от рождения и везло во всем, за что бы он ни брался (Лавренев. Счастье Леши Ширикова). В получившейся немой фразе ясно ощущается чувство зависти говорящего: Он был *счастливчиком*. Ему везло от рождения и везло во всем. Заменив в ней слово *счастливчик* словом *счастливец* (Он был *счастливцем*. Ему везло от рождения и везло во всем), мы уже ничего не сможем сказать об эмоциях говорящего.

2. Лексика, эмоционально возвышающая, и лексика, эмоционально принижающая предмет речи

К этому разряду лексики относятся слова и значения, которые в СУ получают пометы *торж.* и *ритор.*, а в СО и в СА4— помету *высок.* Анализ ее показывает, что это лексика, закрепившаяся в силу различных причин в сознании носителей литературного языка за текстами, в которых выражаются чувства, естественные по отношению к предметам, явлениям, действиям, возвышающимся над уровнем обыденности, и особенно к предметам общественно значимым. За такими, например: Тени казненных товарищей вставали перед моими глазами... и, казалось, *взывали* ко мне об отмщении (Морозов. Повести моей жизни); Наши бойцы не вешали и не будут вешать: это *воины*, а не палачи (Эренбург. Война 1941—45 гг); Все, чем теперь сильны мы и богаты, Все, чем *отныне* Родина горда, В жарких сраженьях с боем нами взято, Славой народа стало навсегда (А. Жаров. Все, чем теперь...); Священный *прах* величайших наших полководцев Суворова и Кутузова хранит земля Ленинграда (Саянов. В боях за Ленинград).

Из этих текстов она впитала в себя и свойственный им эмоционально-приподнятый, торжественный, патетический тон, который ощущается у них и вне контекста (ср.: *вершитель*, *водрузить*, *взывать*, *властитель*, *воедино*, *воин*, *грядущий*, *злодеяние*, *изгнанник*, *пламенный* ‘очень пылкий, страстный’, *плеяда* ‘группа выдающихся деятелей на каком-либо поприще’, *стяг*, *чужбина*, *эгида* и т. д., и сведения о характере чувств говорящего. Таким образом, возвышенная лексика заключает в себе эмоциональную оценку, соотносительную с рассудочной оценкой предмета речи как имеющего важное значение.

Эмоциональную оценку рассматриваемого типа могут иметь слова с предметным содержанием, нейтральным в отношении его оценки как с точки зрения важности, так и с точки зрения достоинств обозначаемого предмета. Таково, например, слово *армада* ‘большое соединение кораблей, самолетов или танков,

действующее согласованно'. Ср. употребление его без какого-либо специального стилистического задания и по отношению к своим, и по отношению к вражеским войскам: Наша *армада* растянулась так, что концевые корабли терялись в серой мгле (Новиков-Прибой. Цусима); *Армады* «юнкерсов», по многу десятков самолетов в каждой, двигались одна за другой с механическим упорством (Н. Чуковский. Балтийское море). Возможности употребления таких слов предопределяются только их эмоциональной оценочностью, а также функционально-стилистической принадлежностью, о чем ниже. Они могут быть применены не только в тех контекстах, за которыми они закреплены, и по отношению к предметам, действительно важным и значительным, но и в целях субъективной характеристики предметов нейтральных и даже малозначительных. Но они неуместны во всех текстах, которые имеют чисто информационное назначение и не преследуют цели выразить приподнятое, торжественное настроение, независимо от того, к каким разновидностям речи, устной или письменной, эти тексты принадлежат. Ср.:— Смотрите-ка — и разведку поставили, а? Точно настоящие *воины*; К нам приходит много демобилизованных *воинов* с довольно смутным представлением о рыбацкой профессии; Голос «Последних известий» *отныне* вы будете слышать в начале каждого часа; Мне кажется, изготовление игрушек должно вестись под *эгидой* одного всесоюзного объединения.

У слов с нейтральным предметным содержанием возвышенная эмоциональная оценочность выступает в своем чистом виде. Однако слова с возвышенной окраской чаще обозначают важные, общественно значимые явления, как положительные, так и отрицательные, или заключают в себе соответствующие рассудочные оценки. Примером может служить слово *сподвижник* 'товарищ по какой-либо деятельности'. Свойственный этому слову эмоционально-приподнятый, несколько торжественный тон и стоящая за этим тоном дополнительная информация о глубоком почтении и преклонении перед соответствующим лицом отчетливо ощущаются при сравнении этого слова в немых текстах с близким по значению *единомышленник*: Он знал многих его *единомышленников* — Он знал многих его *сподвижников*.

Эмоционально-оценочные свойства слова *сподвижник* накладываются на оценку той или иной деятельности как важной для общества в целом и как положительной. Своему предметному содержанию и заключенным в нем оценкам слово *сподвижник* полностью соответствует в сочетаниях: *сподвижники Ленина*, *сподвижники Петра Великого*, *сподвижники Суворова* и т. п. Эти оценки обнаруживают себя и при соответствующих сдвигах. Текст *Сподвижники* инженера Новикова были уверены, что его метод обработки деталей даст большую экономию средств может служить «образцом» неправильного применения слова *сподвижник* к деятельности, важной не для общества в целом, а для какого-то производства, причем в чисто информативных целях, без на-

мерения представить обработку деталей как дело общенародного значения. В экспериментальном тексте *Этими войсками командовал генерал Улагай — один из ближайших сподвижников барона Врангеля* слово *сподвижник* применено к лицам, деятельность которых с точки зрения нашего общества отрицательна. Допустим, эта фраза принадлежит человеку, которого нельзя заподозрить в желании восхвалять Врангеля. Поскольку ни малейшего намека на иронию в ней нет, можно с уверенностью утверждать, что допущена ошибка — не учтены оценочные свойства слова *сподвижник*. Ошибки не было бы, если бы фраза кончалась словами: *этого ставленника Антанты*. Они свидетельствовали бы о намерении говорящего высказаться о Врангеле и Улагае осудительно, и было бы основание думать, что слово *сподвижник* использовано умышленно, с насмешкой.

На возвышенные чувства по отношению к положительно оцениваемым явлениям указывает слово *зачинатель*. Ср.: Устин — сила, Устин — тайный *зачинатель* всех подлых и преступных дел в селе (Из газет, 1964). На возвышенные чувства по отношению к отрицательным явлениям указывает слово *злодеяние* (на негодование, гнев), слова *чужбина, изгнанник* (на сострадание) и т. п.

Возвышенная лексика, как справедливо отмечают исследователи, употребляется по преимуществу в публицистической, ораторской и поэтической речи и имеет книжную окраску. Этим она отличается от лексики, заключающей в себе только отрицательную эмоциональную оценку: она может принадлежать и к разговорной, и к книжной, и к нейтральной в функционально-стилистическом отношении лексике. Однако принадлежность возвышенной лексики к книжным средствам вторична. Она объясняется тем, что торжественный, патетический тон наиболее характерен именно для указанных разновидностей речи. В устной обиходно-бытовой речи и при применении к предметам повседневной жизни возвышенные слова создают комический эффект, даже если говорящий стремился выразить высокие чувства, придать речи возвышенный эмоциональный тон. Ср. употребление слов *вопиять* и *ревнитель* в газетных заголовках: Ящики *вопиют* и *Ревнитель* чистоты (о дворнике), а слова *соратник* в таком отрывке: Ранним утром, когда еще степь вся в холодных, прозрачных росах и только-только затеплится свет у края неба, поднимался, шел будить *соратников* по труду. Выгоняли буренок подальше, устраивались где-нибудь в холодке (Из газет, 1964).

Таким образом, считать возвышенную лексику разновидностью книжной лексики нет оснований. Эта лексика лежит на пересечении двух линий стилистических разграничений в лексике. При классификации слов с точки зрения наличия или отсутствия в них сведений о сфере общения эта лексика попадает в состав книжных средств, при подходе к словам с точки зрения наличия или отсутствия в них сведений об отношении говорящего к пред-

мету речи она предстает как разновидность эмоционально-оценочной лексики.

Возвышенной лексике противостоит и по характеру стилистического впечатления, и по характеру дополнительной информации лексика типа *мерещиться, озираться, плюхнуться* и т. п.

Слова этой группы одни в большей, другие в меньшей степени приземляют, принижают предмет речи, представляют его как заурядный, малопочтенный. От степени этого приземления зависит интенсивность их окраски.

Слабую окраску эмоциональной сниженности имеют такие слова, как *померещиться* (ср.: Никто не стучал. *Померещилось* тебе — Никто не стучал. *Показалось* тебе), *красотка* (Дочь у него *красотка* — Дочь у него *красавица*), *железяка* (Поднял с земли какую-то *железяку* — Поднял с земли какой-то *железный предмет*) и т. п. Интенсивнее окраска у слов *озираться* (Идет по улице, *озираясь* — Идет по улице, *настороженно оглядываясь по сторонам*), *уставиться* (Подошел и *уставился* на нее — Подошел и *стал не сводя глаз смотреть на нее*), *шмякнуться, трахнуться, грохнуться, растянуться* (Споткнулся о порог и *шмякнулся, трахнулся, грохнулся растянулся*), *плюхнуться* (Он *плюхнулся* на диван — Он тяжело, грузно *сел* на диван) и т. п. Такие слова еще больше приземляют, принижают предмет, в частности, представляя его как неэстетичный, даже в какой-то степени нелепый. Еще больше степень сниженности у слов *раскорячить* (Он стоял, *раскорячив* ноги — Он стоял, *широко расставив* ноги), *заржать, ржать* (Василий опять *заржал*; Публика *ржала* во время представления — Василий опять *громко, несдержанно засмеялся;* Публика *громко, несдержанно смеялась* во время представления) и т. п. Они представляют предмет речи как безобразный, оскорбляющий эстетическое чувство или низменный, грубый.

Стилистический характер этих слов обнаруживает себя также в большей или меньшей их неуместности при отсутствии установки на приземление предмета речи, на характеристику его как неэстетичного, грубого, неприличного и особенно при применении к чему-либо возвышенному и важному: Барышня опять *уставилась* на дальнюю рощу (Короленко. В облачный день); Оставшись один в огромном кабинете..., я благоговейно *озираюсь* (С. Розенфельд. Повесть о Шаляпине); Он стоял, *раскорячив* куцые, сильные ноги, низкорослый и могучий, как степной вяз (Шолохов, Поднятая целина).

Предметное содержание отмеченных слов не заключает в себе никаких признаков, которые оправдывали бы заключенные в этих словах характеристики; не содержат в себе они и каких бы то ни было других оценок. Поэтому их стилистические свойства выступают в чистом виде. Приведенные выше немые и смещенные тексты свидетельствуют о том, что дополнительная информация, которую заключает в себе эмоционально сниженная лексика, представляют собой чувства (естественные по отно-

шению к предметам ординарным, низким или неэстетичным, безобразным, грубым), осложненные собственно отношением говорящего к предмету речи,— отношением непочтительным. Поэтому такую лексику можно характеризовать как фамильярную в широком смысле слова.

Эмоционально сниженная лексика часто содержит в себе предметные признаки, соответствующие характеру ее стилистических свойств. Как правило, она обладает и отрицательной эмоциональной оценочностью. Ср: А он стоит и *скалится*.— А он стоит и *ухмыляется* — А он стоит и *улыбается*; Он подошел к столу и *откромсал* себе кусок хлеба — Он подошел к столу и *грубо, неаккуратно отрезал* себе кусок хлеба; Подошла к окну и стала *глазеть* на улицу — Подошла к окну и стала *бесцельно, из праздного любопытства смотреть* на улицу; Он посмотрел на меня своими *гляделками* — Он посмотрел на меня своими *невыразительными* (*маленькими, тусклыми* и т. п.) *глазами*; Когда я пришла, он *жрал* — Когда я пришла, он *жадно* (*много, безобразно*) ел; Кто это так *вопит*? — Кто это так *громко и протяжно кричит*?; Что он сейчас делает, *дрыхнет*? — Что он сейчас делает, *спит*?; Значит, *околел* старик — Значит, *умер* старик; Когда он *продрал глаза*, в комнате уже никого не было — Когда он *проснулся*, в комнате уже никого не было.

Лексика данного типа нередко оказывается и социально маркированной. Таковы, например, слова *хряснуться, хлобыстнуться, грянуться, скапутиться, сыграть в ящик* и т. д.

Именно у слов данного типа исследователи отмечают эфемерность и изменчивость предметных признаков. Однако наблюдение над поведением этих слов в немых контекстах говорит, что эта эфемерность, изменчивость иллюзорны, создаются контекстами. Слово *гляделки*, например, потому может применяться и по отношению к маленьким, и по отношению к тусклым, и по отношению к невыразительным глазам, что все эти признаки могут быть расценены как не отвечающие эстетическим требованиям, принижающие соответствующий предмет, на что и указывает слово. *Откромсать*, указывая на грубость, неаккуратность исполнения, может быть применено к действию, не отвечающему этому требованию, потому что это несоответствие компенсируется способностью слова давать аналогичную эмоциональную характеристику. И наоборот, слово *брюхо*, которое означает просто 'живот' (об этом говорит однозначность понимания немого текста Он похлопал себя по *брюху*), в тексте может получить значение 'большой живот': (Мужчины) серьезно рассуждали о том, что во дворце Гоффур для *брюха* толстого короля Вюртембергского сделали специальный вырез в столе (Л. Никулин. России верные сыны).

Эмоционально сниженная лексика, как и лексика собственно фамильярная, принадлежит к разговорному слою лексики, но только потому, что выражаемые ею эмоциональные оценки и отношения характерны именно для обиходно-бытового общения.

ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ СОБСТВЕННО ОТНОШЕНИЕ (ХАРАКТЕР ПОВЕДЕНИЯ, ОБРАЩЕНИЯ) ГОВОРЯЩЕГО К ПРЕДМЕТУ РЕЧИ

Отношение говорящего к предмету речи не связано с его оценкой, а иногда находится в противоречии с ней.

Лексика, имеющая эмоциональную окраску, может выражать фамильярное (развязное, панибратское, без учета условностей в обращении, тоне и т. п.) отношение говорящего к предмету речи.

Таковы, например, *благоверный*, *верхотура*, *всхрапнуть* ‘поспать немного’, *допрыгаться*, *куча* — о большом количестве чего-н. (получила *кучу* писем), *киношка*, *смахивать* на кого-н., *закатиться* куда-н. ‘отправиться куда-н.’, *завалиться* (спать), *загогулина*, *дока*, *мастак* и т. д.

К этому же разряду эмоционально окрашенной лексики принадлежат слова, выражающие ироническое (насмешливое) и шутливое отношение к предмету речи. Это, например, *вояж*, *вирши*, *законник*, *эскулап*, *воздыхатель*, *каланча* — об очень высоком человеке, *изрекать*, *вещать*, *допотопный*, *петух* ‘забияка, задира’, *амбре*, *душещипательный*, *пустопорожний*, *старушенция* и т. п.

Для слов, указывающих на ироническое, шутливое, фамильярное отношение, характерно то, что они могут быть применены незаслуженно по отношению к предметам, обладающим положительными качествами или достойным уважения, почтения.

Другая группа слов, а именно слова, указывающие на ласковое и снисходительное отношение к предмету речи, напротив, может обозначать отрицательные предметы и применяться к таким предметам.

Ласкательность, в которой проявляются чувства любви, нежности, умиления, выражается обычно словами, которые воспринимаются не как самостоятельные лексические единицы, а как образования, в которых реализуются потенциальные словообразовательные возможности языка (*мамочка*, *мамуля*, *мамуся*, *березонька*, *реченька* и т. п.). Из слов, закрепившихся в языке с окраской ласкательности, можно указать *дружок* (в обращении: Здравствуй, *дружок*!), *глупыш*, *глупышка*, *капризуля*, *сонуля*, *роднуля*. Предметное содержание слов *капризуля*, *сонуля*, *глупыш* имеет отрицательный характер. Употребляя их, говорящий указывает определенный недостаток того или иного лица и одновременно выражает чувство любви к нему. Здесь наиболее отчетливо проявляется принципиальная несвязанность данной лексики с оценкой. Слова, имеющие окраску ласкательности, могут быть использованы в шутливых и фамильярных контекстах, а слова фамильярные — в ласкательной функции. Поэтому часто неясно, какую окраску имеет слово — окраску ласкательности или окраску шутливую или фамильярную. Таковы, например, слова *бутуз*, *карапуз*, *клоп*, *пузырь* по отношению к ребенку.

Ср.: Ему захотелось приласкать мальчика. «Поди-ка, сюда, *клоп*»,— сказал он (Чехов);— Тебя как зовут, *пузырь*?— спросил писатель Алешу.— Алексеем,— сердито пробормотал Алеша (Паустовский. Северная повесть). Неясно, имеют окраску ласкательности или только часто употребляются как ласкательные слова *птаха*, *пташка*, *пичуга*, *пичужка*, *голубчик*. Если поставить слова *бутуз*, *карапуз*, *клоп*, *пузырь*, *пузан* в немой текст: Посмотри-ка на того *бутуза* (*карапуза*, *клопа*, *пузыря*, *пузана*), то обнаружится, что *бутуз*, *карапуз*, *клоп* имеют окраску ласкательности, у слов же *пузырь* и *пузан* этой окраски нет, им свойственна окраска насмешливости. *Пичуга*, *пичужка* имеют окраску ласкательности, *пташка* — нет. Это видно из немых текстов: На ветке сидит какая-то *пичуга* (*пичужка*). На ветке видит какая-то *пташка*.

У части слов окраска ласкательности «смешана» с окраской фамильярности: *малявка* (о ребенке), *мордашка*, *детвора*, *ребятня*.

Немногочисленны и слова, указывающие на снисходительное отношение к обозначаемому. Таковы *неслух* (ср. *своевольник*), *баловень*, *баловник*, *егоза*, *озорник*, *шалун*, *проказник*, *сорванец*, *дуреха*, *толстуха*.

К этому же разряду относится и лексика, сообщающая о сочувственном отношении к предмету речи: *бедняжка*, *бедняга*, *бедолага* (в этом слове сочувствие связано с некоторым оттенком пренебрежительной жалости), *горемыка*, *горюн*, *заморыш*, *худышка* и нек. др.

БРАННАЯ ЛЕКСИКА

Бранную лексику справедливо относят к лексике эмоционально окрашенной. Не столь очевидно ее место в составе этой лексики. Принято считать ее такой же разновидностью эмоционально окрашенной лексики, как лексика ироническая, шутливая, неодобрительная, презрительная и т. п. Так, в частности, понимают ее составители толковых словарей современного русского литературного языка: помету *бран.* они ставят в одном ряду с пометами *ирон.*, *презрит.*, *пренебрежит.*, *укор.*, *неодобрит.*, *шутл.* и т. д. Между тем интуиция говорит, что бранная лексика противостоит всем другим группам эмоционально окрашенной лексики, что вся эмоционально окрашенная лексика делится на бранную и небранную.

Чтобы определить, является ли бранная лексика разновидностью или особым видом эмоционально окрашенной лексики, необходимо выявить ее специфику, ее отличительные особенности. Решение этого вопроса имеет важное значение, в частности, для лексикографической практики. В показе бранной лексики словарями нет согласованности. Во-первых, одна и та же лексическая единица (слово, значение, оттенок значения) в одном словаре может характеризоваться как бранная, в другом — как презрительно, пренебрежительно и т. п. окрашенная или же полу-

чить (с помощью помет *разг.* или *простореч.*) только так называемую функционально-стилистическую характеристику[8]. См., например, слова *сопляк*, *гадина* и т. п. в СУ, в СО и в СА4. Во-вторых, бранные свойства слова в одном словаре могут быть представлены значением, в другом — оттенком значения, не имеющего бранного характера, а в СА17 — отмечены за знаком ◇, который используется здесь «для показа связанного употребления слова в тех или иных синтаксических оборотах». Смотрите слова *мерзавец*, *скот*, *тварь*, *сволочь* и т. п. В-третьих, та или иная лексическая единица в одном словаре может получить какое-либо определение, в другом — указание, к кому или чему она применяется или только помету *бранно*. При этом в разных словарях у слова могут быть отмечены разные предметные признаки.

Эти расхождения безусловно отчасти объясняются несовпадением языковых представлений составителей разных словарей (что может быть связано, в частности, с их принадлежностью к разным возрастным группам). Однако главная их причина — в трудностях различения бранных и презрительно, пренебрежительно и т. п. окрашенных языковых фактов. Эти трудности возникают и при рассмотрении слова вне контекста, потому что оскорбительный характер могут иметь как те, так и другие (ср. *бездарь*), и в контексте. Дело в том, что одно и то же слово в разных цитатах может звучать по-разному: в одних как бранное, в других как не имеющее бранного характера. Так, в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина слова *дурачина* и *простофиля* имеют бранное звучание: Старуха сидит под окошком, На чем свет стоит мужа ругает: «*Дурачина* ты, прямой *простофиля*! Выпросил, *простофиля*, избу! Воротись, поклонися рыбке: Не хочу быть черной крестьянкой, Хочу быть столбовою дворянкой». Но ср.: Маякин чмокнул губами и унылым голосом пропел:— Какой ты ду-убина! Какой *ду-урачина*! (М. Горький. Фома Гордеев); Тетенька Арина Павловна слывет в своей семье *простофилей*. Действительно, она очень недалека (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). Не случайно слово *дурачина* СУ дает с пометой *разг. фам. укор.*, СО — *разг.*, отмечая, что оно употребляется с оттенком бранной укоризны, СА4 — с пометой *прост. бран.*; слово *простофиля* в СУ, СА17, СО дается с пометой *разг.*, тогда как СА4 выделяет у него бранный оттенок.

Различить, когда то или иное звучание слова соответствует его свойствам как единицы языка, и когда оно имеет контекстуальный характер, руководствуясь только языковым чутьем, не всегда просто. Контекст может придать бранное звучание не только слову, которое обозначает человека, животное и т. п. с

---

[8] Вместе с тем, как показало исследование, в одном и том же словаре однородные факты нередко даются по-разному. См., например, в Словаре русского литературного языка в 17-ти томах АН СССР слова *дьявол*, *черт*, *сатана*, *паразит*, *холера*.

каким-либо отрицательным, позорящим признаком или обладает отрицательной оценочностью, но и слову с нейтральным предметным содержанием: Резко оттолкнув его руку, я назвал его *шпионом* и идиотом (Короленко. История моего современника); [Франц:] Воротился ночью мельник... Жонка! Что за сапоги? Ах ты *пьяница*, бездельник! Где ты видишь сапоги? (Пушкин. Сцены из рыцарских времен);— Тише вы, *дылды*! — закричала на них Татьяна (М. Горький. Три дня). И наоборот, он может приглушить или даже полностью нейтрализовать бранные свойства слова.

Исследование отличительных признаков бранной лексики и тех условий, в которых различия между нею и эмоционально окрашенными средствами небранного характера проявляются наиболее отчетливо, поможет правильно квалифицировать сомнительные факты и единообразно описывать эту лексику в словарях[9].

І. Н. Д. Арутюнова характеризует различия между бранной и оценочной лексикой следующим образом: «Отрицательная оценка,— говорит она,— по-видимому, обладает большей тенденцией (разрядка наша.— *Е. П.*) к отрыву от свойств референта, чем оценка положительная. Окончательный отрыв от действительности превращает отрицательную оценку в ругательство (имеется в виду ругательство-определение...). Ругань выражает только отрицательное отношение говорящего к объекту оценки (обычно адресату). Она не нуждается ни в основании, ни в критерии оценки»[10].

В этой связи необходимо сделать следующие предварительные замечания.

1) В результате нашего исследования выяснилось, что необходимо отдельно говорить о различиях свойств той и другой лексики в самом языке, и о различиях их поведения в речи. Для части бранных лексических единиц, как и для части оценочных единиц небранного характера, действительно, характерен отрыв от свойств референта в самом языке, причем отрыв полный. Но у тех единиц, бранный характер которых соответствует заключенным в них сведениям о предмете, отрыв от действительности осуществляется в употреблении, что не характерно для лексики небранной. Сказанное дает основания считать, что отрыв от действительности специфичен именно для бранной лексики, что разница между той частью этой лексики, которая достигла свое-

[9] Следует отметить, что на бранные свойства лексических единиц могут наслаиваться другого рода признаки. Бранная лексика, как и небранная, может быть, во-первых, неприличной или вульгарной, и во-вторых, социально маркированной (ср. нейтральные в социальчом отношении *сволочь, гадина* и социально окрашенные *паразит, сука, зараза*). Эти сопутствующие бранным признаки слов в настоящей книге не рассматриваются. Оставлены в стороне и различия в степени интенсивности бранной окраски (ср. *негодяй* и *сволочь*).

[10] В кн.: Аспекты семантических исследований, гл. «К проблеме функциональных типов лексического значения». М.: Наука, 1980, с. 231.

го «идеала» — полного отрыва от свойств референта, и той, которая приближается к нему в речи, имеет принципиальный характер и должна быть положена в основу ее классификации.

2) Как сказано, интерес представляют различия между бранной лексикой и только одним из видов оценочной лексики — лексикой, несущей в себе эмоциональную оценку обозначаемого предмета говорящим. «Рассудочная» оценка обозначаемого предмета говорящим как плохого, нежелательного и т. п. представляет интерес как фактор, к отрыву от которого бранная лексика стремится так же, как и к отрыву от действительности.

1. К бранной лексике первой группы относятся такие лексические единицы, как *зараза*, *паразит*, *холера*, *сатана*, *идол*, *черт*, *дьявол*, *хрыч*, *хрычовка* и т. п. Только к ним в полной мере относится та характеристика бранной лексики, которую дает Н. Д. Арутюнова. Такие единицы наиболее резко отличаются от лексики пренебрежительно, презрительно и т. п. окрашенной.

Эмоционально окрашенные единицы лексики типа *лентяй*, *лодырь*, *балаболка*, *писака* и т. д. выполняют две функции — номинативную и экспрессивную: обозначая предмет (в широком смысле), они выражают к нему те или иные чувства, эмоции говорящего.

Бранные единицы типа *зараза*, *паразит*, *идол*, *холера*, *черт*, *дьявол* безусловно не являются наименованиями каких бы то ни было лиц, животных и т. д. Точно так же слово *хрычовка* не является наименованием старой женщины, а *хрыч* и *хрен* — наименованиями старого мужчины. Следовательно, сведения, которые они в себе заключают, это сведения не об обозначаемом предмете [11], а о предмете, к которому они применимы в бранных целях без какого-либо специального стилистического задания.

Предметная информация, заключенная в бранных единицах *зараза*, *идол*, *черт* и т. п., крайне обща и неконкретна: круг предметов, которые можно ими обругать, не вызывая ощущения необычности употребления, очень широк. Так, бранные *паразит* и *паразитка* содержат в себе указания на применимость их вообще к живым существам, первое — мужского, второе — женского пола. Это обнаруживает себя в том, что употребление их по отношению как к людям, так и к животным соответствующего пола воспринимается как естественное, в текстах же: *Вот паразит погодка*! *Как воскресенье, так дождь* и особенно: *Вот паразитка дождь*! *Как воскресенье, так зарядит на весь день* — ощущается два сдвига. Сдвиг относительно указания на применимость к живым существам воспринимается как оправданный заданием представить погоду как нечто живое, одушевленное; сдвиг относительно указания пола, как ничем не оправданный, вызывает впечатление ошибочного употребления.

---

[11] Ср. определение бранной лексики в СО: ...(*бран.*), т. е. бранное — означают, что в слове содержится соответствующая эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого явления (сведения, необходимые для пользующихся словарем, § 16).

Бранные *зараза*, *холера*, *идол*, *сатана* также указывают на применимость только к живым существам [12], но указаний относительно пола в себе не заключают [13].

Особенно показательны бранные *дьявол* и *черт*, которые применимы ко всему, что вызывает недовольство, раздражение, злость. Ими можно обругать, не вызывая впечатления сдвига, и мужчину, и женщину (— Куда тебя несет, *дьявол*! Не видишь разве, что едешь на людей! — услыхал Бобров впереди грубый окрик.— Куприн. Молох; Он разделся, зло взглянул на мать и рявкнул: — Не видишь, *дьявол*? Давай воды! — Гладков. Повесть о детстве), и кошку, стащившую мясо, и камешек, разбивший ветровое стекло автомобиля (У, *черт*!). Кроме того, они используются при неожиданно возникших нежелательных обстоятельствах: — О, *дьявол*! — выругался Илья, оступившись в какую-то яму, полную грязи и снега (М. Горький. Трое); И обнял бы, и потряс, и выпили бы они по-братски, да помешала пуговица на джинсах — зацепилась за край стола и отлетела.— Вот *дьявол*! — выругался Димка (Вл. Карпов. Багаев, большая деньга, далекая фирма и высокое небо). Такое употребление не имеет даже и предметной направленности, поскольку говорящий не преследует цели кого-либо или что-либо обругать.

Круг приложимости слов *хрен*, *хрыч*, *хрычовка* конкретен и определен: это старые люди, мужчины или женщины. С бранными *паразит*, *холера*, *сатана* и т. д. их объединяет то, что их бранные свойства не оправданы ни объективно отрицательным характером предметов, к которым они применимы, ни субъективным отрицательным мнением о них говорящего (таких сведений они в себе не заключают).

2. К бранной лексике второй группы относятся те лексические единицы, которые заключают в себе мотивировку своей бранности — указывают на отрицательные признаки предмета

[12] Некоторые из этих бранных единиц в словарях характеризуются как применимые только к человеку. Так, в СА17 о слове *холера* в бранном значении говорится: 2. *Грубо простореч.* По отношению к лицам муж. и жен. пола. Употребляется как бранное слово. В СО о слове *сатана*: ... а также (*прост.*, м. и ж.) бранно о человеке. Однако *холера* представляется естественным не только в текстах типа: Помнишь, Катя, офицера — Не ушел он от ножа.. Аль не вспомнила, *холера*? Али память не свежа? (Блок. Двенадцать); Прошка только скалил зубы, переминался с ноги на ногу и ничего не отвечал.— Ах, ты, онемел, что ли?..— рассердился Федорка совсем.— Вот как учну за вихры таскать, *холеру*, так у меня заговоришь (Мамин-Сибиряк. Кормилец), но и в такой, например, фразе: Пошла отсюда, *холера*! (о кошке). Следовательно, и в этой фразе оно употреблено в соответствии с заключенными в нем сведениями. Не ощущается сдвига (и задания «очеловечить» животное) и при применении бранного *сатана* в тексте: — Но, *сатана*! — крикнул он и хлестнул вожжой костлявую лошадь. Паустовский. Дождливый рассвет).

[13] *Идол*, будучи применимо к существам как мужского, так и женского пола (ср.: — Поворачивайтесь по-матросски, *черти*!.. Не копайся, *идолы*! — Станюкович. Ужасный день; Моя генеральша встанет в двенадцать часов и до самой ночи трескает (чай) — как ее, *идола*, не разорвет.— А. Н. Толстой. Сестры), содержит в себе указание грамматического рода: можно сказать *мой идол*, но нельзя *моя идол*.

или отрицательную оценку его говорящим,— но могут терять ее при употреблении. Эти бранные единицы неоднородны по характеру своего предметного содержания.

1) Первая подгруппа бранной лексики рассматриваемого типа характеризуется аморфностью предметного содержания. Слово *обормот* получает в СУ определение: «Никчемный, негодный человек, грубиян, болван», в САЧ — «Негодный, никчемный и т. п. человек», в СО — «Грубый человек, болван». Между тем это слово не содержит в себе четких, категорических указаний ни на грубость, ни на глупость, ни на никчемность или негодность того, к кому его применяют. Оно указывает на свою применимость к тем, кто чем-либо (поведением, внешним обликом и т. д.) не соответствует эталону, сложившемуся в представлениях говорящего, не таковы, как следует быть. Об этом говорит уместность его во всех приведенных ниже текстах: И вахлак он, и носом сопит, когда ест, и сапожищами стучит... И зачем только я такого *обормота* навязал себе на шею? — удивлялся Шматов (Мамин-Сибиряк. Злой дух); — Куды торопишься! — крикнула Матрена.— Шею умой сначала, ходишь тут *обормотом* (Паустовский. Северная повесть); — Старый *хрен*!.. *обормот* проклятый... Да ни совести в тебе, ни греха ты не боишься (Серафимович. В винограднике); Зинка, подбоченившаяся, проводила его ворчанием:— С председателем он пил... Может скажешь еще, с председательшей? — Нет, с председательшей не скажу, а то волосья ей вытаскаешь...— Ой, ой,— презрительно выпятила губы Зинка,— золото какое. Стану я из-за такого *обормота* людям настроение портить... (Фролов. Звезда упала...).

Аморфно и предметное содержание слова *охломон*, еще не отмеченного в словарях:— Эй, товарищ! Ты что, без резиновых рукавиц в телевизоре копался? Вот *охломон* — там же 6000 вольт! (Лит. газета, 1978);— Пойло дрянь. А получше ничего в этом заведении не имеется. Да и домой пора — отметиться. Матери обещал...— Простите, как... э... отметиться? — простодушно спросил Фиалков... Семен глянул на него с нескрываемым презрением, остальные громко засмеялись... Михаил Михайлович был благодарен Ивану за вмешательство, но в то же время ему стало и неприятно, точно он не справился бы с этими *охломонами*! (В. Ермолова. Мужские прогулки).

2) Вторая подгруппа указывает альтернативные признаки. Так, слово *скот* в бранном значении заключает в себе указание и на грубость, неспособность к тонким чувствам, и на непорядочность, подлость. Слова *олух*, *оболтус* применимы не только к глупому, бестолковому человеку, но и — *олух* к тому, кто проявляет непослушание, *оболтус* к тому, кто склонен к легкомысленному, несерьезному поведению. В соответствии с первым указанием они употреблены в текстах:— Что ты городишь чепуху? *Олух* ты этакий! (Гладков. Цемент);— *Оболтусы* вы экие!.. он гаром ходит, и названье ему: пароход (Решетников. Подлиповцы). Второе обнаруживает себя в фразе: Дети выросли *олуха-*

ми. Дети выросли *оболтусами*. Слова *остолоп*, *болван*, *осел*, *балда*, заключающие в себе только указание на глупость, несообразительность, в этой фразе были бы неуместны.

3) К третьей подгруппе относятся бранные слова и значения с четко выраженными указаниями на какие-либо конкретные отрицательные признаки того, кого бранят, ругают, или (и) с отрицательной его оценкой.

Так, *щенок* в бранном значении заключает в себе указание на связанную с молодостью неопытность, незнание жизни. В соответствии с этим указанием оно употреблено в таких, например, цитатах: [Князь Иван Петрович:] Молчи, *щенок*! Знай, бейся на кулачках. О деле ж дай старейшим говорить! (А. К. Толстой. Царь Федор Иоаннович); Учрежденным тогда комитетам Потерявшие ум старики Посылали, сердясь не по летам, Брань такую: «Мальчишки, *щенки*!» (Некрасов. Недавнее время).

На глупость и бестолковость указывают *балда* (— Куда, куда поехал? Что за *балда*! Не может правой руки отличить от левой!— Новиков-Прибой. Цусима), *болван* (— Боже мой, что я за *болван*!— закричал он.— Ты с дороги, а я даже не предложил тебе чаю.— Каверин. Два капитана), *дубина*: (— Это какая цифра? 75 или 15? *Дубина* ты этакая! Закорючку не можешь даже как следует над семью поставить.— Чехов. Трифон), *идиот* (— Чего же ты лез на штык, *идиот*? — так же вяло замечает Скибин.— Куприн. Поход), *осел* ([Слуга:] Полковник Скалозуб. Прикажете принять? [Фамусов встает:] *Ослы*, сто раз вам повторять? Принять его, позвать; просить, сказать, что дома.— Грибоедов. Горе от ума) и др.

Ведьма указывает на злобность, *халда* — на грубость и наглость, *холява* — на неряшливость, *аспид*, *душегуб*, *изверг* и т. д.— на жестокость, *поганец*, *паршивец*, *негодник* — на отрицательный характер поведения, *шваль*, *дерьмо* — на негодность, никчемность, низкие достоинства соответствующего лица.

Большую группу составляют бранные слова и значения, указывающие на подлость, низость лица, вызвавшего брань. Это *гад*, *гадюка*: (Артем) бросил напильник и, надвинувшись всей громадой на гетманца... прохрипел:— Как смеешь бить, *гад*? (Н. Островский. Как закалялась сталь); *сволочь*:— *Сволочи*!— говорит она гневно.— Бросили товарищей (Крымов. Танкер «Дербент»); *стерва*, *стервец*, *стервоза*: Женщина с крашеными губами не спеша встает, идет к выходу...— *Стерва*!— сказала старуха из угла...— Вчера выдала разведчика (Коптяева. Дружба); [Дракин:] Власть советская двадцать лет тебя с ладошки питала... все забыл, *стервец*? (Леонов. Ленушка);— Это она тебя всю зиму за нос и водила?.. Ах она, *стервоза*! (М. Горький. Фома Гордеев) и др.

Своего идеала — отрыва от действительности — лексика второго типа, как уже сказано, достигает в речи, отличаясь этим от лексики небранного характера.

Небранные слова, указывающие на отрицательный признак

обозначаемого предмета, употребляются по отношению к предмету, который не имеет этого признака (например, слово *лентяй* по отношению к тому, кого нет оснований считать ленивым человеком) только в шутливо-иронических целях. Слова, несущие в себе отрицательную оценку обозначаемого, допустимы по отношению к предметам, объективно не заслуживающим этой оценки, в тех же целях, а также для ситуативно обусловленной или субъективной характеристики таких предметов говорящим (ср.: *зачинщики переписки между учреждениями*; *зачинщик борьбы против курения в самолетах*). Немотивированное применение их к несоответствующим предметам воспринимается как ошибка.

Бранные слова второй группы могут быть употреблены по отношению к лицам, животным и т. п., которые не обладают указываемыми ими признаками, без всякой специальной мотивировки, не создавая при этом впечатление сдвига. Так, в приведенных ниже цитатах слово *щенок* утратило заключенное в нем указание на неопытность, незнание жизни: Вы, *щенки*! За мной ступайте! Будет вам по калачу, Да смотрите ж не болтайте, А не то поколочу (Пушкин. Утопленник); От опушки леса донесся разгневанный бас старика:— Ты что ж это, сукин сын, творишь? Тебе что, осинника мало? Тальника? А ну — сгинь с моих глаз! Марш отсюда, *щенок*! (А. Черешнев. Леший).

Обозвав подростка *сволочью*, мужик из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» вовсе не хотел сказать, что проступок этого персонажа свидетельствует о подлости и низости: Подросток зацепил бричкой ось телеги; тогда мужик, приподняв голову, начал ругаться:— Куда лезешь, *сволочь*?

Не соответствует поведению обруганного лица и явно не преследует цели выразить субъективную точку зрения говорящего слово *осел*: Илья взял газету с прилавка и, стоя у двери, стал читать ее. Но приказчик вырвал газету из его рук, щелкнул его пальцем по носу и угрожающе спросил:— Кто тебе позволил, а? *Осел* (М. Горький. Трое).

Бранные единицы первой и второй подгрупп второго типа, как и бранная лексика первого типа, не выполняют номинативной функции. *Обормот* не является наименованием лица, не соответствующего (по мнению говорящего) каким-то нормам поведения, внешнего вида и т. д., а лишь указывает на свою применимость при ругани, ссоре к такому лицу. *Оболтус* применяется в бранных целях к глупым или легкомысленным людям, но не значит ‘глупый или легкомысленный человек’. Следовательно, определения значений всех бранных единиц с аморфным или альтернативным содержанием должны даваться в форме указаний, к кому или чему такие единицы применимы.

Бранные единицы 3-й подгруппы особенно часто вызывают впечатление выполняющих функцию наименований (например, *хам*, *подлец*, *мошенник*, *идиот*). Представляется, однако, что это впечатление иллюзорное. Оно вызвано тем, что семантическая структура соответствующего слова включает в себя помимо бран-

ной единицы, имеющей только экспрессивное назначение, единицу с тем же предметным содержанием, но с презрительной, пренебрежительной и т. п. окраской, действительно выполняющую номинативную функцию (см. ниже).

Обращает на себя внимание, что бранный характер лексических единиц часто не оправдан и их внутренней формой. Среди бранных слов немало таких, которые в настоящее время не имеют родственных связей с другими словами современного русского литературного языка (например, *аспид*, *балбес*, *грымза*, *карга*, *мымра*, *олух*, *остолоп*, *сволочь*, *стерва*, *хрыч* и др.). Производные бранные значения часто не имеют живой связи с непроизводными. Бранное *холера*, например, не связано в языковом сознании носителей современного русского литературного языка с названием соответствующей болезни, *паразит* — с названием организма, питающегося за счет другого организма и вредящего ему, *дьявол* и *черт* — с персонажами христианской мифологии и т. д. Применяя эти слова, говорящий не имеет в виду указать на сходство того, кого он ругает, с этими «предметами», а у получателей речи не возникает никаких ассоциаций с ними.

У части бранных единиц отмечается ложная мотивировка бранности внутренней формой. Таково, например, бранное значение слова *свинья*: за животным, называемым этим словом, подлых и низких поступков не числится, свинья — символ нечистоплотности, неопрятности, но не подлости и низости. Точно так же *осел* — символ упрямства, а не глупости. Нет общности между исходным и бранным значением слова *собака*: отличительным отрицательным признаком животного, называемого собакой, считается злость, злобность. Поэтому помета *перен.* в таких случаях ничем не оправдана.

Внутренняя форма сохраняется по преимуществу в тех случаях, когда она имеет оскорбительный характер. Ср. *старый хрен*, *сопляк*. Показательно, что слова, бранный характер которых не мотивирован ни предметным содержанием, ни внутренней формой, наиболее выразительны в бранном отношении (более резки и злы). Очевидно, ясная внутренняя форма, если только она не оскорбительна, смягчает бранное звучание слова, раскрывая несправедливость брани.

II. Итак, бранная лексика отличается от эмоционально окрашенной лексики небранного характера прежде всего отсутствием номинативной функции. Бранная лексика первого типа, как правило, также — крайне широким и нейтральным в оценочном отношении предметным содержанием, бранная лексика второго типа — способностью к отрыву от действительности в речи и (1-я и 2-я подгруппы этой лексики) — аморфностью или альтернативностью предметного содержания.

Другие различия между бранной и небранной эмоционально окрашенной лексикой целесообразно рассмотреть на примере единиц первого типа, экспрессивные свойства которых не оправ-

даны ни объективно отрицательным характером предметов, к которым они применимы, ни субъективным отрицательным мнением говорящего, ни их внутренней формой.

1. Бранная и небранная лексика различаются особенностями экспрессивной функции. Экспрессивное назначение небранных, как отмечено,— выражать эмоции говорящего. Их способность вызывать у получателя речи соответствующее эмоциональное отношение к обозначаемому предмету, в частности, способность оскорблять адресата речи — вторична, производна. Так, слово *бабка*, имеющее нейтральное предметное содержание ('старая женщина' и 'мать отца или матери') и слово с отрицательным предметным содержанием *бездарь* содержат в себе резко неуважительное, резко пренебрежительное отношение говорящего к обозначаемому лицу и именно поэтому звучат оскорбительно для тех, к кому они относятся.

Бранные единицы также заключают в себе указание на эмоциональное состояние говорящего — раздражение, злость, неприязнь к тому лицу, животному и т. п., к которому их применяют, бранясь, ругаясь. Оно обнаруживается в текстах, не содержащих никаких сведений об эмоциях говорящего: Где же ты, *идол* (*сатана*, *паразит*, *зараза*, *хрыч*) был? Или: Где же ты был? *Сатана*! (*Паразит*! *Зараза*! *Хрыч*!). Получатель речи узнает из этих «немых» текстов о настроении говорящего, а это значит, что соответствующие сведения внесены в них словами *идол*, *сатана*, *паразит*, *зараза*, *хрыч*.

Однако отрицательные эмоции — лишь повод к употреблению бранной лексики. Назначение же ее — оскорбить, унизить, задеть за живое того, к кому она применена. «Что это, сударь, с тобою сделалось?» — сказал он жалким голосом,— «где ты это нагрузился? Ахти господи! Отроду такого греха не бывало!» — Молчи, *хрыч*! — отвечал я ему, запинаясь (Пушкин. Капитанская дочка). Исключение составляют только бранные единицы типа *дьявол*, *черт* при использовании их в неожиданных неприятных обстоятельствах. Не имея предметной направленности, эти единицы, действительно, служат лишь для выражения раздражения, злости и т. п. Но именно эта беспредметность создает своеобразие их экспрессивной функции.

Бранная лексика первого типа, поскольку для нее характерен полный отрыв от свойств референта, позволяет увидеть, каковы же основания бранности лексических единиц. Если сравнить небранное (хотя и оскорбительное) *бабка* 'старая женщина' и бранное с тем же предметным содержанием *хрычовка*, то обнаружится, что второе заключает в себе характеристику самого себя как некоего позорного клейма. Объяснить ее происхождение, как и происхождение такой же автохарактеристики, заключенной в бранном *тварь* (в непроизводном устарелом книжном значении *тварь* 'живое существо') и подобных им единицах затруднительно. У других бранных единиц, например, *дьявол*, *холера* она — единственный след их былой метафорической связи с прямыми значениями соответствующих слов.

2. Бранная лексика и эмоционально окрашенная лексика небранного характера различаются также в синтаксическом отношении.

Наиболее естественным и наиболее частым представляется употребление бранных единиц в односоставных, как правило, восклицательных предложениях, обычно адресованных тому, кого бранят, ругают, а также в приложении, чаще к собственным именам или личным местоимениям, которые могут быть и опущены: Пелипенко, облизнув сухие губы, тихо, нетвердо попросил:— Кончай и меня. *Паразит* (Первенцев. Кочубей);— *Паразит*! Волчья хребтина! — ругался Василий, шагая с Валентиной по улице (Николаева. Жатва);— А батя у тебя есть?— Да пропади он пропадом, *паразит*,— сказал Юра, вспомнив слова матери (Лит. газета, 1978); И ведь, *паразиты*, распределились: один за одну команду болеет, другой — за другую. А за победителя-то все равно оба пьют, не по одинке (Л. Фролов. Звезда упала...).

В этих же условиях употребляется и небранная эмоционально окрашенная лексика, получая при этом налет бранности: Сначала товарищи по кружку и мастерской слушали его внимательно, с любопытством, но скоро догадались, что Фома — просто болтун, а мрачный слесарь Егор Кашин не однажды советовал ему:— Отрежь ты себе половину языка, *пустозвон*! (Горький. Романтик);— А ну, расходись на работу, *лодыри*! Ступайте сено метать к конюшне, коли делать нечего (Шолохов, Поднятая целина); «Вот в родительском проклятии какая сила!» — наставительно заключила мать. «Как в атомной бомбе или сильнее?» — спросила Наташа. «И-и, *бестолочь*»,— был ответ (Студеникин. Меж высоких хлебов).

Этот налет бранности у безусловно небранных лексических единиц говорит о том, что употребление их в указанных синтаксических позициях, каким бы частым оно ни было, неспецифично для них. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в позиции приложения и в односоставном предложении вполне уместны только те небранные эмоционально окрашенные единицы, которые имеют отрицательное предметное содержание. Если же презрительно, пренебрежительно и т. п. окрашенное слово указывает нейтральные признаки обозначаемого предмета, которые с трудом поддаются субъективному отношению к ним говорящего как к отрицательным, употребление его в указанных синтаксических условиях воспринимается как окказионализм. Ср., например, фразы с бранным *хрычовка* и небранным *бабка*: Хватит, замолчи! *Хрычовка*! и: Хватит, замолчи! *Бабка*! Еще труднее допустить возможность использования слова *бабка* в бранной роли в приложении: Ну, ты, *бабка*, хватит болтать! Представляется, что *бабка* употреблено в обращении.

Для бранных же единиц употребление в приложении и в односоставном предложении предуказано самой их экспрессивной функцией позорного клейма и, следовательно, имеет языковой

характер. Для этих единиц неспецифично употребление в позиции сказуемого. Бранная окраска в таком случае редуцируется, отрицательные же признаки и отрицательная оценка говорящим предмета, напротив, активизируются. На примере бранной лексики с нейтральным и с аморфным предметным содержанием это особенно заметно. Так, в тексте:— Она была красавица писаная, а наш полковник — старый *хрыч*, угрюмый и неразговорчивый (Саянов. Лена) слово *хрыч* приобретает функцию отрицательной характеристики старости. Слова *обормот* и *охломон* в тексте: *Что и говорить, обормот* (*охломон*) *он* воспринимаются как указывающие на некие отрицательные признаки того, кто является предметом речи. В употреблении в качестве сказуемого переносных по происхождению бранных единиц усматривается намек на какие-то не вполне ясные и определенные черты сходства данного лица, животного и т. п. с тем, что обозначается словом в его прямом значении:— А где Шкуро, ваш генерал?— Какой он наш! *Сука*, а не генерал (Первенцев. Кочубей); [Марфа Петровна:] Мой и пожить со мной не успел — помер. А твой — ты извини — какой *гадюкой* оказался! (Симонов. Русские люди). Ср.: Ты *дьявол*. Ты *паразит*.

3. Между бранными и небранными лексическими единицами с окраской презрительности, пренебрежительности, эмоционального неодобрения существуют также семантические различия. Они обнаруживаются при сравнении тех и других в текстах типа умозаключений: *Лентяй* (*лодырь*) целый день пролежит, а за дело не возьмется.— *Паразит* (*зараза*) целый день пролежит, а за дело не возьмется; *Лентяя* (*лодыря*) хоть уговаривай, хоть не уговаривай — толк один.— *Паразита* (*заразу*) хоть уговаривай, хоть не уговаривай — толк один; *Лентяю* (*лодырю*) дай только волю, он и с постели не встанет.— *Паразиту* (*заразе*) дай только волю, он и с постели не встанет.

Тексты со словами *лентяй* и *лодырь* понимаются прежде всего как высказывания о ленивых людях вообще, хотя могут быть поняты и как высказывания о каком-то конкретном лице, о котором говорилось ранее. Тексты с бранными *паразит*, *зараза* могут быть поняты только как относящиеся к определенному лицу[14]. Поэтому в фразах, подобных приведенным, такие слова, как и слова типа *лентяй* в применении к конкретным лицам, чаще используются в сочетании с именем данного лица или с местоимением *этот*, *мой*, *твой* и т. п.

Отмеченные синтаксические и семантические различия между бранной лексикой и лексикой с окраской презрительности, пренебрежительности, неодобрительности связаны с особенностями их функциональной семантики.

---

[14] Содержание некоторых из приведенных фраз (например: *Паразиту* дай волю, он и с постели не встанет) допускает понимание их как высказываний обобщающего характера. Однако в таком случае анализируемые слова воспринимаются уже не как бранные, а как употребленные переносно.

Н. Д. Арутюнова считает, что значения субъективного типа (оценочные, в том числе бранные, образные, метафорические) принадлежат к предикатной семантике, объясняя это «практической неприспособленностью субъективной оценки к указанию на объекты действительности». Однако при этом она говорит: «Если оценочные номинации поддержаны анафорой, отсылающей к предтексту, или дейксисом, они могут занять место субъекта конкретного предложения (*Этот обормот не хочет трудиться*)»[15]. Таким образом, Н. Д. Арутюнова отмечает возможность возникновения идентифицирующего значения у оценочных слов в речи.

Ср., однако, еще раз фразы: *Лентяя* хоть уговаривай, хоть не уговаривай — толк один и *Паразита* хоть уговаривай, хоть не уговаривай — толк один.

Интуитивно функциональные значения слов *лентяй* (при понимании фразы как сентенции о ленивых людях) и *паразит* воспринимаются как принципиально разные. В действительности они имеют гибридный характер, но у каждого из них преобладает какая-то одна функция. *Лентяй* прежде всего сообщает экспериментальной фразе сведения о предмете суждения (а именно о его признаках и об отношении к нему говорящего), т. е. выполняет предикатную функцию. Но субъектом суждения в этой фразе является как раз то, что обозначается словом *лентяй*. Следовательно, это слово содержит в себе черты идентифицирующей семантики. *Паразит* также сообщает определенные сведения о предмете суждения. Однако основная функция этой бранной единицы аналогична функции слов, которые (по Н. Д. Арутюновой) отражают третий этап познания предметов — этап классификации: она относит того, к кому применена, к некой «категории» живых существ. (Поскольку эта бранная единица не указывает каких-либо конкретных предметных признаков и не имеет внутренней формы, она квалифицирует данное лицо или животное лишь как нечто очень плохое, позорное. В односоставных предложениях и в приложении эта ее классифицирующая роль видна особенно отчетливо: Что ты сказал? *Паразит*! Что же ты, *паразит*, сделал?).

Отмеченные различия между бранной лексикой и лексикой с презрительной, пренебрежительной и т. п. окраской, как очевидно, дают основания считать первую особым видом эмоционально окрашенной лексики, а не одной из ее разновидностей.

Из сказанного выше можно сделать также важные для лексикографической практики выводы.

1) Признаком принадлежности тех или иных лексических единиц к бранной лексике можно считать то, что они не являются наименованием предмета, а применяются к нему с целью нанести ему оскорбление, дать ему словесную пощечину, и имеют крайне общее, аморфное или альтернативное предметное содер-

[15] В кн.: Аспекты семантических исследований, с. 167 и 237.

жание. На этом основании к бранной лексике могут быть отнесены такие, например, слова, по-разному характеризуемые словарями, как *балбес* и *карга*.

Балбес, так же как *олух* и *оболтус*, указывает и на глупость, бестолковость, и на легкомысленность поведения (сближаясь в этом отношении со словом *шалопай*) того лица, к которому оно применено. Типическим для первого из этих указаний текстом является такой, например: — Как шинель скатал, Веденеев? Ни начала, ни конца... *Балбес*! (Куприн. Поединок). Второе выявляется в тексте: Дети выросли *балбесами*.

Слово *карга* указывает и на сварливость и злой нрав, и на безобразие старой женщины. Первое обнаруживает себя при сравнении этого слова и слова с нейтральным предметным содержанием *хрычовка* в экспериментальных текстах: Хватит, замолчи! *Хрычовка*! и: Хватит, замолчи! *Карга*! Указание на безобразие ощущается в таком немом тексте: Стоит пара рысаков, а в карете Анфиса с какой-то старой *каргой* (Гладков. Вольница).

Свидетельством бранного характера слов с отрицательным предметным содержанием или с отрицательной оценочностью является также возможность употребить их без специального задания не в соответствии с заключенными в них сведениями.

Так, о принадлежности слова *карга* к бранной лексике говорит не только альтернативность указываемых этим словом признаков предмета, но и то, что при употреблении оно может их терять, выступая как равнозначное слову *хрычовка*: Федосья зазывала Райку к себе в гости. Райка придет, посидит на лавке, поболтает ногами. А у Федосьи и играть нечем. Вот ведь, старая *карга*, ни единой игрушечки в доме не завела... (Л. Фролов, Звезда упала...); Она (старушка) долго, словно испытывая чужое терпение, спускалась по трем ступеням. Ишь, *карга* избалованная! Могла бы и пешком дойти,— подавив зевок, сказала кондукторша (Н. Студеникин. Меж высоких хлебов).

Слово *грымза* СУ отмечает как просторечное бранное, давая ему определение: «Старый ворчун, ворчунья». СА4 при аналогичном определении характеризует его как просторечное небранное. И наоборот, слово *мымра* СУ снабжает пометой *обл. презрит.* (давая ему определение: «Угрюмый, скучный человек»), тогда как СА4 характеризует его как просторечное бранное.

Возможность применить как то, так и другое из этих слов к лицам, не обладающим указанными в словарях признаками, говорит о том, что оба они принадлежат к бранной лексике:— Подавай тятенькины деньги, старая *грымза*... — ругался Михалка, стуча в ворота палкой (Мамин-Сибиряк. Дикое счастье); [Фоминишна:] Ах, голубчик ты мой! Ах, я *мымра* слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал (А. Островский. Свои люди).

Утрата в ситуации брани предметных признаков словом *мошенник*, которое СУ и СО дают без всяких помет, словом *негодяй*, не имеющим помет в СО и СА4, словами *дурак* и *подлец*,

которые даются без помет в СО, словом *холуй* — о раболепствующем человеке, которое в СУ характеризуется как просторечное, в СО как презрительно окрашенное, в СА4 оформляется как оттенок с пометой *бран.*, является свидетельством того, что эти слова обладают бранными свойствами: Разве я это сюда говорил ставить тебе, *подлец*? Разве я не говорил тебе наперед разогреть курицу, *мошенник*? (Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка); — Наша сторона побита... Так вам, *дуракам*, и надо. Я на вас, *подлецов*, четверть водки проиграл (Гладков. Повесть о детстве); — *Холуй*! Раб!.. С каких лет мошенничаешь (Гл. Успенский. Разоренье).

Необходимо учитывать, что при исследовании слов указанным способом следует с большой осторожностью подходить к подбору текстов. Они должны действительно не соответствовать (но не обязательно противоречить) предметному содержанию слова и вместе с тем не содержать в себе ничего, что может указать на намерения говорящего бранить, ругать кого или что-либо.

Слова *чертенок* и *дьволенок* (о ребенке) в словарях получают разную характеристику. СУ снабжает соответствующее значение слова *чертенок* пометой *фам.*, а *дьяволенок* — пометой *разг. шутл.* В СА4 у *чертенок* выделено бранное значение, между тем как *дьяволенок* получает помету *прост.* А СС отмечает: «Слова *чертенок* и *бесенок* употр. более мягко, иногда снисходительно или с шутливым оттенком, тогда как *дьяволенок* обычно употр. с оттенком осуждения или бранью по отношению к излишне резвому, проказливому ребенку, способному вывести из себя, навредить».

Поскольку эти слова указывают на излишнюю резвость и проказливость ребенка, текстом, отвечающим требованию несоответствия предметному содержанию для *чертенок* можно было бы считать цитату: — Что ж ты, *чертенок*, стоишь тут без дела? — спросил вдруг хозяин Яшку, стоящего в дверях и ковыряющего от скуки нос (Ф. Решетников. Яшка). Но цитата не оставляет сомнения, что говорящий бранится, ругается. Поэтому более удачными оказываются экспериментальные тексты, тем более что они позволяют сравнить звучание в одних и тех же условиях слов *чертенок*, *дьяволенок* и явно небранного *бесенок*: Что же ты, *чертенок* (*дьяволенок, бесенок*) стоишь? Или: Что же ты стоишь? *Чертенок*! (*Дьяволенок*! *Бесенок*!). Эти фразы обнаруживают бранный характер как слова *чертенок*, так и слова *дьяволенок*: у первого он выражен слабее, у второго отчетливее. *Бесенок* же, как и предполагалось, воспринимается как употребленное в соответствии с его предметным содержанием и с ласковой укоризной.

У слова *молокосос* ‘очень молодой, неопытный, не знающий жизни человек’ СА4 и СА17 выделяют бранный оттенок, тогда как СУ и СО характеризуют это слово как разговорное пренебрежительное. Действительно, слово *молокосос* довольно часто

используется в ситуации брани, что связано с заключенным в нем указанием на неопытность, незнание жизни. Такое употребление представляется естественным, если говорящий бранит то или иное лицо именно как носителя соответствующих качеств: Дед неожиданно для всех прикрикнул на отца: — Поговори у меня! Ишь, язык развязал... *молокосос*! (Гладков. Повесть о детстве). Но в «Графе Нулине» А. С. Пушкина муж, оскорбленный попыткой соблазнить его жену, как очевидно, не имел намерения объяснить поведение графа его молодостью, неопытностью, незнанием жизни. Это слово, как и слово *дурак*, употреблено в чисто бранных целях: «Он очень этим оскорблялся. Он говорил, что граф *дурак*, *Молокосос*; что если так, то графа он визжать заставит, Что псами он его затравит». Это употребление представляется не вполне обычным, не вполне соответствующим современным нормам словоупотребления. Слово *сопляк*, у которого также одни словари отмечают бранные свойства, а другие нет, напротив, в этой цитате выглядело бы вполне на своем месте (Он говорил, что граф *дурак*, *сопляк*). Ср.: Что ты тут расселся? *Молокосос*! и Что ты тут расселся? *Сопляк*! — Очевидно: говорящий, употребляя слова *молокосос* и *сопляк*, не связывает действия адресата речи с его молодостью и неопытностью. Но экспериментальный текст со словом *молокосос* воспринимается как два самостоятельных, независимых друг от друга высказывания: первое посвящено поведению адресата речи, во втором попутно, между прочим сообщается, каков он, и высказывается презрительное отношение к нему. В то же время ясно, что *сопляком* адресата речи обругали в состоянии раздражения именно из-за его действий, указанных в первом предложении.

Аналогичная разница выявляется между словами *дурачина* (СУ дает его с пометой *разг. фам. укор.*, СО — *разг.*, отмечая, что оно употребляется с оттенком бранной укоризны, СА4 — *прост. бран.*) и *дуралей*, которое словари не относят к бранной лексике, с одной стороны, и словом *дурак*, с другой, в текстах: Что ты руками размахиваешь? *Дурачина*! (*Дуралей*!) и Что ты руками размахиваешь? *Дурак*! Так выявляется отсутствие у слов *дурачина* и *дуралей* бранных свойств (в приведенных текстах первое звучит с ласковой укоризной, второе — со снисходительной насмешкой) и подтверждается наличие их у слова *дурак*.

2) Одним из больных вопросов для лексикографов, как отмечено, является вопрос о том, выделять ли у того или иного слова бранное значение или бранный оттенок.

Представляется очевидным: поскольку лексика с бранной окраской и лексика с окраской презрительности (пренебрежительности, эмоциональной неодобрительности) являются разными видами эмоционально окрашенной лексики, между лексическими единицами с той и другой окраской в структуре одного слова не может быть отношений значения и оттенка, независи-

мо от того, тождественно ли их предметное содержание или различается какими-либо смысловыми нюансами. Эти единицы равноправны и должны оформляться как самостоятельные значения. Таким образом, вопрос не в том, является ли та или иная бранная единица значением или оттенком значения, а в том, имеет ли слово только бранное значение или бранное и небранное эмоционально окрашенное значение с одним и тем же предметным содержанием.

Естественно, что если слово обладает и тем, и другим значением, оно употребляется и как наименование предмета с теми или иными отрицательными признаками — с целью выразить отрицательное эмоциональное отношение к нему говорящего, и как словесная пощечина — с целью оскорбить, задеть за живое кого или что-либо.

Так, слово *хам* имеет два значения, заключающих в себе указание на грубость и невоспитанность. Небранное значение с окраской эмоционального неодобрения, осуждения реализуется, например, в цитате: Мужчины укрылись с головою своими пальто и плащами. Шофер был невозмутим в своей закрытой кабине. Лена мокла и думала: «Какие они все *хамы*» (В. Панова. Спутники). Бранное — в цитате: — *Хам*! — крикнула она и плюнула через решетчатую калитку в лицо парню.— Как ты смеешь оскорблять офицера императорской армии? (Паустовский. Далекие годы).

Но цитаты с явно бранным и явно небранным звучанием представляют интерес, главным образом, для целей иллюстрации ясных случаев. Как материал для исследования сомнительных слов они мало пригодны, поскольку определить, имеет ли то или иное употребление языковой или контекстуальный характер, затруднительно.

Безусловным свидетельством того, что слово имеет бранное и небранное значения, могут быть только тексты, допускающие двойное толкование[16]: — Зачем вы, Варя, наскандалили? — укоризненно заметил Звонарев. — *Хамов* надо учить! Я еще обо всем расскажу Вере Алексеевне (Степанов. Порт-Артур); — Подослали тут *подлеца* одного из Пасынок, он и застрелил человека ночью через окно (Линьков. Война в тылу врага); — Ни одного чиновника нет у меня хорошего, все *мерзавцы* (Гоголь. Мертвые души); А не вызвать ли мне его на дуэль?— Мелькнуло в голове Сигаева. — Впрочем много чести... Таких *скотов* убивают, как собак (Чехов. Мститель).

В этих цитатах можно допустить и бранное задание, и задание указать на определенные признаки соответствующих лиц и выразить к ним отрицательное эмоциональное отношение.

---

[16] Ср. замечание Д. Н. Шмелева по поводу синонимов: «Для того, чтобы утверждать, что те или иные из этих слов образуют «синонимические ряды», необходимо установить, что существуют позиции, в которых противопоставление этих слов по каким-то признакам нейтрализуется» (*Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, с. 129).

Тексты, с помощью которых можно определить, имеет ли слово только бранное значение или и бранное и небранное с тем же предметным содержанием, должны, во-первых, соответствовать предметному содержанию анализируемого слова, или хотя бы быть «немыми» относительно признаков предмета, к которому оно применено. Текст, не соответствующий предметному содержанию слова, выявит наличие у этого слова бранного значения, но оставит неизвестным, имеет ли оно небранное значение (см., например, выше тексты на слова *мерзавец*, *подлец*, *холуй*, с помощью которых были установлены бранные свойства этих слов). Так, при проверке слов, указывающих на глупость, несообразительность, не годятся тексты типа: *И что мне делать с дураком? Не хочет учиться и все тут*,— но хорошо работает текст: *И что мне делать с дураком? Учится на двойки, и все тут.* Он заставляет подозревать у говорящего как бранное задание, так и задание сообщить, каков тот, о ком говорят, и дать ему эмоциональную оценку. Во-вторых, эти тексты не должны содержать сведений, которые могут быть поняты как свидетельство бранных намерений говорящего: такие сведения, как уже говорилось, могут заставить звучать бранно даже небранное слово. Так, в цитате из драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад»: [Арбенин:] Постойте, карту эту Вы подменили... Конец игре... приличий тут уж нету. Вы *шулер* и *подлец*! — и слово *шулер*, и слово *подлец* воспринимаются как употребленные ради брани. После устранения слов «приличий тут уж нету» они начинают звучать в соответствии с их характером: *шулер* — как слово, констатирующее факт, а *подлец* — и как констатирующее факт, и как преследующее бранные цели.

Преимущество экспериментальных текстов — возможность сравнивать звучание сомнительных слов и слов, не вызывающих сомнений (в частности, после проверки их постановкой в несоответствующие по содержанию тексты), сохраняется и при анализе лексики с указанными здесь целями. Так, при замене в приведенном выше тексте слова *дурак* словами *балбес*, *болван*, *остолоп*, с одной стороны, и словами *дурачина*, *дуралей*, с другой, этот текст начинает пониматься однозначно: в одном случае как не имеющий бранного характера, в другом, как окрашенный бранно.

Ср. также: Что мне делать с этим *грубияном* (*хулиганом*)? Каждый день от него плачу; Что мне делать с этой *тварью* (*сволочью*)? Каждый день от него плачу; Что мне делать с этим *хамом* (*подлецом*, *дрянью*)? Каждый день от него плачу. Явно небранные *грубиян* и *хулиган* в соответствии с ожиданиями не имеют бранного звучания, *тварь* и *сволочь* звучат как определенно бранные, *хам*, *дрянь*, *подлец* допускают двойное толкование, подтверждая необходимость выделить у них бранное и небранное значения.

И в заключение о результатах проверки слова *чертяка*. СУ и СО выделяют у него бранное значение. СА4, отмечая у этого

слова (отсылкой к слову *черт*) бранное значение, выделяет у него еще одно значение, которое получает характеристику: «С особой интонацией употребляется как выражение одобрения, восхищения чем-либо». Постановка этого слова в экспериментальные тексты: Где ты, *чертяка*, был? и Где ты был? ***Чертяка!*** подтверждает мнение составителей СА4, что применение бранного слова *чертяка* при непринужденно-дружеском общении (для выражения шутливо-фамильярной доброжелательности) [17] уже обособилось в сознании носителей современного русского литературного языка, стало восприниматься как самостоятельное значение. В приведенных текстах можно усмотреть и брань, и выражение дружеского шутливо-фамильярного расположения, но не одобрения, восхищения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ГОВОРЯЩЕГО

Стилистически окрашенная лексика, заключающая в себе характеристику самого говорящего, может служить убедительной иллюстрацией того, что понятие стилистической окраски и понятие дополнительной информации нетождественны, так как за схожим стилистическим впечатлением от лексических единиц могут стоять принципиально разные стилистические сведения.

Лексика данного типа обнаруживается не только в словарном составе литературного языка, но и (как доказывается во втором разделе этой главы) среди лексики внелитературной.

ЛЕКСИКА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Лексические и фразеологические единицы *воротиться* (ср. *вернуться*), *друг дружку* (ср. *друг друга*), *нынче* (ср. *теперь*), *ослабнуть* (ср. *ослабеть*), *повертываться* (ср. *поворачиваться*), *погодить* (ср. *подождать*), *покуда* (ср. *пока*), *порожний* (ср. *пустой*), *к примеру* (ср. *например*), *сперва* (ср. *сначала*) и т. п., как и слова типа *картошка*, *мама*, *манка*, *морковка*, *продленка* и т. п. вызывают впечатление стилистической сниженности. Однородной представляется и окраска таких единиц, как *впоследствии*, *ибо*, *обитать*, *полагать* и т. п. и таких, как *утрировать* (ср. *преувеличи-*

[17] Применение бранных слов в этих целях, а также для выражения одобрения, восхищения распространено очень широко: — Дай же, по крайней мере отдохнуть, *черт*; дай оглядеться,— молил Лаврецкий (Тургенев. Дворянское гнездо); С каждым вместе проведенным днем, с прогулкой, вопросом, игрой мне открывались удивительные стороны незнакомого существа — моего собственного сына! Умен, наблюдателен, *дьяволенок* такой! (В. Ермолова. Мужские прогулки).

вать), *третировать*, *игнорировать* (ср. *пренебрегать*), *экстраординарный* (ср. *необыкновенный*), *импульсивный* (ср. *порывистый*), *утомление* (ср. *усталость*), *изумиться* (ср. *удивиться*) и т. д. Не случайно в словарях слова типа *нынче*, как и слова типа *картошка* получают помету *разг.*, а слова типа *игнорировать*, как и слова типа *впоследствии* — помету *книжн.* Не случайно и то, что авторы, прибегающие для характеристики стилистических отношений в лексике к шкале стилистических оценок (М. В. Панов, Ю. М. Скребнев), располагают слова типа *нынче* вместе со словами типа *картошка* ниже, а слова типа *игнорировать*, как и слова типа *впоследствии*, не разграничивая их, выше «нулевой отметки» — стилистически нейтрального слоя лексики.

Но если подходить к лексико-фразеологическим единицам, получающим в словарях пометы *разг.* и *книжн.*, с точки зрения той дополнительной информации, которую они в себе несут, картина стилистического расслоения лексики резко меняется.

1) Сфера преимущественного употребления слов *воротиться*, *нынче*, *покуда*, *сперва* и т. п., действительно, обиходно-бытовая речь (как устная, так и письменная): Ребятишки и молодежь побежали в тальник смотреть, уродилась ли *нынче* черная смородина (Г. Марков. Строговы); Колхозники с *порожними* корзинами из-под ягод, с пустыми бидонами в мешках, закинутых за спину, идут в разные стороны, поглядывая на вывески (Е. Дорош. Загорск); Еремин *сперва* подумал, что человека утомили город, беспокойная, шумная жизнь..., но Михайлов его разуверил (А. Калинин. Лунные ночи).

За пределами этой речи такие слова обращают на себя внимание как особенность иной, чуждой речевой стихии: Так как же он мог настолько потерять себя, забыть свою прошлую жизнь, прожитую с достоинством и честью, что позволил себе уйти с головой в темный водоворот мелочных дрязг, заявлений, жалоб и многолетних судебных разбирательств? Но это случилось после, а пока стройка шла, и дом рос. *Покуда* они ютились во времянке — все пятеро. Валентин только что *воротился* из армии (Человек и закон, 1978, № 6).

Особенно чужеродными представляются они в официально-деловой речи. Например, *нынче* в ответе на вопрос анкеты о профессии: *5 лет преподавал механику в ВУЗе; нынче нач. отдела строительного треста. Порожний* — в паспорте к чайнику из нержавеющей стали: *Технические данные. Емкость 3±0,2 л. Масса порожнего чайника 1 кг.*

Отчасти это объясняется тем, что такие слова дают обиходно-бытовую характеристику содержанию речи и отношениям между общающимися (характеристику, в официально-деловой речи не только ненужную, излишнюю, но и противоречащую основному назначению этой речи). Но функционально-стилистическая информация, которую заключают в себе слова *воротиться*, *нынче*, *покуда*, *сперва* и т. п., не только слабо выражена, но и вторична, производна, как и преимущественное упот-

ребление этих слов в обиходно-бытовой речи. Главное же, что отличает такие слова от их стилистически нейтральных синонимов *вернуться*, *пока*, *теперь*, *пустой* и т. п., — это то, что они обладают способностью давать характеристику самому говорящему. Они характеризуют его или как представителя интеллигенции с невысоким уровнем образования, или как выходца из народной среды (не потомственного интеллигента). Эта информация особенно отчетливо обнаруживается в таких немых по отношению к социальному положению говорящего текстах (в функционально-стилистическом отношении они характеризуются полной определенностью, что нейтрализует соответствующие их качества): — Лето-то *нынче* дождливое; — Подумай *сперва*, потом говори; — С этим делом придется *погодить*; — Знаешь, почему подсолнечник так называется? Он *повертывается* к солнцу.

Не случайно такие слова широко используются в современной художественной литературе в собственно-авторском повествовании наряду с областными и просторечными словами (*приморить*ся, *промеж*, *духовитый*, *рисковый*, *ознобить*, *пособить*, *топнуть* в чем-л., *дюжий* в чем-н., *подбористый*, *обувка*, *всяк*) с целью создать образ повествователя-автора, тесно связанного своим происхождением с носителями определенной социальной среды, группы (см., например, рассказы Е. Носова о природе в его сборнике «Моя Джомолунгма», автобиографическую повесть Н. Кузьмина «Круг царя Соломона», повесть Вл. Мирнева «Сибирские» и др.).

Следует отметить, что представления современных носителей литературного языка о рассматриваемых словах как об особенности речи низших слоев интеллигенции или интеллигенции непотомственной часто не соответствуют исторической правде. Наблюдения над использованием этих слов в прошлом веке и в нашем — лицами, получившими образование до революции, говорит, что свои стилистические свойства они получили уже в послереволюционный период (причиной, как очевидно, было недостаточное знание новым контингентом носителей литературного языка речевых норм старой интеллигенции). Ср.: Любовь Бэлы была для Печорина полным бокалом сладкого напитка, который он и выпил *зараз*, не оставив ни капли (Белинский. Герой нашего времени, соч. М. Лермонтова); Окружавшая его толпа молодежи аплодировала *зараз* и читаемому и чтецу (Стасов. Училище правоведения); К тебе слетело вдохновенье — его исчерпай все *за-раз*, Покуда творческий огонь твой не погас, И полон ты и сил, и вдохновенья (Майков. Художнику); Землевладелец, зная, что он не способен взятую им ссуду *зараз* уплатить из своего производства, и не рассчитывает на такую уплату (Русская мысль, 1883); Ни одна часть не перестраивалась *зараз*, в одно время и во всем своем составе (Ключевский. Курс русской истории); Выходив, вырастив нас, снова *воротилась* она в Суходол (Бунин. Суходол); Казак, приведший

меня, отправился про меня доложить, и тотчас же *воротившись*, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною (Пушкин. Капитанская дочка); С Любой мы были *однолетки*, Катя была на три года моложе (Вересаев. В юные годы); Россия не окрепла и не развилась во время княжеских драк (как энергически назвал Карамзин княжеские междоусобия), но, напротив, *ослабла* и сделалась легкою добычею татар (Пушкин. Второй том «Истории русского народа» Полевого); Но вот впереди что-то переменилось, откуда-то засвистали снаряды в сторону казарм. Огонь пулеметов *ослаб* (А. Н. Толстой. Восемнадцатый год); [Царь:]... Мне нужно, князь, с тобою говорить. Но кажется —ты сам пришел за делом: И выслушать хочу тебя *сперва* (Пушкин. Борис Годунов); Александр Михайлович Опекушин был выходец из простого народа, из крепостной крестьянской семьи, *сперва* самоучка, затем признанный художник, и, наконец, академик (Телешов. Записки писателя).

Переход слов в этот разряд лексики продолжался и в 30-х годах. Об этом свидетельствует отсутствие пометы *разг.* в СУ и в последующих словарях к таким, например, словам, как *отвертывать, -ся, повертывать, -ся, сильно* в значении 'очень' (*сильно* устал) и т. п. Ср. употребление этих слов, указывающее на их былую нейтральность: Я просто указываю на вопиющие жизненные факты, от которых ни один уважающий себя русский человек не смеет *отвертываться* (Север, 1888, № 4); (Сюарес) оценив Бетховена и его титаническую силу, вместе с тем *отвертывается* от него, потому что Бетховен ничего не говорит его душе (Луначарский. В мире музыки); Когда мы говорим «подсолнечник», мы совсем не думаем о том, что цветок этот *повертывается* «под солнцем» (Карцевский. Повторительный курс русского языка); Мы можем разрезать его боковую поверхность по одному из ребер, и, затем, *повертывая* грани вокруг ребер, получить ее плоскую развертку (Киселев. Геометрия); Во всех источниках и колодцах вода *сильно* отзывается серой (Пушкин. Путешествие в Арзрум); Накануне выпал глубокий снег, и к утру *сильно* заморозило (Л. Толстой. Хаджи Мурат).

О том, что именно информация о говорящем составляет специфику рассматриваемой лексики, говорит склонность ее к переходу в состав просторечной лексики. Принадлежность просторечной лексики, не входящей в состав литературного языка, к его стилистическим средствам подвергается сомнению (об этом ниже), но то, что эта лексика определенным образом характеризует говорящего, очевидно.

2) Слова *утрировать, третировать, игнорировать, шокировать, экстраординарный, импульсивный, импозантный, утомление, изумиться* и т. п. представляются свойственными, главным образом, текстам, содержание и назначение которых возвышается над уровнем обыденности. Таким, например: Онегина не-

трудно узнать даже во второстепенных произведениях, хотя бы тут он появлялся в *утрированном* виде и не вполне обрисованным (Герцен. Новая фаза русской литературы); Говоря о сочинениях Мусоргского, я неоднократно упрекал его в попадающихся иногда гармонических странностях, *экстравагантностях* (Кюи. Музыкальная биография); Было бы неимоверным верхоглядством *игнорировать* человеческое разнообразие и вопрос о задачах воспитания втиснуть в общую для всех словесную строчку (Макаренко. Опыт методики работы детской трудовой колонии).

Однако они воспринимаются как вполне естественные и в обиходно-бытовой по содержанию и по отношениям между собеседниками речи как устной, так и письменной: Ты натура *импульсивная*, подчиняющаяся первому порыву (Ковалевская. Письмо М. В. Мендельсон, середина 1886); Елена Дмитриевна метнула на мужа злой взгляд: ее *шокировало* небрежное его отношение к гостям (Гладков. Энергия); Я послал в «Новое время» телеграмму насчет погоды, но ее не напечатали, вероятно, подумали, что я *утрирую* (Чехов. Письмо А. С. Суворину, 17 окт. 1898); Только в ее глазах он видел человеческое внимание и сердечность. Все остальные, словно сговорившись, *третировали* его (Панова. Спутники);— Я чувствовала желание вылить тебе на голову суп, стащить на пол скатерть и вообще сделать что-нибудь грубое и *экстравагантное* (М. Горький. Открытие); [Серебряков:] Если продать, положим, лес, то это мера *экстраординарная*, которою нельзя пользоваться ежегодно (Чехов. Дядя Ваня); Я до вечера бродил пешком по окрестностям Машука, *утомился* ужасно (Лермонтов. Княжна Мери); Доктор пил и молчал. Видимо, он *игнорировал* окружающих и не видел перед собой ничего, кроме чая (Чехов. Цветы запоздалые).

В экспериментальные фразы бытового характера, «устные» по форме, такие слова не вносят субъективных характеристик, возвышающих, приподнимающих над уровнем обыденности содержание речи или отношения между общающимися: — Она же такая *импульсивная*; — Меня *шокирует* твой вид: что это за галстук?; — Твой наряд слишком *экстравагантен*; — Что это у тебя за привычка *утрировать*! — Да, звала, но она меня *игнорирует*; — Как тебе не стыдно, почему ты его *третируешь*?; — Случай, конечно, *экстраординарный*. Ну, что ж делать, не ходи сегодня в школу;— Какой же у тебя сегодня *утомленный* вид!;— Она так *изумилась*, когда узнала об этом!

Таким образом, анализируемые слова не содержат в себе информации ни о форме речи, ни о сфере общения. Но они несут в себе, как видно из экспериментальных текстов, сведения о самом говорящем, о его принадлежности к определенной категории носителей современного русского литературного языка,— а именно к интеллигенции высоко образованной, а некоторые —

к интеллигенции старшего поколения или интеллигенции потомственной (см. ниже *крайне*, *отнюдь*, *весьма*).

Нетипическими, сдвинутыми условиями употребления для этих слов является не устная обиходно-бытовая речь вообще, а речь лиц, не принадлежащих к указанным группам интеллигенции, особенно речь лиц малообразованных, малокультурных. Ср. эффект от приведенных фраз, если их приписать (с какой-либо художественно-изобразительной целью) какой-нибудь деревенской старухе без образования, пожившей какое-то время в городе в прислугах.

Такую же информацию заключают в себе и некоторые слова, получившие в словарях помету *разг.*, например, *мизерный*, *манкировать*, которые характеризуются как разговорные СУ (*манкировать* — с указанием на его устарелый характер). Показательно, что СА4 и СС характеризуют эти слова как книжные, хотя цитатный материал и не подтверждает такой характеристики. СА4 иллюстрирует слово *манкировать* цитатой:— Я не миллионерша, чтобы так *манкировать* деньгами (Чехов. Супруга). СС — цитатами: Не будьте в претензии на меня за то, что я редко пишу вам. Недосуг приучил меня *манкировать* перепиской с самыми близкими нам людьми (Чернышевский. Письмо Е. М. Чернышевской, 3 июня 1887); — Все объясняется тем, что он боится обязанностями *манкировать*... Служба-с! Жалованье получает!... (Эртель. Гарденины); Илья Николаевич, да и другие преподаватели никогда не сидели на этих собраньях молча и никогда не *манкировали* ими (Шагинян. «Первая Всероссийская»). Очевидно, что составители словарей, отмечая слово *манкировать* как книжное, учитывали именно его культурно-социальную окраску.

В словах *крайне*, *весьма*, *отнюдь* и т. п. информация о говорящем сосуществует с информацией об обстоятельствах общения. Не совмещается, не накладывается одна на другую, как в словах *нынче*, *сперва* и т. п. (ср. также слова *сборище* и *воин*, в которых совмещена информация об эмоционально-оценочном отношении к обозначаемому и информация о сфере употребления этих слов), а именно сосуществуют, как в слове *зачинщик* информация о принадлежности действий к сфере общественно-политической жизни и информация о принадлежности их к сфере бытовой жизни, или как окраска грубости и окраска официального наименования в словах *мать* и *тетка*.

Их стилистическая двойственность обнаруживается в немых текстах. Допустим, например, что отец обращается к дочери с такой фразой: — *Весьма рад видеть тебя, Катя.* Эта фраза благодаря слову *весьма* допускает двойное толкование. С одной стороны, можно предполагать, что говорящий хочет выразить холодность по отношению к дочери, подчеркнуть натянутость отношений между ними. При таком объяснении обнаруживается, что слово *весьма* характеризует отношения между говорящими как сухо-официальные, отношения чужих друг

другу людей. Но можно предполагать и то, что в данном словоупотреблении нашла отражение интеллигентская манера речи говорящего. Следует отметить, что *весьма* определенным образом характеризует и содержание речи. Но чтобы выявить эту информацию, слово нужно поставить в иной, немой по отношению к содержанию текст, например: — *Весьма* рад, что у нас одинаковое мнение. (Если бы слово *весьма* было поставлено в текст: *Весьма рад видеть вас, Екатерина Антоновна,* то, поскольку очевидно, что говорящий обращается к чужому для него человеку, было бы ясно, что слово употреблено в типических для его книжной окраски контекстных условиях, и вторая, социальная окраска его себя бы не обнаружила. Напротив, в фразе: *Знаешь, Катюша, я весьма рад тебя видеть,* где ласковое *Катюша* указывает на добрые родственные отношения собеседников, «заговорила» бы вторая, социальная окраска слова *весьма*, тогда как его книжная окраска была бы нейтрализована, и это слово было бы воспринято как проявление или принадлежности говорящего к определенному слою интеллигенции, или его стремления обыграть социальную окраску слова *весьма* в шутливых целях.)

Ср. немой текст на слово *крайне*: *Случай крайне неприятный.* Можно предполагать, что речь идет о каких-то событиях в сфере общественной или производственной жизни и что говорящий выступает как официальное лицо (например, что директор какого-то завода обсуждает с начальниками цехов какое-то ЧП, случившееся на этом заводе). Но можно также думать, что речь идет о каких-то бытовых обстоятельствах в бытовой обстановке, но говорящий — представитель соответствующей группы интеллигенции).

— Извини, но я снова *принуждена* просить у тебя денег (говорит жена мужу). Этот текст раскрывает наличие в слове *принудить* одновременно и информации об отношениях между общающимися (*принуждена* вносит в текст холодный, сухой тон), и информации о самом говорящем. Характеристика содержания речи, которую заключает в себе это слово, выявляется в тексте: — Я *принужден* напомнить, что мы должны сегодня же обо всем договориться.

Сведения о сфере общения, форме речи, ее содержании и назначении и о характере отношений между общающимися, с одной стороны, и сведения о социальном (в широком смысле) положении говорящего представляют собой принципиально разные типы информации. Это дает основание считать лексику, несущую в себе социальную характеристику говорящего, особым типом стилистически окрашенной лексики. Правда, называть эту лексику социально окрашенной можно лишь условно, поскольку по окраске она мало отличима от лексики функционально-стилистической. Для обозначения социальной информации требуются какие-то особые стилистические пометы: пометы *разг.* и *книжн.* к ним не применимы.

ВНЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА

Как было отмечено во Введении, принято считать, что языковые элементы, не входящие в состав литературного языка (просторечные, диалектные, жаргонные), в силу своей внелитературности не могут принадлежать к его стилистически маркированным средствам. В частности, просторечие относят к этим средствам только те авторы, которые считают его фактом литературного языка.

Нельзя не признать логичности такого вывода[1]. Однако против него восстает языковое чутье. У слов, стоящих за пределами литературного языка, например, просторечных *аккурат*, *вчерась*, *давеча*, *завсегда*, *ихний*, *поздоровкаться*, *пособить*, диалектных *большак* 'большая дорога', *загнетка*, *кочет*, *курень*, *обстрекаться*, *огорожа*, *шушун*, жаргонных *предки* 'родители', *баскет* 'баскетбол', *финаги* 'деньги, финансы' и т. п., взятых вне контекста, явственно ощущается то особое свойство, которое принято называть стилистической окраской.

Правомерно ли считать восприятие внелитературных элементов как стилистически окрашенных ошибкой языкового чутья и игнорировать его свидетельства? И еще: действительно ли ошибочны характеристики некоторых внелитературных слов (например, *особливо*, *дюже*, *худой* в значении 'плохой', *энтот*, *понравиться*, *здря*, *поздоровкаться*) как просторечных, которые даются лексикографами на основании языкового чутья, тогда как специалисты-диалектологи характеризуют эти слова как областные?[2]

Учитывая природу стилистической окраски, на эти вопросы следует ответить отрицательно.

В сознании говорящих на литературном языке складываются представления об обстоятельствах употребления всех известных им языковых средств, следовательно, не только элементов

[1] Этому выводу не противоречат те характеристики внелитературных элементов как стилистических средств, которые основаны 1) на использовании термина «стилистические средства» в значении «средства создания того или иного стилистического эффекта» (тем самым в данное понятие включаются и слова, фразеологические обороты, синтаксические конструкции как литературные, так и внелитературные, и способы их применения); 2) на применении термина «стиль» не только к определенным разновидностям литературного языка и литературной речи, но и к ответвлениям национального языка — территориальным и социальным диалектам (а следовательно, и к самому литературному языку). Ср., например: «Просторечие занимает как бы промежуточное звено в системе стилей общенародного языка. С одной стороны, просторечие тесно примыкает к разговорно-литературной речи и является источником ее пополнения, с другой,— оно близко соприкасается с диалектами» (*Митрофанов Г. Ф.* К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке.— Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, 1960, т. 138, с. 95). В таких случаях разногласия имеют чисто терминологическую подоплеку.

[2] См.: БСЭ. 3-е изд., т. 8. «Диалектизмы» (Л. Л. Касаткин), *Оссовецкий И. А.* Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60-х годов.— В кн.: Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971.

литературного языка, но и определенной части единиц, не входящих в его состав. Впечатление стилистической окрашенности таких единиц объясняется их «идеальной» контекстной закрепленностью и дополнительной информацией, которую они в себе заключают.

В том, что языковые элементы, не входящие в состав литературного языка, принадлежат к числу его стилистически маркированных средств и входят в его стилистическую систему, нет противоречия, потому что свою характеристику как внелитературных и как стилистически окрашенных они получают в результате разных подходов. Первый отражает нормативную точку зрения на языковые средства, второй — стилистическую. Очевидно, что объем понятия «стилистическая система литературного языка» шире объема понятия «литературный язык».

Нет противоречия и в том, что одно и то же слово диалектологами характеризуется как областное, а лексикографами как просторечное. В первом случае характеристика дается на основании территориальной или социальной принадлежности слова, т. е. с точки зрения диалектологической, во втором — на основании представлений носителей литературного языка о социальной или территориальной принадлежности этого слова, т. е. с точки зрения стилистической. Расхождения между этими характеристиками естественны: языковые представления носителей литературного языка не обязательно соответствуют действительным условиям употребления элементов языка, в том числе и внелитературных. Эти расхождения говорят лишь о необходимости строго последовательно придерживаться какого-то одного подхода к внелитературным средствам — или диалектологического, или стилистического (при котором знать, каким группам населения свойственны те или иные внелитературные слова, обороты и т. п. в принципе не обязательно).

Основанием для стилистической дифференциации внелитературных средств является разница в их окраске и в стоящей за ней дополнительной информации о говорящем. Естественно, что выделяемые с этой точки зрения группы внелитературных средств по своему характеру отличаются от групп, выделяемых при подходе к ним с точки зрения их территориальной или социальной принадлежности (хотя их материальный состав может в известной мере совпадать). Различны и реестр таких групп, и их иерархия. По-видимому, было бы целесообразно при разных подходах к внелитературным средствам использовать разную терминологию. Во всяком случае необходимо четко определить стилистическое и диалектологическое содержание общих терминов *внелитературное просторечие*, *диалектизм*, *жаргонизм*.

Следует отметить, что задачу изучения потенциальных стилистических возможностей внелитературных средств целесообразнее решать не на материале публицистики и разговорной речи носителей литературного языка, а на материале художест-

венной литературы, поскольку стилистическая информация, которую заключают в себе внелитературные элементы, обнаруживается более отчетливо именно на этом материале. Дело в том, что мотивировки их применения в нехудожественной речи (с шутливо-ироническими целями, для создания эффекта необычности словоупотребления или колорита народности) основаны на обыгрывании или того, что они не являются фактом литературного языка, или их стилистической окраски, но не той характеристики говорящего, которую они в себе заключают. Использование же их в речи персонажей и в авторском повествовании художественных произведений ориентировано прежде всего на то, чтобы определенным образом охарактеризовать героя, изображаемую среду или повествователя-автора.

ВНЕЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

Существующие определения внелитературного просторечия (или просторечия как внелитературной категории) отражают диалектологическую точку зрения. Обычно просторечие понимается как особенность речи лиц, недостаточно образованных, не вполне овладевших нормами литературного словоупотребления. При этом указывается та или иная сфера его распространения. Ф. П. Филин отмечает, что «от диалектизмов внелитературное просторечие отличается (и принципиально) тем, что оно не имеет изоглосс, распространено всюду»[3]. Иногда просторечием называют элементы наддиалектные, междиалектные, полудиалектные[4]. Некоторые авторы считают, что просторечные элементы употребляются и определенными слоями городского населения, и жителями деревни[5]. С. И. Ожегов определяет просторечие как элементы, свойственные массовой городской разговорной речи[6].

К внелитературному просторечию как категории стилистической относятся языковые факты типа *ихний, с им, здря, пондравиться, звóнит, мóлодежь, пинжак, пóртфель, вчерась, давеча, ежели, заместо, завсегда, зачинать* в значении ‘начинать’, *намедни, нешто, обувка, одежа, по* в значении указания времени, *подсобить, покудова, бабка* (Марья), *тетка* (Дарья), *дед* (Макар), *матка, тятя, баба, девка, мужик* — все три без экспрессии, *молодуха, откуль, ноне, окромя* и т. д. Эти слова выделяются общностью вызываемого ими стилистического впечатления при явном его отличии от того стилистического впечатления, которое

---

[3] *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в литературном языке.— ФН, 1979, № 2, с. 22.

[4] *Скляревская Г. Н.* К вопросу о лексикографических понятиях «разговорное» и «просторечное».— В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970.

[5] *Коготкова Т. С.* Роль просторечия в процессе освоения говорами лексики литературного языка.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977, с. 58.

[6] Словарь русского языка/Сост. С. И. Ожегов. 9-е изд., испр. и доп. М., 1972.

производят слова типа *глумной, огорожа, обстрекаться, кочеп, заплот* и т. д. Помета *обл.*, которую получают некоторые из них в словарях, отражает диалектологическую точку зрения.

Окраска слов *ихний, ейный, здря, пондравиться, звóнит, мóлодежь*, с одной стороны; *вчерась, давеча, завсегда, заместо, обувка, одежа, подсобить, покудова* и т. п.— с другой; *бабка* (Матрена), *тетка* (Дарья), *дед* (Макар), *баба, девка, мужик, матка, тятя, окромя, молодуха, окуль, ноне* и т. д.— с третьей, при всей ее одинаковости явно неоднородна. Чтобы выяснить, какими различиями в дополнительной информации это обусловлено, поставим некоторые из перечисленных слов в «немые» тексты, не содержащие сведений о социальной принадлежности говорящего (необходимо лишь условиться, что просторечное слово является фактом словоупотребления самого говорящего и употреблено им непреднамеренно): Мне *ихняя* бабушка все рассказала; Ну, это ты *здря*!; *Пондравилось* тебе у них?; Ты *с ей* разговаривал?; Я *энтот* отвар пью *заместо* чаю; *Намедни* заходила, так она была здорова; Я ж тебе еще *вчерась* говорила; *Аль* заболел?; *Окромя* тебя идти некому; О чем, *бабы*, толкуете?; *Бабка* Марья, спичек не найдется?; Пойду, попрошу у *тетки* Настасьи; На вот, *испей* кваску.

1) Разница в окраске языковых фактов типа *ейный, ихний, с им, звóнит, здря, мóлодежь, пондравиться, энтот*, с одной стороны, и *вчерась, давеча, заместо, обувка, подсобить, покудова, намедни*, с другой, определяется тем, что они подчеркивают разные аспекты противопоставления говорящего интеллигенции: первые — по уровню образования, вторые — по социальному положению. В связи с этим элементы первого подвида имеют отрицательную экспрессию (эта экспрессия направлена на само слово), а элементы второго — положительную, Первый подвид будем называть просторечием малограмотных, второй — народным просторечием.

Окраска таких фактов народного просторечия, как *аккурат, завсегда, вчерась, пужать* и т. п. воспринимается как резко отличная от окраски лексико-фразеологических единиц типа *сперва, нынче, друг дружку, к примеру* ‘например’. Однако народное просторечие неоднородно по степени интенсивности окраски, а вместе с тем и по степени его ненормативности. Слова *видать* (*видать*, он уж не придет), *кабы* (*кабы* ты мне вчера сказал), *небось* (*небось*, замерз?), *силком* (*силком* усадила его за стол) имеют гораздо более слабую просторечную окраску, чем *заместо, вчерась, намедни* и т. п. Они, как и *сперва, нынче* и т. п. располагаются у самых границ литературного языка, — но за его пределами. У слов *покамест* (*покамест* не сделаю, не уйду), *стращать* (что ты меня все *стращаешь*?), *ежели* (приходи, *ежели* так), *застить* (отойди от окна, не *засти*), *опростать* (*опростай*-ка кувшин!) окраска тоже слабее, чем у слов *пужать, вчерась, намедни* и т. п., но ярче, чем у *покуда, кабы, небось* и т. д.

Таким образом, выясняется, что стилистическая разница между единицами типа *сперва, нынче* и т. п. и народным просторечием — в степени яркости окраски, а с точки зрения заключенной в них дополнительной информации — в степени отдаленности говорящего от интеллигентных слоев населения.

2) Слова типа *аль, бабка* (Матрена), *тетка* (Дарья), *матка, молодуха, откуль, ноне* и т. п. содержат в себе ту же характеристику говорящего, что и слова типа *вчерась, давеча, пособить, заместо, покудова, намедни* и т. п., но вместе с тем характеризуют его как жителя деревни. Следовательно, эта группа слов (назовем ее деревенским просторечием) представляет собой разновидность народного просторечия.

Языковые представления о просторечии малограмотных, народном и деревенском просторечии (как и о диалектизмах) формировались, главным образом, под влиянием художественной литературы. Просторечие малограмотных и народное просторечие закрепились в сознании носителей литературного языка как особенность речи персонажей — представителей разных социальных слоев населения. Ср. цитаты из САТ7: Я качал *ихнего* ребятенка в люльке и по нечаянности заснул (Чехов. Ванька); [Липочка:] В *ихнем* кругу все так делают (А. Островский, Свои люди — сочтемся); — А вам, Настасья Евграфовна, не следовало бы ссорить маменьку-с с *ихним* сыном-с (Достоевский. Село Степанчиково); — Он только понимает, а не умеет по-нашенски; а вот я-с так знаю *по-ихнему,* — с гордостью заметил половой (Некрасов и Станицкий. Три страны света); [Нюнин:] По чину он капитан второго ранга, а *по-ихнему,* морскому, это все равно что генерал-майор, или в гражданской статский советник (Чехов. Свадьба).

Стилистические свойства деревенского просторечия формировались в текстах типа: Старик доел свой ломоть, перекрестился и вздохнул. — Вот теперь кваску бы *испить* хорошо, — сказал он (Салтыков-Щедрин. Губернские новости); — На, *испей,* Марьянушка! — сказала старуха, подавая кувшин девке (Л. Толстой. Казаки).

Художественная литература и в наше время остается основной (но не единственной) сферой употребления рассмотренных средств носителями литературного языка[7]. Элементы просторечия малограмотных и народного просторечия вводятся в речь персонажей разных социальных типов, обычно сопутствуя друг другу. Элементы деревенского просторечия используются в речи персонажей — крестьян (в речи исконных горожан они производили бы впечатление стилистического сдвига): — А что старуха? Она, говорят, и старуху *кажин* день колотит. — Ой, *бабы,* полноте, чего *здря* говорить. Нюшка матку пальцем не трагива-

[7] Об употреблении внелитературных средств в авторском повествовании см.: *Петрищева Е. Ф.* Внелитературная лексика в современной художественной прозе.— В кн.: Стилистика художественной литературы. М.: Наука, 1982

ла. Нет, дружно *у их* с маткой, *экую* бухтину про Нюшку разнесли. — Чего говорить, смирёнее не было *девки.* — ***Дак лошадь*** то пришла? — Пришла одна, ни *мужиков,* ни накладной нету (В. Белов. Привычное дело); — Я над вами куражился? — обиделся Нестор. — А, *бабы*? Я куражился? Бабы молчали; — Вот *тятя* не даст соврать: давайте, говорю, корову забьем, чтобы встретить, *дак* встретить; — Ты *откуль* здесь взялся? Я тебе чё наказывала? Я тебе чё говорила? А ну, марш отсюда!; Чё-то с тобой, дева, деется — *окромя* ружья видать. Как вроде чё-то ты все время боишься (В. Распутин. Живи и помни).

Каждый вид просторечия вносит в текст, дополняя друг друга, свои сведения. Если эти сведения уже сообщены автором, внелитературные слова и обороты служат для их подтверждения, если нет — герой получает соответствующую характеристику.

3) Принято считать, что к внелитературному просторечию относятся только средства неэкспрессивные, к литературному — только экспрессивные. Ср., однако: *Роскошные* волосы, *роскошное* платье, *роскошно* одевается. — *Шикарные* волосы, *шикарное* платье, *шикарно* одевается. При общности значения и окраски разговорной непринужденности между словами *роскошный, роскошно — шикарный, шикарно* явно есть существенное различие: слова *шикарный, шикарно* обладают некой социальной окраской (правда, столь слабой, что их можно квалифицировать лишь как слова, стоящие у самых границ литературного языка).

Ср. также слова с разговорной и неодобрительной окраской *канителиться* и *чикаться* (Нечего с ним *канителиться*! — Нечего с ним *чикаться*!); фамильярные обращения к мужчине *брат* и *браток* (Спасибо, *брат!* — Спасибо, *браток!*), грубоватые слова *собачиться* и *лаяться* (Хватит *собачиться!* — Хватит *лаяться!*); *окрыситься* и *попереть* на кого (Ты что на него *окрысился*? — Ты что на него *попер*?); грубые *буркалы* и *шары* (Стоит — *буркалы* вытаращил. — Стоит — *шары* вытаращил). Социальную окраску имеют слова *братва, гадство, милка, милашка, житуха́, оглоед, хахаль,* сочетание *сыграть в ящик* и т. п. Ту же окраску имеют и некоторые бранные слова. Ср.: Вот *сволочь*! — Вот *паразит*, вот *зараза*!; Ну и *гадина*! — Ну и *гад*!; Ты, *падаль*! — Ты, *падла*!

Слова этого типа в силу их экспрессивности включаются в литературную речь чаще, чем слова типа *здря, перво-наперво, аккурат, жисть* и т. п. Однако это не является основанием относить их к литературному просторечию. Носители литературного языка употребляют такие слова, осознавая их как элементы речи чуждой социальной среды. В их употреблении всегда есть момент «подражания или передразнивания» (Ф. П. Филин).

Характер дополнительной информации, стоящей за социальной окраской названных и подобных им слов (а следовательно, их место в составе внелитературного просторечия) не вполне ясен.

С одной стороны, они представляются наиболее естественными в речи представителей городских «низов». Так, в рассказе В. Шукшина «Танцующий Шива» элементы народного просторечия и просторечия малообразованных подтверждают сведения о персонажах этого произведения как о лицах, не являющихся представителями интеллигенции; слова же рассматриваемого типа воспринимаются как средство подчеркнуть принадлежность персонажей именно к городским массам. Из речи плотников: «— До чего *ушлый* народ пошел!; — *Падла*, — сказал Ванька.— У меня сроду вшей не было, даже в войну...;— Он, *сука*, видел, как я работаю?!». Речь буфетчицы: «— Мужики, перестаньте *лаяться*! — крикнула буфетчица. — А то выставлю счас всех!..».

Особенно ярко роль этих элементов как средства указанной социальной характеристики персонажей обнаруживается в речи некоего Аркашки по прозвищу Танцующий Шива. Текст рассказа не содержит сведений, каково его положение в обществе, но читатель благодаря особенностям его словоупотребления четко представляет, к каким слоям жителей города он принадлежит: «— Счас как дам по башке! *Гад* такой!; — Зубы разбил? От *гад*-то! Счас ему там дадут. Мужики пошли с им...; — Поставь бутылку на стол, поставь, Ванюша. Я же вас *на понт беру*!; — *Зараза*, — сказал он с дрожью в голосе. — Еще руки распускает...; *Гад* такой. Обрадовался — здоровый? — Аркашка потер шею».

Но, с другой стороны, в речи персонажей — жителей деревни такие слова не кажутся чужеродными. Здесь они противопоставляют говорящего интеллигенции по каким-то особым, социально-психологическим параметрам, создавая своеобразные социально маркированные характеры (впрочем, все же характеры городского «типа»). Это отчетливо проявляется в рассказах В. Шукшина на деревенские темы. Ср. из рассказа «Волки»: «Наум почуял в голосе зятя недоброе. На всякий случай зашагнул в сани. — Ну, что они (волки) там?... — Поклон тебе передают. *Шкура*!... — Чего ты? *Лаешься*-то? — Счас я тебя бить буду, а не *лаяться*.— Иван подходил к саням. Наум стегнул лошадь. — Стой! — крикнул Иван и побежал за санями. — Стой, *паразит*!» Ср. в речи Ивана: «— От *сука*! — изумился Иван; — Ну не *паразит* ли! — все изумлялся Иван. — И на меня же *попер*». В речи тестя: «— ...*Налил шары*-то, успел?» (Там же).

Рассмотренную лексику можно, таким образом, считать и разновидностью народного просторечия — городским просторечием, и третьим видом просторечия — социально-психологическим.

Диалектологи обозначают термином *диалектизм* и «характерные для территориальных диалектов языковые особенности, вкрапляемые в литературную речь»[8], и диалектные слова, «обладающие хотя бы одним диалектным дифференциальным признаком и включенные в состав литературного произведения именно как диалектные»[9]. Употребляют этот термин и независимо от того, используются ли те или иные диалектные особенности в литературной речи. Стилистическое содержание термина *диалектизм* — языковые элементы, известные носителям литературного языка как областные.

Диалектизмы, как и внелитературное просторечие, фактически принадлежат лицам, не вполне овладевшим литературным языком. Если бы соответствующие сведения о говорящем в них содержались, то их следовало бы признать разновидностью внелитературного просторечия. Однако они заключают в себе только характеристику говорящего как носителя говора и потому представляют собой особый вид внелитературных средств. Поставим несколько диалектизмов в «немые» тексты с условием, что все они представляют собой факты словоупотребления самого говорящего: Это твой *кочет*?; Что ж вы *огорожу* не поправите?; Что ты бегаешь, как *глумной*?; *Курень* у вас еще новый; Он с утра ушел на *баз*. — Давай-ка выйдем на *шлях*. Слова *кочет*, *огорожа*, *глумной*, *курень*, *баз*, *шлях* вносят в «немые», не содержащие никаких сведений о говорящем тексты, информацию, что говорящий — коренной (во всяком случае давний) житель местности, где говорят не на литературном языке, а на территориальном диалекте, или, возможно, выходец из такой местности. Но остается неизвестным, сельский он или городской житель, крестьянин или агроном, врач и т. п., каков уровень его владения литературным языком.

Поэтому диалектизмы и слова, не имеющие традиций использования в литературной речи, не указывают на недостаточную образованность ни таких персонажей, как Евстолья из повести В. Белова «Привычное дело», ни таких, как мать Славки из рассказа В. Шукшина «Вянет, пропадает», ни таких, как другой персонаж этого рассказа — Владимир Николаевич.

Сведения о Евстолье как о деревенской жительнице-крестьянке подтверждают элементы собственно-народного и деревенского просторечия, уровень образования указывают элементы просторечия малограмотных, диалектизмы же, дополняя эти сведения, характеризуют ее как жительницу местности, где говорят на территориальном диалекте: «Вот только бы ее выносить, а Иван-то в избу, да с порога на гроб-*от* хлесть, еле мы его водой отлили. Похоронили когда, *дак* вина-то ни капли в рот не взял, как *неумной* сделался, все сидит, а слезы-*ти* так *у его*

[8] БСЭ. 3-е изд., т. 8. «Диалектизмы».
[9] *Оссовецкий И. А.* Указ. соч., с. 320.

и катятся, сброс, на себя стал непохож. «Мне, говорит, матка, все равно не жить тепериче». Вот один раз, гляжу, *вызнялся* да побежал, как не в себе, я *за им* кинулась...».

Мать Славки — горожанка (об этом свидетельствует вопрос ее собеседника: — ...У вас батареи не затопили еще?). Характеристику ее как лица, не принадлежащего к образованному слою населения, дают элементы просторечия малограмотных (— Я говорила *с ихним* учителем-то: шибко, говорит, способный; — Сама иной раз *с им* сяду: «Учи! Тебе надо-то, не мне»; — Детей-то *проведуете*?), а также написания, нарушающие орфографические нормы при соответствии нормам орфоэпическим или нерезком отклонении от них (— Был бы *мущина* в доме...; — Жалеете *счас* небось?). Эти элементы дополняют те сведения о ней, которые читателю сообщают факты собственно-народного просторечия (— Отойди *оттудова*, не торчи; — *Сердешный*... — вздохнула мать; — Сколько же шкура *станет*?; — Лень-матушка! *Вперед* нас, видно, родилась). Диалектизмы же (А чего ему тут делать? — отвечала мать. — Алименты свои *плóтит* — и довольный. А тут *рóсти*, как знаешь...; Гляди-*ко*, до чего можно дойти) уточняют, что она — жительница провинциального города.

Владимир Николаевич бухгалтер, работает в типографии. Речь его оставляет впечатление подчеркнутой литературности (усиленное ярко выраженной нелитературностью речи собеседницы): «— Алименты — это *удовольствие ниже среднего*, — заметил дядя Володя; — А вот пили-то, — поинтересовалась мать, — жена-то как же? — Жена-то?.. — Дядя Володя задумался над доской. Славка неожиданно сделал каверзный ход. — *Реагировала*-то?; — Софы есть чешские... Раздвижные — *превосходные*. Отпускные получу, обязательно возьму». Областное *наспроть* не контрастирует с этими специфически литературными словами. Оно, как и в речи Славкиной матери, лишь подчеркивает, что герой — житель провинциального города: «— В голове — дымовая завеса, — обстоятельно рассказывал дядя Володя. — А у меня еще стол *наспроть* окна стоял, в одиннадцать часов солнце начинает в лицо бить — пот градом!.. И мысли *комичные* возникают: в ведомости, допустим: „Такому-то на руки семьсот рублей". По-старому. А ты думаешь: „Это ж сколько поллитр выйдет?"» [10].

Как правило, носители литературного языка не имеют точных представлений о месте бытования слов с диалектной окраской (а нередко и об их предметном содержании). Таковы, на-

---

[10] В речи этого персонажа тоже встречаются орфографические «ошибки» (Сегодня у нас *што*? Двадцать седьмое?; Заполним вакуум, как говорит наш главный *бугалтер*; Жена-то? Тайно, *конешно*, жалеет; Раньше не отказался *ба*). Трудно сказать, каковы были замыслы писателя, но по читательскому восприятию отмеченные факты речи героя указывают не уровень его образования, а характер его интеллигентности (внешней, бездуховной).

пример, диалектизмы, имеющие в литературном языке синонимические соответствия: *кочет*, *петун*, *городьба*, *огорожа*, *большак* ‘большая дорога’; слова, которым в литературном языке соответствуют родовые наименования *балка* ‘овраг с пологими склонами, поросшими травой, кустарником, деревьями’, *яруга*, *яр* ‘глубокий широкий овраг’; слова, обозначающие местные реалии: *кулеш* ‘жидкая кашица из пшена или гречневой крупы, сваренная с салом’, *поскотина* ‘пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные забором’. Лишь отдельные областные слова связаны в представлениях говорящих на литературном языке с какой-то более или менее определенной местностью. Например, *курень* ‘жилой дом’, *баз* ‘огороженная площадка или крытый двор для скота; задний двор в крестьянской усадьбе’, запомнившиеся по произведениям М. Шолохова и Серафимовича (например: Кулаки, выселенные из своих *куреней*, поселились у родни и близких людей.— Шолохов. Поднятая целина); *гольцы* ‘безлесные горные вершины’, известное как сибирское.

Поэтому основная масса диалектизмов заключает в себе только обобщенную диалектную характеристику говорящего. Свидетельство тому — современная проза с установкой на отражение конкретного говора. Вопреки стремлению писателей диалектизмы не переносят читателя, не знакомого с данным говором, в строго локализованную диалектную среду. Этот эффект, если и создается, то не чем иным, как мастерским описанием местности или местного быта, подкрепленным прямыми указаниями места действия (см., например, рассказ В. Белова «За тремя волоками»). Таким образом, оснований для деления диалектизмов на разновидности нет. Однако эти элементы не вполне однородны.

Во-первых, существенны со стилистической точки зрения различия между теми диалектизмами, которые имеют то или иное соответствие в литературном языке, и наименованиями местных реалий. Первые дают диалектную характеристику только лица, в чью речь они включены, или того, с кем или о ком это лицо говорит (в художественном произведении — персонажа, рассказчика, повествователя-автора): — *Чё* ты, дева, собираешь? Кто посмотрел? Кто уговорил? *Ничё* не пойму (В. Распутин. Живи и помни); Не усни у меня! Ох, *сотоненок*, вроде опять *напруденил*. Другой раз на дню — где и копится? Обсушу, а больше не буду, пеленок на тебя, *сотоненка*, не напасти (В. Белов. Колыбельная).

Слова второй группы не только характеризуют говорящего или того, о ком (с кем) он говорит, но и создают впечатление особых, местных условий жизни: — Ну, батюшка, ведь ты бы сгинул, — обернулась ко мне Гуриха. — Гли-ко, ведь дошел до самого Тимпаха, десять верст от *поскотины* (В. Белов. Иду домой); — Помнишь, как ты раньше поперед всех взбегала на *елань*? (В. Распутин. Живи и помни); — Я не бесчувственная

какая-нибудь, что всем плохо, а мне хорошо, и не на *заимке* живу, чтобы дальше глаз своих не видеть, а с народом (Там же); А за Пинегой прибрежный песок-желтяк, белые развалины монастыря, красная *щелья* и леса, леса — синие, бескрайние, до самого неба... (Ф. Абрамов. Дом).

Во-вторых, различие между диалектизмами связано с теми их признаками, которые И. А. Оссовецкий называет дифференциальными. Признаков, по которым можно было бы безошибочно определить стилистический характер слова, нет ни у просторечных слов [11], ни у диалектизмов. Сомнительной кажется и возможность с помощью каких-либо дифференциальных признаков проникнуть в «кухню» писателя, «выделить в литературном языке художественного произведения иносистемные диалектные элементы, которые писатель ввел (разрядка наша. — *Е. П.*) в языковую ткань своего произведения с определенной художественной целью» [12]. Очевидно, однако, что стилистическое впечатление от слов, полностью отличающихся от литературных по фонемному составу (*кочет, куржак, базлать, гутарить*), от слов, которые отличаются от литературных в словообразовательном, морфологическом, произносительном отношении (*сарайка, парнишата, пировка* ‘пирушка’, *во степу, глупóй*), от слов, омонимичных литературным, от слов, отличающихся от литературных значением или стилистической окраской (*хрип* гнул, лиственничная *сера, огород* ‘изгородь’), неодинаково.

СЛЕНГ И ЖАРГОНИЗМЫ

Внелитературное просторечие и диалектизмы воспринимаются как средство общения тех или иных групп населения, не принадлежащего к носителям литературного языка. Сленг и жаргонизмы — как средство отталкивания говорящих от литературного способа словоупотребления. Сленг со стилистической точки зрения — это языковые факты, к которым прибегают с указанной целью разные группы населения, жаргонизмы — языковые факты, принадлежащие каким-либо определенным группам населения [13].

---

[11] Ср.: «Ответ на этот вопрос (являются ли те или иные словообразовательные аффиксы дифференциальными признаками просторечного слова.— *Е. Ф.*) в целом носит негативный характер: на основании данных ТСУ мы практически не можем выделить стилистически специализированные — просторечные — словообразовательные разряды (*Виноградов С. И.* «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977, с. 147).

[12] *Оссовецкий И. А.* Указ. соч., с. 306.

[13] В лингвистической литературе принято различать арго и жаргоны. Арго, по характеристике Л. И. Скворцова, «является принадлежностью относительно замкнутых социальных групп и сообществ... В строго терминологическом смысле А.— это речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира: нищих, воров, картежных шулеров и т. п.». Жаргон —

Этой функцией и определяется их внелитературный характер. Она же определяет и состав этих средств.

1) Большая часть сленга и жаргонизмов — это единицы, которые воспринимаются носителями литературного языка как принадлежность речи населения (преимущественно городского) с низким уровнем культуры и образования. Как способ выражения, подчеркнуто противопоставленный литературному и не имеющий определенной социально-групповой закрепленности, т. е. как элемент сленга, воспринимается, например, словосочетание *наше вам.* Ср. его со словом *здоро́во*, которое имеет окраску городского просторечия, но не выполняет функции отталкивания от литературного языка: Его хлопнул по плечу «кум мастеровой» и весело воскликнул: — Михаилу Нилычу, *наше вам.* — *Здорово*, кум (Станюкович. Вестовой Егоров). К этой же группе принадлежит слово *кумпол:* — Авиабомбы, да! — начиненные молоком и здоровьем! Когда они обрушиваются на людей, они сеют... так сказать, кровь с молоком. Пусть бьет меня такая бомба по *кумполу* — на здоровье (Шукшин. Пьедестал); слово *офонареть:* Нет бы попросту, по-привычному: «Ну куда, куда прете? *Офонарели*, да?» — так мы с ней (проводницей) быстренько нашли бы общий язык. Скоренько разобрались бы, кто есть кто (Крокодил, 1980, № 11); слово *верняк*: Шайба отскочила. В пекло угодили, — подтвердил второй. — *Верняк*,— сказал первый (Из газет, 1965); слово *стопарь*:— Я,— гордо сказал парень. — Употребляю! Можно с вами по *стопарю* выпить? — Я не пью, — нахмурился Родион, заметив, что парень чуть навеселе (В. Чивилихин. Елки-моталки); слово *классный*:— Ну, спасибо, старший лейтенант. *Классный* удар (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); слово *потрясный* и т. п.

К этой же группе относятся слова и обороты, которые воспринимаются как элементы воровского жаргона: Арестант опускается на свое жесткое ложе; но вдруг подымается с злобным выражением. — Слышь Антипка, не шути, подлец! Убью!... Ни на што не посмотрю... Сам пропаду, а уж *пришью* тебя, каиново отродье (Короленко. Яшка).

К ней же принадлежат и единицы, занимающие промежуточное положение между сленгом и жаргонизмами, не порвавшие

«является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п. (напр., Ж охотников, спортсменов, моряков)». (См.: Русский язык. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979, с. 24 и 82). Это деление, оправданное с диалектологической точки зрения, в плане стилистических разграничений представляется менее существенным, чем предлагаемое в данном разделе.

Между сленгом и жаргонами, как отмечает Л. И. Скворцов, зыбкие, подвижные границы: жаргонизмы легко переходят в сленг, а оттуда в литературное просторечие (*Скворцов Л. И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977, с. 35).

окончательно связи с тем или иным жаргоном. Так, некоторый налет «приблатненности» сохраняют слова *ша*: — *Ша*! — сказал нездешний бригадир. — *Ша*, пацаны ... я валю этого бычка (Шукшин. Танцующий Шива); *ё-мое*:— Окрошка из сладкого кваса! Ну не *ё-мое*?! — В недавнем прошлом Смородина значилась тюрьма, лет пять, — за отдаленное участие в изготовлении фальшивых денег, он прихватил в лагере тамошний сочный, богатый образами язык и обильно вплетал разные слова и словечки в теперешнюю мирную речь (Шукшин. Пьедестал); *фарт, фартовый:* — Я ведь страсть какой *фартовый*! — прихвастнул Сема. — В прошлом году дали мне путевку в геотресте в Крым. Поехал я. И пока жил, три раза на пляже деньги находил (Г. Марков. Соль земли); *завязать:* — Сестренка, сестренка, все, *завязал*, пить больше не буду! (Устная речь, 1978); *братва, стырить* и т. п.

Вместе с тем среди лексики и фразеологии, выполняющей функцию отталкивания от литературного словоупотребления, находятся и единицы, не имеющие культурно-социальной прикрепленности, и единицы, специфически интеллигентские: Бац! *Напрочь* отнялась левая нога. Ну, думаю, теперь задержать губительное развитие стресса может только старый добрый скандал (Крокодил, 1980 № 11); — О чем задумалась, лошадушка?— усмехнулся Костров. — ...Может, *махнемся* на время — ты мне свои заботы, я тебе свои (Г. Кочетков. Дорога через сердце); Слышно, как один рабочий говорит другому: — *Махнем* шапку на авторучку? Другой отвечает: — Не... Это «махальщики». В Ярске сейчас мода «*махаться*» не глядя (А. Приставкин. Голубка); *будь спок, будьте уверочки, модерновый:* В гостиной уже сидит студент Петя в *модерновом* костюмчике (А. Гладилин. Южно-Курильские острова); *толкать речугу*:— Я думаю, он нашел внимательную аудиторию и *толкает речугу* (И. Виноградов. Шагай, капитан); *док:* — *Док*, утопленник ожил, — сообщил Дугин (Санин. За тех, кто в дрейфе) и т. п.

Социально немаркированы элементы молодежного жаргона и его разновидности — жаргона студенческого: 15-летняя Лена защищала свое право на «*балдеж*» в темном подъезде в компании друзей, с гитарой, со стаканом по кругу, с сигарой в зубах (Из газет, 1978); Хочется поведать грустную быль о брянском расточнике Никите К., начав ее сказительно. Жил-был, работал, не унывал, вечерами гулял по «*броду*», как называют в городе коротенькую улицу, собирающую по вечерам брянскую общительную молодежь (Из газет, 1978); Сосед слева заполняет тетрадь какими-то графиками, таблицами... — Что это у тебя? — *Лабу* делаю, — отмахивается он. — Сдавать завтра. «*Лаба*» — это лабораторная работа (Из газет, 1977). Сюда же относятся жаргонные элементы тех групп носителей литературного языка, которых объединяет общность профессии, интересов и т. п. — Вот видите, — говорит мне Борис Михайлович, — это *битый* рак. — Он очерчивает карандашом большой круг на снимке. — Жар-

гон, — смущенно улыбаясь, поясняет Владимир Вахтангович.— *Битый* — значит бесспорный (Из газет, 1980) [14].

2) Поскольку сленг и жаргонизмы выполняют функцию отталкивания от литературного словоупотребления, существенным оказывается деление их по признаку целей такого отталкивания.

По этому признаку сленг и жаргонизмы делятся на две разновидности. К одной из них относятся слова и выражения, употребление которых воспринимается как своего рода фамильярничание с литературным языком, запанибратское с ним отношение (дернуть по *стакашку*, *будь спок*, *потрясный* и т. п.). К этой разновидности примыкают жаргонизмы, которые служат цели обособления тех или иных профессиональных групп, групп, объединенных общностью интересов, занятий и т. п. (жаргонизмы охотников, спортсменов, моряков и т. д.).

Употребление слов и оборотов второго вида расценивается как сознательное игнорирование литературного языка, как противопоставление себя говорящим обществу культурных, образованных людей, поэтому они характеризуются отрицательной экспрессией. Это прежде всего элементы сленга, имеющие окраску «низов» общества (*опупеть*, *лыбиться*, *кумпол*, *зенки*). К ним примыкает лексика, употреблением которой говорящие отталкиваются, собственно говоря, не от норм литературного словоупотребления, а от норм речевого «этикета» культурных людей. Таковы неприличные слова. Как способ противопоставить себя обществу культурных людей воспринимается и неспровоцированное (не вызванное резко отрицательными эмоциями говорящего, не заслуженное тем, кому адресовано и не оправданное шутливо-фамильярным заданием) употребление грубых, оскорбительных, бранных слов литературного языка типа *жрать*, *трепаться*, *дрыхнуть*, *сволочь*. Например:— Пошла ты!...— вяло огрызается Бронька. — Дай *пожрать* (Шукшин. Миль пардон, мадам!).

Деление сленга и жаргонизмов по культурно-социальному признаку и деление их по признаку целей отталкивания от литературного словоупотребления пересекаются.

К группе слов и выражений, которые используются для «фамильярничанья» с литературным языком, относятся по преимуществу социально немаркированные и специфически интеллигентские языковые факты. В числе слов и выражений, служащих для обособления тех или иных профессиональных групп, есть элементы разной социальной принадлежности. К группе жаргонизмов, с помощью которых проявляется неуважительное отношение к литературному языку и его носителям, относятся элементы не только таких жаргонов, как воровской, но и таких,

---

[14] Некоторые из приведенных в этом разделе цитат взяты из словаря-справочника «Новые слова и значения». М.: Сов. энциклопедия, 1971 и «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77». М.: Русский язык, 1980.

как молодежный, который, как отмечено, не имеет социальной закрепленности.

Итак, лексика, характеризующая говорящего со стороны социальной, территориальной или возрастной принадлежности, уровня образования и культуры и т. п., — особый тип стилистически окрашенной лексики. В него входит не только часть лексики литературного языка с окраской стилистической сниженности (разговорности) и стилистической высокости (книжности), но и лексика внелитературная, запечатлевшаяся в сознании говорящих на литературном языке как особенность речи тех или иных групп населения. При стилистическом подходе к ней она делится на лексику, воспринимаемую как средство общения соответствующих групп населения, не принадлежащего к носителям литературного языка (внелитературное просторечие, в составе которого выделяется народное просторечие, просторечие малограмотных, деревенское и городское просторечие; диалектизмы), и на лексику, воспринимаемую как средство отталкивания говорящих от литературного словоупотребления (в составе этой лексики есть не только слова, принадлежащие культурно-социальным «низам» общества, но и слова, социально немаркированные, и слова, специфически интеллигентские; те и другие неоднородны по целям отталкивания от способа выражения, свойственного литературному языку).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга представляет собой попытку прервать «традицию» изолированного, вне связи с решением насущных проблем стилистически маркированных средств, рассмотрения стилистической дифференциации лексики современного русского литературного языка.

Предметом исследования являются слова типа *впоследствии, ибо, привносить, проживать* где-н., *вменять, папа, картошка, выскочить* (из комнаты и т. п.), *валить* (о толпе), *сговор, рассадник, сборище, зуводер, бабка, шмякнуться, выдраться* откуда-н., *растопырить, раскорячить, воин, зачинатель, провозвестник, капризуля, девчушка, стерва, хрычовка, воротиться, нынче, покуда, покамест, утрировать, шокировать, третировать* и т. п., которые, будучи взяты вне контекста, особенно в сопоставлении с соответствующими им по значению *потом, потому что, жить, отец, картофель, выбежать, соглашение* и т. д. производят особое стилистическое впечатление, позволяющее говорить, что они обладают окраской, или экспрессией. Способность отмеченных слов вызывать стилистическое впечатление объясняется тем, что в сознании носителей литературного языка они запечатлелись в определенных контекстах, «вобрав» в себя из этих контекстов содержащиеся в них сведения о тех или иных экстралингвистических обстоятельствах, не связанных с признаками самого обозначаемого словом предмета (в широком смысле слова), и вследствие этого оказались способными и сами вносить в речь соответствующие сведения.

Непредметная (дополнительная по отношению к основной, предметно-логической) информация и является дифференциальным, отличительным признаком лексики рассматриваемого типа, тогда как ее способность вызывать вне контекста стилистическое впечатление и ограничения в условиях употребления — признаки, с синхронной точки зрения вторичные и производные.

Автор попытался найти такие приемы и методы стилистической квалификации слов, которые бы строго соответствовали избранному предмету исследования и избранной задаче его изучения — выявить стоящую за окраской слов дополнительную (непредметную) стилистическую информацию.

Природа стилистических признаков слов требует различать, во-первых, возможности и способы изучения представлений об особенностях слов, которые сложились в языковом сознании от-

дельных лиц, в том числе и прежде всего самого исследователя, и возможности и способы изучения коллективных языковых представлений, а во-вторых, возможности и способы изучения языковых представлений получателей речи и возможности и способы изучения языковых представлений отправителей речи.

Наблюдение над условиями употребления слов в текстах, которое некоторые исследователи считают единственно возможным путем изучения стилистических функций слов, позволяет выявлять языковые представления отправителей речи. Это определяется тем, что, сформировавшись в сознании носителя литературного языка, представления о признаках слов диктуют ему правила употребления этих слов. Однако возможности изучения представлений о признаках слов по текстам ограничены. О данных языкового сознания отправителя речи судит получатель речи (исследователь), а так как его представления о слове могут быть иными, в определенных условиях (см. ч. I, гл. 3) возможно ошибочное понимание отправителя речи, приписывание ему, а также языковому коллективу, к которому он принадлежит, чуждого восприятия слов. Представления о признаках слов получателя речи обнаруживают себя в его реакции на употребление этих слов в различных условиях. Наблюдая свое отношение к использованию изучаемого слова в тех или иных контекстах и реакцию окружающих на это же использование слова, исследователь получает возможность судить о том, с какими признаками оно отложилось как в собственном его сознании, так и в сознании коллектива говорящих на литературном языке. Но поскольку одно и то же слово в разных условиях может звучать для одного и того же получателя речи по-разному (например, слово *сонмище* звучит и пренебрежительно, и иронически, и шутливо), потребовалось вскрыть условия наилучшего, и условия наихудшего проявления языковых представлений получателя речи. На основе самоанализа автор приходит к заключению, что лучше, точнее всего сложившиеся в сознании получателя речи представления о признаках слов выявляются в двух видах контекстов. Во-первых, в контекстах, которые названы немыми. Это контексты, которые не содержат никакой подсказки относительно тех обстоятельств, информацию о которых, как предполагается, может заключать в себе слово. Если исследователь или другой получатель речи узнáет из такого текста о соответствующих обстоятельствах (например, из текста: Общежитие ведь, по сути дела, что? *Рассадник*... Вы меня понимаете? — об отрицательном отношении говорящего к тому, что названо рассадником), значит, ему сообщило об этом исследуемое слово, вернее, языковое сознание данного лица. Во-вторых, это контексты, где слово употреблено в обстоятельствах, противоречащих предполагаемой у слова информации (например: Говорилось, что в Москве два *рассадника* истинного просвещения: Московский университет и Малый театр). Если для получателя речи слово существует с той или иной информацией, он, столкнувшись с по-

добным употреблением, ощутит сдвиг, смещение, мотивированное или немотивированное, — в последнем случае сведения, которые содержит в себе слово, выявляются наиболее отчетливо.

Следовательно, судить о стилистических функциях слов в современном литературном языке следует прежде всего и в основном по их звучанию как для самого исследователя, так и для его современников в немых и смещенных текстах, реальных, а еще лучше экспериментальных. Метод синонимических сопоставлений, который принято считать объективным методом стилистических исследований, противопоставляя его интуитивному подходу к изучению стилистических свойств языковых средств, может иметь только вспомогательное значение. Его действенность целиком зависит от контекста, в котором рассматривается слово: синонимические сопоставления могут усилить как истинное, так и мнимое, вызванное контекстными условиями впечатление от слов. Поэтому к нему следует прибегать только для усиления стилистического звучания изолированных слов и слов, поставленных в немые контексты.

Вопрос стилистической классификации лексики тоже решается в соответствии с пониманием дифференциального признака стилистически окрашенных средств языка.

За схожей стилистической окраской может стоять разная непредметная информация. Поэтому результаты деления лексики по тому и по другому признаку не могут полностью совпадать: при втором подходе стилистический состав лексических средств оказывается значительно более богатым и разнообразным. Соотношения между выделенными по признаку дополнительной информации разрядами лексики должны устанавливаться в соответствии с теми зависимостями, которые существуют между соответствующими экстралингвистическими обстоятельствами. Сфера общения, отношение говорящего к предмету речи, социальный, возрастной и т. п. статус говорящего, отношение говорящего к самому слову, характеристики которых заключают в себе лексические единицы, — факторы, между которыми нет отношений частного к общему, отношений господства и подчинения. Это дает основание говорить о существовании в современном русском литературном языке четырех самостоятельных типов стилистически окрашенной лексики. Каждый из них делится на слои, противопоставленные один другому по характеру оценок соответствующих неязыковых факторов и слою лексики, не заключающей в себе данного типа характеристик. Поскольку одна и та же лексическая единица может заключать в себе разнотипные характеристики, т. е. одновременно принадлежать к разным типам стилистически окрашенной лексики, стилистическая нейтральность лексики тоже должна рассматриваться только по отношению к определенному типу стилистической маркированности: лексическая единица, нейтральная относительно какого-то одного типа характеристик, может оказаться стилистически маркированной в другом отношении (например,

заключающая в себе характеристику отношения говорящего к предмету речи принадлежать к нейтральному в функционально-стилистическом отношении слою лексики). Поскольку пласты лексики, принадлежащей к разным стилистическим типам, пересекаются, стилистическую организацию лексики неправомерно представлять ни «в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных» (Л. В. Щерба), ни в виде трехслойной структуры, срединный слой которой составляет стилистически нейтральная лексика. Лексика в стилистическом отношении представляет собой некий правильный восьмигранник, расслаивающийся по четырем направлениям, так что лишь внутри его оказывается лексика, абсолютно нейтральная. Виды и разновидности каждого типа стилистически окрашенной лексики также выделяются в соответствии с соотношениями внутри данного типа непредметной информации.

Необходимость подробно и обстоятельно разобраться в противоречивых высказываниях лингвистов о стилистических средствах, определить, что в них отражает разные взгляды на ту или иную проблему, а что обусловлено неупорядоченностью терминологии (исследователи нередко полемизируют друг с другом, не учитывая, к каким фактам и явлениям их оппонент применяет тот или иной термин) и выработать свою позицию по таким существенным вопросам, как понятие стилистической маркированности, задачи и методы стилистической квалификации лексики, принципы классификации стилистически окрашенных слов, ограничила возможность изучения в данной работе стилистического расслоения лексики современного русского литературного языка. В книге рассматриваются только три типа стилистически окрашенной лексики в их основных видах и разновидностях. Не изучены в полной мере и закономерности совмещений разных типов, видов и разновидностей дополнительной информации. Совсем не ставился вопрос о количественных соотношениях. Детальное изучение стилистической дифференциации лексики современного русского литературного языка — задача будущих исследований.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

абстрагироваться **5**
абсурдный **5**
авантюристический **5**
авиа 6
авось 9
автократ **5**
автоматизм **5**
авторитарный **5**
агитационно-массовый **5**
агитбригада **5**
агрессия 5, 31
адепт 5, 22, 24, 33
администрирование **5**
адресовать 25, 29, 31, 32
аккурат 192, 195, 197
актер 50
активизация **5**
активизировать **5**
активист **5**
актуальный **5**
акцент 25, 29, 31
аллилуйщик **5**
аль 195, 196
амбре 166
ампутировать 25
анализировать **25**
ангел 157
ангелочек 157
аномалия **25**
аплодировать **25**
аполитизм **5**
аполитичный **5**
арестовать **25**
армада 87, 162
аромат 147, 151
артист 50
архитектор **25**
аспид 173, 175
ассоциироваться **5**
атмосфера **40**
аффектация **5**, **22**
ах 6
ба (бы) **200**
баба 194, 195, **196**
бабка 22, 24, 25, 62, 63, 81, **82**, **83**, 84
бабушка 25, 129, 130, 132
баз 199, **201**
базлать 202
балаболка 25, **170**
балбес 175, 180, 184
балда 173
балдеж 204
балка 201
баловень 167
баловень судьбы **160**
баловник 167
барыш 45
баскет 192
бахвал 158
беда 47
бедность 21
беднота 25
бедняга 167
бедняжка 167
бедолага 167
безапелляционный 149, 152,
безвозмездный 147, 155
бездарный 147
бездарь 168, 176
бездельник 25, **158**
безделье 25
безумствовать **40**
безыдейный **5**
белоснежный 157
березонька 166
беседа 70
бесенок 181
беситься 40
бесконтрольный 155
бескрайний 157
бесноваться 40
бесплатный 154
беспрерывно 100, 104
беспрецедентный 94
бессердечный 25
бестолочь 177
бесценный 155
бесчувственный 25
бить 25
битый рак 204
благоверный 166
благовоние 147
благодаря тому что **133**
благоухание 147
благоухать 147
блуждать **80**
блюдце **6**
блюсти **87**
боевитость **5**
бойня 21, **44**

болван 173, **185**
болезнь 25
болтун 25
большак 192, 201
большеглазый 25
большой 7, 25
бороться 25
брак (супружество) **25**
брат 197
братва 197, 204
браток 197
братоубийственный 10
брать 25
брести 25
брод 204
бросать 25
брюзга 38
брюхо 165
бугалтер 200
будто 40
будущий 25
будь спок 204, 205
будьте уверочки 204
буквоед 66
буркалы 197
бутуз 166
бывало 128
быстроходный 25
бэээф 6
важнейший 10
валить (идти) **207**
варьировать **25**
ваятель 11
ввалиться 25
ввергнуть 87
ввиду 140
ввязываться 25
вдаться 150, 153
ведь 126, 127
ведьма 159, 173
великий 7
веник 6
верзила 84, 86, **157**
вернуться 185, **187**
верняк 203
вертихвостка 158
верхогляд 158
верхотура 166
верхушка 21, **155**
вершитель 4, **161**
веселье 110
веснушчатый 25
весьма 5, 22, 190, **191**
вечерком 4
вещать 166
вещий 4
вещь 189
веять 25
взаправду 43
взасос 4
взгляд 25
вздернуть 25
взлет 4
взмоститься **4**
взор 25
взорлить 11
взывать 4, 161
взять 25
видать 195
видно 128
видоизменять 25
вилка 6
вилять 158
вирши 166
висюлька 4
вихрастый 4
в качестве **67, 139**
вкупе 25
вкусить 4
вкусовой (*в. качества*) **141**
властитель 161
влачиться 25
вменять **140, 207**
вместе 25
вмешаться 116
вмешиваться 25, 101, 104, 116, **149**
внешний (*в. данные*) 141
внушительный 25
водрузить 161
воедино 161
военный 25
вожак 101, 104
возвестить 6
воздвигнуть 100, 104
воздух 40
воздыхатель 166
возложить 140
возмездие 4
возможно 127
во имя 100
воин 4, 6, 22, 24, 25, **27**, 33, 67, 100, 104, 115, 161, **162**, 190, 207
воистину 29
война 31, 142, 143
войти 25
волокита 21
волшебник 50
вонь 147, 151
вонючий 147
вонять 147
воочию 116
вопить 165
вопиять 163
ворог 144
воротиться 185, 186, 187, 207
воспитанник 40
воспрянуть 10
восхитительный 145
вояж 166
вояка 22, 24, 25, 29, 31, 32
впервые 138
вперед 6, 80, 200
впоследствии 138, 185, 186, 207
впредь 80

впутываться 25
враг 25
врачевать 115, 116
вредить 25
временный 25
время 27
в связи с тем что 133, 134, 136
всеоружие 87
всесторонне 140
в силу того что 133
вследствие 5, 134, 135
вследствие того что 133, 134, 135, 136
встревать 25
встретить 25
вступить 25
в условиях чего 137
всхрапнуть 166
всяк 187
вчерась 60, 192, 194, 195, 196
выбежать 67, 106, 207
выборá 8
выбрать 25
выбраться 25, 129
выгнать 25
выдворить 25
выдраться 25, 207
выдумывать 150
вызняться 200
выкарабкаться 25
выкормыш 160
вылезть 25
выпендриваться 8
выпить 11
выскочить 67, 106, 129, 207
высокий 30, 86
высыпать 129
вытворять 158
вытурить 25
вытянуться 6
выхвалить 98
выхваливать 97, 99, 100
выходка 158
вышеназванный 140
гад 173, 197, 198
гадина 168, 197
гадкий 159
гадство 197
гадюка 173, 178
газетчик 116
газировочка 11
галдеж 154
гелертер 5
генный (*г. мутации*) 27
гетерогенный 5
гидростанция 63
главарь 147, 148
гладь 11
глаз 165
глазастый 4, 25, 29
глазеть 6, 165
глазник 33
глашатай 79
глобальный 10
глумной 195, 199
глупóй 202
глупыш 6, 166
глупышка 166
гляделки 49, 50, 165
гнев 31
гнусный 159
година 6
голод 31
голубчик 6, 167
голь 25
гольцы 201
голытьба 25
гонитель 144
гонка (*г. вооружений*) 21
гора 78
гордыня 20
горемыка 167
горнило 6, 79
городьба 201
горшок 27, 31
горюн 167
грабеж 78, 154
гребешок 6
гроб 18, 21
грохнуться 164
грубиян 184
грымза 175, 180
грядущий 6, 25, 161
грязнуля 6
грязь 18, 21, 31, 32, 142, 143
грянуться 165
губитель 79
гулять 47
гутарить 202
давеча 8, 80, 114, 192, 194, 195, 196
дак 197, 199
далее 138
далече 43
дар 154
дареный 154
дарить 154
дармоед 160
даровой 154
даровщина 154
девка 194, 195, 197
девчата 126
девчушка 207
дед 65, 129, 130, 132, 194, 195
дедушка 65, 129, 130, 132
декаданс 5
декорум 5
декрет (декретный отпуск) 11
дележ 154
дело 66
демонстративный 149
дерево 28
дерзание 79
дерзновенный 87
дернуть 205
дерьмо 173

детвора 167
деяние 87
деятельный **10**
диалог 44, 65, 68—73, **82, 84, 86, 91,** 123, 135
диктатура 31
дилетант 149, 150
дилетантский **149, 150**
диплом 11
длань 11
доблестный 6
доблесть 79
доброкачественный **145**
доброта 31
док 204
дока 166
долбеж 154
долговязый 30, 157
должность 151
донос 20
допотопный 166
допрыгаться 166
достояние 79
дохлый 25
дохлятина 160
драться 25
друг друга 185
друг дружку **185, 195**
дружок 48, 166
дрыхнуть 8, 165, **205**
дрянь 184
дубина 173
думка 110
дурак 180, 181, 182, **184**
дуралей 182, 184
дурачина 168, 182, **184**
дуреха 167
дурной 145, 147
дух 47
духовитый 187
душегуб 173
душистый 147
душещипательный 166
дьявол 168, 170, 171, 175, **176, 178**
дьяволенок 181, 185
дюже 192
дюжий 187
дылда 157, 169
егоза 167
единомыслие 79
единомышленник 162
ежели 43, 194, 195
ейный 195
елань 201
ё-моё **204**
есть (принимать пищу) 11, 165
ехидничать 4
жалеть 61
железно 11
железный 164
железяка 164
желудочно-кишечный (*ж.-к. тракт*) 28
женский 126
жестокосердый 25
жиденький 47
жила 159
жисть 197
житуха 197
жить 207
жмот 159
жрать 8, 165, 205
за (в знач. указ. причины) 105
забияка 4
завалиться спать 166
завершение 10
завет 79
завсегда 192, 194, 195
завязать (покончить с чем-н.) **204**
загвоздка 4
загнетка 192
загогулина 166
загодя 43
задание 144, 145
задаром 43
задумка 110
зажигалка 6
зажим 21
заимка 202
закатиться (уйти, уехать) 166
заколка 6
законник 97, 99, 100, 101, 166
закулисный 101, 103, 104
замести кого-н. 25
заместо 194, 195, 196
заморыш 167
замышлять 101, 148
запах 147, 150
запевала 101, 104
заплот 195
зараз 187
зараза 169, 170, 171, 176, 178, **197,** 198
заржать 164
засмеяться 164
застить 80, 195
застрельщик 5, 21
застрять 129
затем 67, 138
зачать (начать) 107, 114
зачаться 114
зачинатель 107, 108, 163, 207
зачинательница 107
зачинать 43, 44, 107, 108, 111, 194
зачинаться 110, 114, 115
зачинщик 52—61, 64, **80, 82,** 84, **101,** 104, 107, 108, 110, 111, 116, 119, 147, 151, 152, 174, 190
зачинщица **57**
здорово 203
здоровый 25
здря 192, 194, 195, **196**
зенки 205
златой 11
злоба 142, 143

зловоние 145, 151
зловонный 147
злодей 117
злодеяние 87, 161, 163
злой 7
знатный 25
зодчий 25
зоил 144
зубодер 6, 207
зубреж 154
ибо 133, 135, 136, 185, 207
иго 79
игнорировать 186, 188, 189
идиот 173, 174
идол 170, 171, 176
идти 67
избечь 43
избранник 100, 104
избрать 25
избыток 150
избыточность 150, 152
изведать 87
изверг 173
изгнанник 161, 163
изгнать 25
изготовить 43
издохнуть 101, 103, 104
измышлять 150, 152, 153
изобличать 79
изрекать 166
из себя 43
изумиться 186, 188, 189
импозантный 25, 188
импонировать 79
импрессионист 11
импровизированный 79
импульсивный 79, 186, 188, 189
инициатива 66, 146
инициативный 146
инициатор 64, 95, 96
испариться 6
испепелить 79
испить 195, 196
и так далее 138
иуда 160
ихний 192, 194, 195, 196, 200
ишь ты 82
кабы 195
кажин 196
как 40, 139
как его 27, 29
каланча 166
канителиться 197
капризуля 166, 207
карапуз 166
караулить 47
карга 8, 175, 180
кардиолог 27
картеж 154
картинный 97—100
картофель 65, 129, 137, 138, 207
картошка 24, 31, 65, 129, 185, 186, 207
карьера 45, 80
кастрюля 6, 27
категорический 149
каюк 8
кидать 25
кино 32, 129
кинотеатр 137, 138
киношка 166
кладовая 126
кладовка 126, 128
классный 203
клич 79
клоп 166, 167
клубень 141
кляча 20
книга 27
колдун 50
коленка 128
колотить 25
комичный 200
коммуникабельный 10
конгресс 31
конешно 200
коновал 147
конопатый 22, 25, 29, 31
консистенция 27, 84
консультация 70
конфигурация 138, 139
кончина 86, 100, 104
корпорация 31
кочет 192, 195, 199, 201, 202
к примеру 6, 185, 195
кража 78
крайне 5, 190, 191
крайний 8
красавица 164
красивость 97—100
красота 98
красотка 164
красочный 146, 150
кричать 165
крохотный 7
кукситься 29
кулеш 201
кумпол 203, 205
куражиться 29
курень 192, 199, 201
куржак 202
курица 67
кутеж 154
куча 125, 166
лаба 204
лакомка 82
ланиты 11
ласкаться 150
ластиться 47, 150, 153
лаяться 197, 198
лежка 9
лезть 126
лентяй 158, 170, 174, 178, 179
лепта 87
лить 79

личный 66
лоботряс 25, 158
лодырь 25, 170, 177, 178
ложка 6
ложь 147
лыбиться 205
любимчик 158
любитель 149
любительский 149
любовь 6
мазила 86
мазня 159
маленький 7
малость 145
малявка 167
мама 6, 27, 65, 66, 126, **129—132, 185**
мамаша 43
маменька 130
мамочка 166
мамуля 166
мамуся 166
манка 6, 27, 30, 33, 185
манкировать 190
манная крупа 30
масса 79
мастак 166
матка (мать) 194, 195, 196
матушка 130
мать 65, 66, 126, 131, 132, **190**
махаться 204
махнуть (обменять) 204
махнуться 204
махровый 29, 40, 155
мегера 159
мелочь 145, 147
мерещиться 106, 164
мерзавец 168, 183, **184**
мерзкий 159
мероприятие 140
метла 27
мизерный 190
милашка 197
милка 197
миндальничать 158
минуть 138
миссия 144, 145, 147
младость 11
мнение 150
множить 87
могила 21
модерновый 204
модифицировать 25
модник 82
модничать 158
может 127
может быть 127
мозгляк 160
мойка 9
мо́лодежь 194, 195
молодуха 194, 195, 196
молокосос 181, 182
молочно-белый 157
мольба 79
монументальность 11
мордашка 167
морковка 29, 30, 31, 65, 129, 185
морковь 65, 137
мотовка 158
мошенник 174, 180, 181
мужать 87
мужик 194, 195, 197
мущина 200
мымра 175, 180
мыслить 115
мягкость 158
мямля 159
назоднить 98, 99
наводнять 97, 99, 100, 151
навязать 148
навязывать 148
надобно 116
нажива 45
наживаться 45
намедни 8, 194, 195, 196
намеренный 147
нападки 40
на понт брать 198
например 185
напрочь 204
напруденить 201
нарваться 72, 122
насадить 113, 153
насаждать 101, 104, 113, 147, 148, 153
насаждение 113, 153
наспроть 200
натирка 9
наткнуться 25
натянуть 129
наукообразный 150, 153
научный 150
начинать 44
наше вам 203
наяривать 66
небось 9, 195
неважно 128
невежественный 147
невозвратный 79
негодник 173
негодяй 169, 180
недобиток 160
недобрый 7
недруг 25
недуг 25
нежели 116
нежность 142
незабвенный 6
нейтрон 27
ненависть 6, 31
необъятный 157
необыкновенный 186
неохватный 157
неоценимый 147
неправда 147
неряшливость 84

неслух 167
неспециалист 150
нести 25
нетленный 87
неувядаемый 87
неумной 199
нешто 194
нижепоименованный 10
низвержение 10
низкопоклонник 6
ничё 201
ничего 128
ничегонеделанье 25
новатор 5
ноне 194, 195, 196
ну 128
ныне 87, 100, 104, 115
нынче 6, 185, 186, 187, 190, 195, 196, 207
нянюшка 130
обелить 150, 153, 155
обжора 82
обитать 185
облапошить 9
обметать 47
ободнять 58
оболтус 172, 173, 174, 180
обормот 172, 174, 178, 179
обращать 25
обречь 93, 94, 147, 151
обстрекаться 192, 195
обувка 187, 194, 195
обувщик 137, 138
обыватель 84, 152
обыденный 45
обязательно 11
огласка 101
оглоед 197
оглядываться 164
огород (изгородь) 202
огорожа 192, 195, 199, 201
одежа 194, 195
однолеток 188
озарить 100, 114, 117
озарять 114
озаряться 114
озираться 105, 164
ознобить 187
озорник 167
околеть 103, 165
оконце 47
окромя 194, 195, 197
окрыситься 197
олух 172, 175, 180
оный 142
опознать 141
ополчиться 101, 104
опорочение 153
опорочивать 153
опорочить 153
опростать 195
опупеть 205
орудовать 101, 104
осел 173, 174, 175
ослабеть 185
ослабнуть 185, 188
ослепительный 157
осмос 78
особливо 192
останки 48, 115
остолоп 173, 175, 184
осуждение 145
отвертывать 188
отвертываться 188
отвратительный 145, 147
отвращение 145
отец 65, 132, 207
отзвенеть 11
отклонение 25
откромсать 49, 165
откуль 194, 195, 196, 197
отличие 10
отныне 161, 162
отнюдь 190
отнять 25
отписать 43
отрезать 25, 165
отстоять 79, 106
оттудова 9, 200
отъявленный 51
офицер 67
официоз 80
официозный 80
офонареть 203
охломон 172, 178
очевидно 128
падаль 197
падла 197, 198
пакостить 25
папа 6, 27, 65, 126, 129—132, 207
паразит 168, 169, 170, 171, 175, 176, 177, 178, 179, 197, 198
паразитка 170
параллелизм 149
парнишата 202
паршивец 173
пахучий 147
перво-наперво 197
переписка 110
период 136, 137
перловка 27, 29
пеструшка 67
петун 201
петух 166
печка 128
пижон 82
пинжак 194
пировка 202
писака 6, 144, 147, 170
питомец 40
пить 50
пичуга 167
пичужка 167
пламенный 161

платеж 154
плеяда 161
плита 6, 27, 29
плодовитость 97, 98, 99, 100
плохой 145, 147
плутать 80
плюхнуться 164
пневмония 27
по (в знач. указ. времени) 58, 194
повалить 129
поведать 115, 138
повертывать 188
повертываться 185, 187, 188
повесить 25
по-видимому 128
поворачиваться 185
поворотить 43
повсеместно 10
повстречать 25
поганец 173
погодить 185, 187
подать 123
подбористый 187
подлец 174, 180, 181, 183, 184
подлость 18
подмога 110
подогревать 97, 99, 100
подогреть 98
подождать 185
подохнуть 104
подсобить 110, 194, 195
подчеркнутый 149
пожалеть 61
пожрать 205
поздоровкаться 192
по-ихнему 196
пока 185, 187
показаться 164
показуха 21
покамест 195, 207
покатиться со смеху 129
покуда 6, 185, 186, 207
покудова 194, 195, 196
полагать 138, 185
полчище 97, 98, 99, 100
помело 27, 31
померещиться 106, 164
понравиться 192, 194, 195
понуждать 5
поохотиться 58
попереть 197, 198
пополнеть 50
порожний 185, 186
порочить 153
портфель 194
поручение 144
порывистый 186
поскольку 115, 133
поскотина 201
посланец 100, 104
после того 67
пособить 187, 192, 196
пособник 143, 147, 148
пост 145, 147, 151, 155
потолстеть 50
потом 138, 207
потому 133
потому как 133, 134
потому что 133, 135, 207
потребление 141
потреблять 141
потрясный 203, 205
почва 78
поэзия 21
поэт 147
праздность 25
прах 115, 161
предварительно 136, 137
превосходный 200
преддверие 79
преднамеренный 123
предок 192
предосудительный 145, 146
предпосылка 115
предприимчивый 146
представить 150
предубеждение 150, 154
презренный 144
презрительный 63
прелесть 157
пренебрегать 186
преобладать 10
препаративный (*п. хроматография*) 27
преступный 145
преувеличивать 185
преходящий 25
привносить 138, 207
приволье 11
приморить 110, 129, 187
примоститься 129
принудить 191
припухать 11
пристроиться 129
присущий 10
приткнуться 129
прихвостень 160
прихлебатель 160
причем 136, 137
пришить 203
приятный 145, 147
провозвестник 207
продленка 6, 27, 185
продовольственный 140
продрать глаза 165
проживать 140, 207
произрастать 141
проказник 167
промеж 187
промокашка 11
проснуться 165
простофиля 168
пространный 153
профан 6

профанировать 79
профиль 27
процент 8
прямолинейность 45, 101
прямолинейный 45
прямо-таки 47
прясло 110
птаха 167
пташка 167
пужать 145, 195
пузан 166
пузырь 166, 167
пустобрех 25
пустозвон 177
пустой 185, 187
пустомеля 25
пустопорожний 166
пустяк 145, 147
путаться 47
путем 139
пьяница 169
пятерня 129
равнодушный 25, 117
равный 154
радость 21, 31, 32, 142, 143
разбирать 25
разве 63
разговор 70, 71, 110, 125
раздавить 11
раздел 154
размазня 159
разыграться 129
рамена 11
раскорячить 164, 207
рассадник 31, 83, 147, 155, 207, 208
расставить 164
растопырить 207
растянуться 6, 164
расческа 6, 27
расчетливость 45, 80, 101
расчетливый 45, 123
ратовать 25
реагировать 200
ребятня 167
ревнитель 163
редактора́ 9
река 28
ретивость 97, 98, 99, 100
ретивый 98
реченька 166
ржать 164
рибонуклеиновый 78
рисковый 187
рифмоплет 144, 145, 147, 151
роднуля 166
роскошный 197
ро́стить 200
рохля 159
рубать 11
рукоплескать 25
рьяный 97, 98, 99, 100
рыскать 97, 98, 99, 100
самобеднейший 80
самоважнейший 80
самовар 71
самозабвенный 87
самоличный 43
самоновейший 38, 80
самонужнейший 80
сапожник 137
сарайка 202
сатана 168, 170, 171, 176
сборище 6, 39, 47, 48, 59, 91, 92, 93, 143, 190, 207
свершение 87
светило 126
свинья 175
свобода 31
своевольник 167
свой 66
сволочь 168, 169, 173, 174, 175, 184, 197, 205
своротить 43
сговор 40, 101, 106, 144, 146, 152, 207
сговориться 40
сгущенка 11
сера (*лиственничная с.*) 202
сердешный 200
сесть 164
сидеть 125
сизокрылый 11
силком 195
сильно 188
синхрофазотрон 78
синь 11
скалиться 165
скапутиться 165
скворушка 130
скидать 43
склизкий 43
склизко 9
сковородка 6
скот 168, 172, 183
скривить 63
скупердяй 159
скупец 158
слабый 25
сладкоежка 82
сластена 82, 143
слишком 150
словно 40
слоняться 6
смахивать (быть похожим) 166
смерть 18, 21, 86, 142, 143
смеяться 164
смотреть 164, 165
сначала 185
снежнобелый 157
сноровка 129
собака 175
собачиться 197
совладелец 155
совместно 25
совпадение 149

соглашение 106, 207
содеять 94, 95
солдат 67
солонка 6
сонмище 87—91, 106, 107, 113, 116, 117, 143, 208
сонуля 166
сопляк 168, 175, 182
соратник 6, 163
сорванец 167
сорт 97—100
соседушка 130
сотоварищ 155
сотоненок 201
соучастие 155
соучастник 101, 116, 147, 155
соученик 155
спать 11, 165
сперва 6, 185—188, 190; 195, 196
спешка 143, 155
сподвижник 163
справедливый 154
стакашек 205
старик 85
старинный 103
старомодный 103, 104
старуха 25, 85, 86
старушенция 166
стать (обойтись в какую-н. цену) 200
старый 85
старый хрен 175
старый хрыч 178
с тем чтобы 136, 137
стена 28
стенка 128
степ 202
стерва 173, 175, 207
стервец 173
стервоза 173
стозвонный 11
стол 27, 28
стопарь 203
страшно 126
стращать 43, 195
стул 27
стырить 204
стяг 100, 161
суверенитет 31
суглинок 78
сука 169, 178, 198
сумет 47
супруга 139, 140
супруги 137, 138
супружество 25
сцапать 25
счас 200
счастливец 160, 161
счастливчик 160, 161
счастливый 160
сыграть в ящик 165, 197
тайный 103
так 127
так как 127, 133—136
там 128
тарелка 6
тащиться 25
тварь 168, 176, 184
твориться 101, 144, 147, 149
телевизор 27
темень 47
теперь 185, 187
терпеж 154
тестюшка 130
тетка 132, 190, 194, 195, 196
тетрадь 27
тетя 39, 129—132
тишь 11
того и гляди 27
то и дело 47
толкать речугу 204
толкнуть 101
толковать 9
толстокожий 25
толстуха 167
топнуть (тонуть) 187
торгаш 84
тотальный 10
транспортировка 27
трахнуться 164
трепаться 205
третировать 79, 186, 188, 189, 207
трудоспособность 10
тряпка 6
тщиться 29
тянуть 25
тятя 194, 195, 197
убийство 21
ублажать 101
увы 6
углубиться 150
уговор 146
ударение 25
удивиться 186
удовольствие 145, 147
удовольствие ниже среднего 200
ужас 18, 142
ужасно 6, 125
указание 86, 149
указанный 140
указка 86, 149, 152
уловка 158
улыбаться 165
умереть 103, 165
умывальник 6, 27
уплетать 20
усердствовать 97—100
уставиться 164
усталость 186
утомиться 189
утомление 186, 188
утомленный 189
утрировать 5, 185, 188, 189, 207
ухват 27, 31
ухмыляться 165

ушлый 198
фарт 204
фартовый 204
финаги 192
франт 82, 84
франтить 158
фурия 159
ФЭБЭОН 6
халда 173
хам 174, 183, 184
хапать 25
характерно 136
хахаль 197
хватка 101
хворь 25, 29
хилый 25
хитрость 158
хищение 78
хлестать 50
хлипкий 20, 25
хлобыстнуться 165
хлопать 25
ходкий 25
хозяюшка 130
холера 168, 170, 171, 175, 176
холм 78
холява 173
холуй 181, 184
хороший 145
хрен 170, 171
хрип гнуть 202
хроматограф 27
хромосома 27
хрыч 170, 171, 175, 176, 178
хрычовка 170, 171, 176, 177, 180, 207
хряснуться 165
художник 86
худой (плохой) 192
худышка 167
хулиган 184
цербер 144
чайник 6, 27, 29
чашка 6
чё 201
человечество 31
чепуха 145
чернозем 78
черт 168, 170, 171, 175, 176, 185
чертенок 181
чертовский 6
чертяка 184
чикаться 197
читалка 33
чрезвычайно 5, 150
чрезмерно 150
чужбина 161, 163
чуть 126, 127
ша 204
шалопай 180
шалун 167
шарахнуть 11
шары (глаза) 197
шары налить 198
шваль 173
швырять 25
шествовать 67
шикарный 197
шкура 198
шлях 199
шмякнуться 33, 164, 207
шокировать 79, 188, 189, 207
шпилька 6
шпион 169
што 200
штучка 11
шулер 184
шушун 192
щеголь 84
щелья 202
щенок 173, 174
щетка 6
эгида 161, 162
экий 197
экспансивный 79
экстравагантность 189
экстравагантный 189
экстраординарный 186, 188, 189
эксцентричный 79
энтот 192, 195
эскулап 166
это 27, 29
эффектный 157
явить 88
явление 136, 137
язвенник 11
яр 201
яруга 201

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Часть I

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА . . . 16

Глава первая

Понятие стилистической маркированности языковых средств; типы стилистически маркированных языковых средств 16

Глава вторая

Стилистически окрашенная лексика: задачи ее изучения, природа стилистических свойств, условия их формирования и проявления 34

Глава третья

Возможности и способы изучения языковых представлений носителей литературного языка 74

Часть II

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ВИДЫ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ 121

Глава первая

Лексика, сообщающая о сфере своего употребления . 125

Глава вторая

Лексика, сообщающая об отношении говорящего к предмету речи 142

Глава третья

Лексика, характеризующая говорящего 185

Заключение 207

Указатель слов и словосочетаний 211

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

ПЕТРИЩЕВА
ЕВГЕНИЯ ФЕЛИКСОВНА

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства
А. И. Кучинская

Художник
С. Б. Генкина

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректор
О. В. Лаврова

ИБ № 26771

Сдано в набор 15.08.83
Подписано к печати 05.12.83
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага для глубокой печати
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 16,2
Усл. кр. отт. 14,25
Тираж 2450 экз. Тип. зак. 4664
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ГОРШКОВ А. И.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

12 л. 1 р. 20 к.

Монография посвящена теоретическим проблемам одной из самых молодых отраслей современной русистики — истории русского литературного языка. В ней рассматриваются и обобщаются идеи советских филологов о происхождении и развитии русского литературного языка.

ПОДОЛЬСКАЯ Н. В.
ТИПОВЫЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ТОПООСНОВЫ:
(словообразовательный анализ)

12 л. 1 р. 80 к.

Работа представляет собой структурный анализ образования восточнославянских (русских, украинских, белорусских) топонимов с типовыми основами. Исследование ведется при сопоставлении топонимии с данными антропонимии. В работу включены образцы статей словообразовательного ономастического словаря.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ:
ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

14 л. 2 р. 10 к.

В сборнике освещаются актуальные вопросы современной описательной диалектологии, представлена разработка целого ряда отдельных особенностей строя русского языка.

1 р. 60 к.